

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

№ 66

**Зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № 77-12789 от 31 мая 2002 г.)**

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» И54242

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Томск
2017

Учредитель – Томский государственный университет

«Сибирский психологический журнал» является научно-практическим изданием, публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии. «Сибирский психологический журнал» публикует результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной психологии, ранее нигде не публиковавшиеся и не представленные к публикации в другом издании. Решение о публикации принимается научной редакцией после рецензирования, учитывая соответствие тематике журнала, актуальность проблемы, научную и практическую новизну и значимость, профессионализм выполнения работы, качество подготовки и оформления материала. Официальные языки журнала: русский и английский. Средний срок рассмотрения рукописи 3–6 месяцев.

«Сибирский психологический журнал» выходит ежеквартально. Публикации осуществляются на некоммерческой основе. Все опубликованные материалы находятся в свободном доступе.

Журнал индексируется eLIBRARY.RU

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/psychology>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Залевский Г.В. – главный редактор (Томский государственный университет, Томск). E-mail: Usya9@sibmail.com

Лукьянов О.В. – заместитель главного редактора (Томский государственный университет, Томск). E-mail: lukyapov7@gmail.com

Алексеевская Е.О. – ответственный секретарь редакции журнала (Томский государственный университет, Томск). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Богомаз С.А. (Томский государственный университет, Томск); **Бохан Т.Г.** (Томский государственный университет, Томск); **Галажинский Э.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Кабрин В.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Карнышев А.Д.** (Иркутский государственный университет, Иркутск); **Козлова Н.В.** (Томский государственный университет, Томск); **Красноярцева О.М.** (Томский государственный университет, Томск); **Левницкая Т.Е.** (Томский государственный университет, Томск); **Мещерякова Э.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Муравьева О.И.** (Томский государственный университет, Томск); **Серый А.В.** (Кемеровский государственный университет, Кемерово)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г. (МГУ имени М.В. Ломоносова, федеральное государственное автономное учреждение «Федеральный институт развития образования», Москва, Россия); **Бохан Н.А.** (НИИ психического здоровья, Томск, Россия); **Вассерман Л.И.** (Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия); **Гарбер И.Е.** (Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия); **Зинченко Ю.П.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Знаков В.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия); **Ковас Ю.** (Голдсмита, Университет Лондона, Лондон, Великобритания); **Лаги Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Ломбардо К.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Лучиди Ф.** (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия); **Малых С.Б.** (Психологический институт РАО, Москва, Россия); **Такушян Г.** (Фордхемский университет, Нью-Йорк, США); **Тхостов А.Ш.** (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Ушаков Д.В.** (Институт психологии РАН, Москва, Россия)

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета

Редактор К.Г. Шилько; корректор Е.Г. Шумская; редакторы-переводчики: А.А. Стайпек, Е.О. Алексеевская, В.Н. Горенинцева; оригинал-макет А.И. Лелоюрг; дизайн обложки Л.Д. Кривонова.

Подписано в печать 18.12.2017 г. Формат 70x108¹/₁₆. Усл.-печ. л. 12,2. Тираж 50 экз. Заказ № 2887. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.12.2017 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия

Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

ABOUT SIBERIAN JOURNAL OF PSYCHOLOGY

Founder – Tomsk State University

The scientific journal “Siberian journal of psychology” publishes the results of the completed original researches (theoretical and experimental manuscripts) in different areas of contemporary psychology which have not been published before in this or any other edition. Besides, it includes descriptions of conceptually new methods of research, round-up articles on particular topics and overviews.

The Editorial Board of the “Siberian journal of psychology” commits to the internationally accepted principles of publication ethics expressed.

International standard serial edition number: ISSN 1726-7080 (Print), ISSN 2411-0809 (Online)

Language: Russian, English

Publications are on non-commercial basis (FREE).

Open access

Term of publication: 3–6 months

Contact the Journal

Tomsk State University, 36 Lenina St., Tomsk, 634050, Russian Federation

<http://journals.tsu.ru/psychology/en/>

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-chief – Genrikh V. Zalevsky, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Science, honored scientist of Russian Federation, member of the World Federation of Mental Health. E-mail: Usya9@sibmail.com

Deputy Editor-in-Chief – Oleg V. Lukyanov, Doctor of Psychology (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Executive secretary – Ekaterina O. Alekseevskaya (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation). E-mail: sibjornpsy@gmail.com

Bogomaz S.A. (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Bokhan T.G.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Galazhinsky E.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Kabrin V.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Karnyshev A.D.** (Irkutsk State University, Irkutsk Russian Federation); **Kozlova N.V.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Krasnorjadtseva O.M.** (Tomsk, Russia); **Levitskaia T.E.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Meshcheriakova E.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Muravyova O.I.** (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation); **Seryi A.V.** (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD [Russian Alphabet vise]

Asmolov A.G. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Bokhan N.A.** (Mental Health Research Institute, Tomsk, Russian Federation); **Vasserman L.I.** (St. Petersburg Research Institute of neuropsychiatric named Bekhterev, St. Petersburg, Russian Federation); **Garber I.E.** (Saratov NG Chernyshevskii State University, Saratov, Russian Federation); **Zinchenko Iu.P.** (Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); **Znakov V.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation); **Kovas Yu.** (Goldsmiths, University of London, London, UK); **Laghi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lombardo C.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Lucidi F.** (Sapienza University of Rome, Rome, Italy); **Malykh S.B.** (Psychological Institute Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation); **Takooshian H.** (Fordham University, New York, USA); **Tkhostov A.Sh.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation); **Ushakov D.V.** (Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

PUBLISHER:

Tomsk State University Publishing House (Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation)

Editor K.G. Shilko; proofreader E.G. Shumskaja; editor-translators: A.A. Stipek, E.O. Alekseevskaya; V. Gorenintseva; camera-ready copy A.I. Leloyur; cover design L.D. Krivtsova.

Passed for printing 18.12.2017. Format 70x108^{1/16}. Conventional printed sheets 12,2. Circulation - 50 copies. Order N 2887.

634050, 36 Lenina St., Tomsk, Russian Federation. Tel. +7 (382-2)-52-98-49. <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Галай И.А., Айзман Р.И., Богомаз С.А.** Гендерные особенности личностного потенциала студенческой молодежи в динамике обучения в педагогическом вузе 6
- Попова О.Н.** Проблема сбалансированности временной перспективы личности 18
- Смирнова Я.К.** Ориентировочная основа совместной деятельности дошкольников 32

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

- Помешкина С.А., Солодухин А.В., Беззубова В.А., Яницкий М.С., Серый А.В., Барбараш О.Л.** Связь коммуникативной модели лечащего врача с приверженностью к терапии пациентов, подвергшихся коронарному шунтированию 52
- Волкова О.В.** Уровень развития воли подростка как условие, определяющее степень выраженности выученной беспомощности взрослого 66

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Барышев А.А., Лукьянов О.В.** Аксиологический сдвиг в анализе предпринимательской идентичности и предпринимательского действия 82
- Молчанова Л.Н., Редькин А.И.** Стилиевые особенности саморегуляции поведения как ресурс преодоления состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов 97
- Сычев О.А., Казанцева О.А.** Отношения супругов в браке и психологическое благополучие ребенка дошкольного возраста 112

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ. АКМЕОЛОГИЯ

- Климова М.О., Циринг Д.А.** Диагностика личностной беспомощности у подростков: разработка и апробация психодиагностического инструментария 130

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

Galay I.A.I., Aizman R.I., Bogomaz S.A. Gender differences in dynamics of students' personal potential indicators.....	6
Popova O.N. The problem of a person's time perspective balance.....	18
Smirnova Y.K. Orientative basis of preschool children's mutual activity.....	32

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

Pomeshkina S.A., Solodukhin A.V., Bezubova V.A., Yanitskiy M.S., Seryy A.V., Barbarash O.L. Interrelation of the communicative model of the attending physician with adherence to therapy of patients undergoing coronary bypass surgery	52
Volkova O.V. The level of teenagers' will-power development as a condition determining the level of adults' learned helplessness manifestation	66

SOCIAL PSYCHOLOGY

Baryshev A.A., Lukyanov O.V. Axiological shift in the analysis of entrepreneurial identity and entrepreneurial action.....	82
Molchanova L.N., Redkin A.I. Self-regulation style features of behavior as a resource to overcome mental burnout condition of law enforcement officers.....	97
Sychev O.A., Kazantseva O.A. The influence of marital relationships on psychological well-being of a preschool child.....	112

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT, ACMEOLOGY

Klimova M.O., Tsiring D.A. Personal helplessness of adolescents: design and testing of psychodiagnosics technique.....	130
---	-----

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.923

DOI: 10.17223/17267080/66/1

И.А. Галай¹, Р.И. Айзман², С.А. Богомаз³

¹ Новосибирский государственный педагогический университет,
Куйбышевский филиал (Куйбышев, Россия),

² Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

³ Томский государственный университет (Томск, Россия)

Гендерные особенности личностного потенциала студенческой молодежи в динамике обучения в педагогическом вузе

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10803а).

Представлены результаты исследования личностного потенциала студенческой молодежи с использованием психологических тестов «Самодетерминация личности», «Самоорганизация деятельности», «Жизнестойкость», «Удовлетворенность жизнью», «Дифференциальная диагностика рефлексивности», «Качество жизни и удовлетворенность». Полученные результаты свидетельствуют о гендерных различиях в динамике показателей за время обучения. Сделано предположение о том, что специфика изменений психосоциального состояния студенческой молодежи в период обучения в вузе в значительной степени зависит не только от образовательной среды, но и от уровня социально-экономического и культурного развития региона в целом.

Ключевые слова: *гендерные различия; социокультурная среда; личностный потенциал; рефлексивность; жизнестойкость; самоорганизация; качество и удовлетворенность жизнью; карьерные ориентации.*

Введение

Реформирование современной педагогической системы с перестройкой ее структуры и приоритетов предполагает новый, более высокий уровень требований к качеству образования в высшей школе, готовности выпускников вуза к полноценной жизни и профессиональной деятельности в условиях современных социальных вызовов. Вместе с тем значительные изменения в качественном составе контингента обучаемых, недостаточное финансирование высшей педагогической школы и тенденция превращения системы образования в сферу услуг неизбежно ведут к падению социального статуса педагога, потере престижа педагогического образования и

оттоку интеллектуальной молодежи из педагогической среды [1, 2]. В этой связи проблема своевременной оценки потенциала студента вуза и разработка соответствующей стратегии его реализации, возможно, является ключевым фактором разрешения сложившихся противоречий и эффективным инструментом повышения качества образования в высшей школе [3, 4].

Несмотря на то что влияние интеллектуального потенциала человека на академические достижения обоснованно рассматривается в качестве важной предпосылки успешной профессиональной деятельности [5–8], ряд авторов считают определяющими факторами в достижении успешной деятельности в целом личностные качества человека [8–11].

Однако в литературе недостаточно подробно описаны гендерные особенности динамики показателей личностного потенциала студентов в период обучения в вузе и специфика их реакции на влияние социально-средовых и психофизиологических факторов [12, 13]. Кроме этого, остается актуальной проблема оттока квалифицированных кадров из системы образования, особенно в провинции, в связи с культурно-экономической отсталостью районных центров [14].

В этой связи для нас представляет интерес оценка гендерных особенностей динамики личностных качеств студентов в процессе обучения в вузе малого города.

Методы и организация исследования

Для реализации поставленной цели в Куйбышевском филиале Новосибирского государственного педагогического университета (КФ НГПУ) было проведено исследование личностных характеристик студентов 1-го и 4-го курсов: юношей ($n = 54$) и девушек ($n = 100$), обучающихся по естественнонаучному и гуманитарному направлениям. Подготовительные мероприятия и процедуру тестирования проводили в первой половине дня в комфортных санитарно-гигиенических условиях. На момент проведения исследования все студенты были практически здоровы и не имели острых заболеваний.

Для характеристики личностного потенциала использовали диагностический комплекс «Экспресс-оценка параметров личностного потенциала» [15] с применением компьютерной программы «Оценка социально-психологической адаптации и личностного потенциала студентов» [16]. В состав диагностического пакета включено семь методик, характеризующих различные показатели личностного потенциала: «Шкала самодетерминации личности (Б. Шелдон; в адаптации и модификации Е.Н. Осина, 2007)», «Шкала удовлетворенности жизнью» (Э. Динер, 1985; в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина, 2005), «Опросник самоорганизации деятельности» (Е.Ю. Мандрикова, 2007), «Тест жизнестойкости» (С. Мадди 2002; в модификации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, вариант Е.Н. Осина 2006), «Методика дифференциальной диагностики рефлексивности» (Д.А. Леонтьев, 2009), «Опросник качества жизни и удовлетворенности» (М. Рицнер;

в адаптации Е.И. Рассказовой, 2012), а также личностный опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры» (Э. Шейн; в адаптации В.А. Чикера, В.Э. Винокуровой, 2012). Для анализа данных были использованы методы описательной статистики (*t*-критерий Стьюдента); основные расчеты выполнены с помощью пакета программ Statistica 7.0. и считались достоверными при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Большое значение для успешной психосоциальной адаптации студентов, формирования условий личностного роста и реализации целевых установок имеет способность молодых людей к рациональной организации жизнедеятельности. Полученные результаты по шкале «Самоорганизация деятельности» (таблица) указывают на то, что в обеих гендерных группах по субшкалам «плановность», «настойчивость», «фиксация», «ориентация на настоящее» статистически достоверных различий в динамике показателей не выявлено, а уровень значений характеризуется как средний по сравнению с нормативными значениями, определенными для студентов университетских городов [17. С. 71]. По шкалам «целеустремленность», «индекс целеустремленности», «индекс плановности» и суммарному показателю самоорганизации с 1-го к 4-му курсу наблюдалась положительная динамика показателей у юношей. Этот факт свидетельствует о том, что молодые люди за период обучения в определенной степени сформировали способность рационально организовывать свою деятельность, достигать цели, преодолевать трудности и в целом контролировать свои чувства, мысли и действия. Однако по абсолютным значениям уровень показателей самоорганизации оставался средним, что говорит о затруднениях при планировании своей деятельности, возможно, связанных с социально-средовыми факторами малого города.

Шкала «удовлетворенность жизнью» измеряет когнитивную оценку соответствия жизненных возможностей ожиданиям человека и отражает общую меру внутренней гармонии и психологической удовлетворенности. Полученные нами результаты по тесту «Удовлетворенность жизнью» (см. таблицу) говорят о низком (у юношей) и среднем (у девушек) уровне показателей. Если у юношей наблюдались незначительные положительные изменения ко времени окончания вуза, то у девушек обнаружены статистически достоверные различия с отрицательной динамикой показателя. Эти данные могут указывать на то, что в начале обучения обследуемые имели достаточно высокий уровень удовлетворенности жизнью, были готовы решать жизненные задачи и осваивать новые формы деятельности, однако к концу обучения они или разочаровались в своем выборе, или значительно изменили мнение о своем социальном статусе, пересмотрели критерии качества жизни и более реально подошли к оценке перспектив профессиональной и личностной самореализации.

Таблица

Показатели личностного потенциала студентов КФ НГПУ (M ± σ, баллы)

Опросник	Шкала	Юноши		Девушки		Достоверность	Девушки		Достоверность	Достоверность	
		1 курс	4 курс	1 курс	4 курс		1-4 курс	Юноши 1-4 курс		Девушки 1-4 курс	
Самоорганизация деятельности	Планомерность	16,3 ± 0,79	16,9 ± 1,03	17,2 ± 0,78	16,8 ± 0,71	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Целеустремленность	32,1 ± 0,98	34,5 ± 1,22	36,7 ± 0,56	35,7 ± 0,62	**	н/д	н/д	н/д	*	н/д
	Настойчивость	23,3 ± 0,79	24,6 ± 1,01	22,6 ± 0,60	22,3 ± 0,86	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Фиксация	18,3 ± 0,82	19,7 ± 0,91	21,5 ± 0,65	20,9 ± 0,66	**	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Самоорганизация	6,2 ± 0,52	6,0 ± 0,49	7,8 ± 0,49	7,4 ± 0,51	**	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Ориентация на настоящее	8,9 ± 0,35	8,7 ± 0,37	9,2 ± 0,34	9,3 ± 0,34	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Суммарный показатель	105,0 ± 2,39	110,5 ± 2,78	115,0 ± 1,88	112,4 ± 2,22	**	н/д	н/д	н/д	*	н/д
	Индекс целеустремленности	27,7 ± 0,69	29,6 ± 0,95	29,7 ± 0,46	29,0 ± 0,61	*	н/д	н/д	н/д	*	н/д
	Индекс планомерности	20,8 ± 0,55	22,2 ± 0,66	22,0 ± 0,45	21,6 ± 0,55	н/д	н/д	н/д	н/д	*	н/д
	Индекс настойчивости	111,8 ± 3,72	112,8 ± 4,31	111,9 ± 2,49	106,4 ± 3,36	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Жизнестойкость	Суммарный показатель	13,8 ± 0,36	14,0 ± 0,72	15,7 ± 0,41	14,5 ± 0,37	**	н/д	н/д	н/д	н/д	*
	Аутичность	8,9 ± 0,28	10,1 ± 0,48	10,0 ± 0,26	10,3 ± 0,25	**	н/д	н/д	н/д	**	н/д
	Самовыражение	17,8 ± 0,42	18,0 ± 0,71	18,5 ± 0,47	18,0 ± 0,45	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Выбор	13,5 ± 0,26	14,1 ± 0,46	14,7 ± 0,30	14,3 ± 0,25	**	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Индекс	36,4 ± 0,72	34,3 ± 1,44	35,9 ± 0,65	35,8 ± 0,63	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Системная рефлексия	20,8 ± 0,68	19,4 ± 1,32	21,9 ± 0,53	23,7 ± 0,64	н/д	н/д	н/д	н/д	**	н/д
	Самокопание	23,4 ± 0,96	19,9 ± 1,29	23,2 ± 0,63	24,5 ± 0,72	н/д	н/д	н/д	н/д	**	н/д
	Квазирефлексия	26,9 ± 0,64	24,5 ± 0,94	27,0 ± 0,46	28,0 ± 0,40	н/д	н/д	н/д	н/д	**	н/д
	Индекс рефлексии	13,4 ± 0,46	14,5 ± 0,54	14,7 ± 0,34	12,5 ± 0,37	*	н/д	н/д	н/д	**	**
	Физическое здоровье	10,2 ± 0,31	12,3 ± 0,43	10,6 ± 0,25	10,1 ± 0,28	н/д	н/д	н/д	н/д	**	н/д
Удовлетворенность жизнью и качеством жизни	Активность в свободное время	17,6 ± 0,55	19,4 ± 0,61	21,3 ± 0,30	19,9 ± 0,40	**	н/д	н/д	н/д	**	**
	Переживания	19,4 ± 0,46	18,4 ± 0,80	21,4 ± 0,33	20,6 ± 0,38	**	н/д	н/д	н/д	*	н/д
	Сфера общения	15,8 ± 0,34	16,7 ± 0,45	17,3 ± 0,23	16,1 ± 0,28	**	н/д	н/д	н/д	*	**
	Индекс	21,3 ± 0,84	21,8 ± 1,09	24,6 ± 0,60	20,9 ± 0,86	**	н/д	н/д	н/д	**	**
	Суммарный показатель	4,8 ± 0,12	4,9 ± 0,19	5,2 ± 0,12	5,4 ± 0,10	*	н/д	н/д	н/д	**	н/д
	Служение	4,3 ± 0,18	4,7 ± 0,20	4,2 ± 0,13	4,2 ± 0,14	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Вызов	4,3 ± 0,20	4,2 ± 0,22	4,2 ± 0,16	3,6 ± 0,18	н/д	н/д	н/д	н/д	*	н/д
	Предпринимательство	4,5 ± 0,18	5,1 ± 0,17	4,7 ± 0,12	4,9 ± 0,12	н/д	н/д	н/д	н/д	**	н/д
	Свобода для	4,8 ± 0,13	4,9 ± 0,17	4,8 ± 0,12	4,8 ± 0,11	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Свобода от										

Жизнестойкость характеризует меру способностей человека выдерживать экстремальные и стрессовые ситуации, сохраняя внутреннюю сбалансированность и эффективность мышления, которые обеспечивают успешность деятельности в целом [18]. По нашим данным, значения показателей жизнестойкости в обеих группах оценивались как низкие, причем у юношей от 1-го к 4-му курсу не было изменений, а у девушек отмечалась тенденция к снижению показателя к концу обучения.

Эти данные свидетельствуют не столько о высокой подверженности студентов стрессам (результаты по остальным шкалам были в пределах нормы), сколько об осторожности в оценке собственной значимости и ценности, нежелании или неумении расширять границы своих возможностей.

Сознательное планирование личностного роста задает направленность на поиск и формирование профессиональной среды, необходимой для саморазвития и самореализации. Карьерное продвижение человека в адекватном направлении обеспечивает возможность достижения высокой степени уважения и признания, а также высокой удовлетворенности качеством собственной жизни. Для студентов, в силу благоприятных возрастных и психофизиологических особенностей, такие обстоятельства приобретают решающее значение, так как сформировавшись, карьерные ориентации могут оставаться стабильными у человека в течение длительного времени [19. С. 125].

Полученные результаты по тесту «Якоря карьеры» указывают на статистически значимую динамику показателей в обеих гендерных группах по шкалам «предпринимательство» и «свобода для», причем уровень показателей в обеих группах оценивался как средний. У девушек динамика показателя «предпринимательство» была отрицательной, из чего можно заключить, что у студенток вуза за время обучения потребности создавать что-то новое, иметь собственное дело и финансовую независимость, к сожалению, снизились. Вероятно, отчасти это объясняется повышением к концу обучения реалистичности студенток в оценке собственной значимости и возможностей активного влияния на окружающий мир. Однако более весомой причиной, с нашей точки зрения, могут являться специфические социально-средовые и экономические факторы малого города, где, несмотря на достаточно высокий уровень подготовки выпускниц, вероятность трудоустройства и создания карьеры им представлялась невысокой [20. С. 106]. У юношей от 1-го к 4-му курсу показатели по данной шкале изменились незначительно, однако уровень показателя к концу обучения был значительно выше, чем у девушек (см. таблицу). Кроме того, в группе юношей наблюдалась положительная динамика показателя «свобода для», что свидетельствует об определенном личностном росте, стремлении создавать нечто свое, появлении потребности в самостоятельности действий. Таким образом, юноши, в отличие от девушек этого же возраста, видели больше возможностей для трудоустройства, профессиональной пригодности и самореализации в условиях малого города, а при необходимости и для смены самой среды на более «перспективную».

Личностный потенциал представляет собой интегральную характеристику уровня личностной зрелости, а главным ее феноменом и формой проявления является уровень самодетерминации личности [21. С. 95]. Для оценки уровня самодетерминации обследуемого контингента мы использовали конструкт «Шкала самодетерминации личности» [22. С. 165]. По показателю «аутентичность» девушки уже на первом курсе значительно опережали юношей (см. таблицу), однако к выпускному курсу абсолютные значения этого критерия практически сравнялись, что указывало на отрицательную динамику показателя в группе девушек ($p < 0,05$) и отсутствие существенных изменений у юношей. Аналогичная ситуация отмечалась в группах и по шкале «самовыражение»: превышение показателя в женской группе в начале обучения и более значительный прогресс ($p < 0,01$) у юношей в динамике обучения, в результате чего к 4-му курсу значения показателей стали сопоставимыми в обеих группах (см. таблицу). В целом уровень самодетерминации у студентов обоего пола, несмотря на разную «внутригрупповую» динамику, оценивался как средне низкий. Полученные результаты свидетельствуют об определенной зависимости молодых людей от мнения окружающих, об их неполной удовлетворенности жизнью, неготовности принимать на себя ответственность за собственную жизнь. Следовательно, при общем невысоком уровне показателей, характеризующих личностные качества, обнаружены значительные гендерные различия в их динамике за период обучения в вузе: положительная тенденция у юношей и отсутствие динамики или отрицательная направленность у девушек.

Опросник «Качество жизни и удовлетворенность» позволяет диагностировать и сопоставлять удовлетворенность и качество жизни в сфере физического здоровья, эмоциональной и социальной сферах, активности в свободное время [24. С. 85]. Результаты тестирования свидетельствуют о наличии динамики показателей «физическое здоровье» и «эмоциональные переживания» в обеих группах, однако в группе юношей результаты прогрессировали в процессе обучения ($p < 0,05$), а у девушек, наоборот, существенно снижались ($p < 0,01$). Возможно, такие различия обусловлены гендерными особенностями субъективного психоэмоционального восприятия социально-бытовой среды и более высоким уровнем самооценки у юношей. По шкале «активность в свободное время» юноши также показали статистически достоверную положительную динамику показателя ($p < 0,01$), тогда как у девушек она практически отсутствовала. Это может свидетельствовать о быстрой адаптации к новым условиям и, как следствие, возможности больше времени уделять освоению нового пространства, увлечениям, общественной жизни, спорту. Подтверждением этому служит динамика показателя «индекс удовлетворенности качеством жизни», который также статистически достоверно возрастал у юношей и снижался у девушек. Вероятно, за время обучения у девушек сформировались более высокие критерии качества жизни, но они не смогли в полной мере реализовать желаемые «стандарты качества», что и привело к снижению индекса удовлетворенности качеством жизни. Таким образом, уровень удовлетворен-

ности качеством жизни куйбышевских студентов наглядно демонстрирует гендерные различия восприятия социально-средовых условий жизни в районном центре.

Рефлексивность предполагает умение самодистанцироваться и видеть себя со стороны, позволяет охватить вниманием одновременно полюс субъекта и полюс объекта, является наиболее адаптивной величиной и тесно связана с самодетерминацией. Испытуемым предлагалось оценить утверждения по 4-балльной шкале [25. С. 146]. При обработке результатов теста «Дифференциальная диагностика рефлексивности» по шкале «самокопание» наблюдалась положительная динамика показателей у девушек, что может свидетельствовать об определенной неудовлетворенности своим социальным статусом, разочарованием в перспективах послевузовской профессиональной деятельности. По шкале «квазирефлексия» у юношей отмечалась значительная отрицательная динамика показателей, что свидетельствует об определенном психосоциальном прогрессе студентов, предпочитающих реалистичный подход ненужной концентрации внимания на объектах, не имеющих отношения к актуальным жизненным ситуациям. Кроме того, этот факт подтверждает тезис о психофизиологических особенностях рассматриваемого возрастного периода.

Анализ результатов диагностики динамики параметров личностного потенциала студентов КФ НГПУ показал, что в обеих гендерных группах уровень показателей по различным шкалам колебался от низкого до среднего в сравнении с нормативными значениями, установленными для крупных университетских городов. Выявлено отсутствие динамики показателей в обеих группах по шкале «жизнестойкость». Гендерные различия в динамике обнаружены по шкалам «удовлетворенность жизнью», «предпринимательство», «аутентичность» «самокопание»: у девушек отрицательная динамика показателей, а у юношей – положительная. По шкалам «индекс целеустремленности», «индекс планомерности», «суммарный показатель самоорганизации деятельности», «свобода для», «самовыражение» и «активность» юноши имели улучшение показателей за время обучения в вузе, а по шкалам «индекс рефлексивности», «квазирефлексия» – отрицательную динамику. Результаты по субшкалам «физическое здоровье», «переживания», «индекс удовлетворенностью жизнью и качеством жизни» отражали улучшение показателей у юношей и отрицательную динамику у девушек.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии существенных гендерных различий в динамике показателей личностного потенциала и профессиональных ориентаций студентов КФ НГПУ в период обучения в вузе. Специфика таких различий связана не только с психофизиологическими особенностями возрастного периода данной страты общества, но и с изменением психосоциального состояния студенчества в период обучения в вузе малого города под воздействием как положительных, так и негативных социально-средовых, экономических и культурных факторов. Эти результаты имеют важное значение для практической реализации

учебно-воспитательного процесса в студенческой среде в зависимости от курса обучения и пола обучающихся.

Литература

1. Маврина Н.А. Проблемы финансирования высшей школы // Вестник Челябинского государственного университета. 1999. Т. 8, № 1. С. 101–102.
2. Лиман И.А. Проблемы финансирования высшего образования в РФ // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 5. С. 31–39.
3. Подольская Е.А. Противоречивость социального статуса современного студента: социологическое измерение // Ценности и смыслы. 2010. № 3 (6). С. 79–91.
4. Бочарская И.А. Профессиональная и социально-психологическая адаптация студентов в вузе как процесс воспитания социально-ориентированной и конкурентноспособной личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 3. С. 125–127.
5. Абакумова Н.Н., Богомаз С.А. Мониторинг образовательных результатов в вузе: проблема содержания психолого-педагогической диагностики // Психология обучения. 2015. № 3. С. 62–68.
6. Волкова Е.В. Интеллект, креативность и продуктивность освоения профессиональной деятельности // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 4. С. 83–94.
7. Deary I., Strand J.S., Smith P., Fernandes C. Intelligence and educational achievement // Intelligence. 2007. Vol. 35 (1). P. 13–21.
8. Rajchert J.M., Źułtak T., Smulczyk M. Predicting reading literacy and its improvement in the Polish national extension of the PISA study: the role of intelligence, trait-and state-anxiety, socio-economic status and school-type // Learning and Individual Differences. 2014. Vol. 33. P. 1–11.
9. Богомаз С.А., Мацута В.В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у студентов // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
10. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011.
11. Krapohl E., Rimfeld K., Shakeshaft N.G., Trzaskowski M., McMillan A., Pingault J.B., Asbury K., Harlaar N., Kovas Yu., Philip S.D., Plomin R. The high heritability of educational achievement reflects many genetically influenced traits, not just intelligence // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. Vol. 111 (42). P. 15273–15278.
12. Литвинова Н.А. Роль индивидуальных психофизиологических особенностей студентов в адаптации к умственной и физической деятельности : дис. ...д-ра биол. наук. Кемерово, 2008. 284 с.
13. Галай И.А., Айзман Р.И. Гендерные особенности личностного потенциала студентов первого курса педагогического вуза // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 1. С. 95–105.
14. Галай И.А., Айзман Р.И., Богомаз С.А. Гендерные особенности субъективной оценки значимости базисных ценностей и возможности их реализации у студентов первого курса педагогического вуза // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 167–176.
15. Богомаз С.А., Мацута В.В. Опросниковые методы исследования личностного потенциала : методическое руководство. Томск : Том гос. ун-т, 2012. 39 с.
16. Айзман Р.И., Лебедев А.В., Айзман Н.И. Оценка социально-психологической адаптации и личностного потенциала студентов. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013615200 от 11 апреля 2013 г. г. Москва, ФГУП НТЦ «Информрегистр».

17. Литвина С.А., Богомаз С.А., Галай И.А., Айзман Р.И. Особенности личностно-обусловленного восприятия вузовской молодежью среды города (на материале исследований в Иркутске, Томске и Куйбышеве) // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1 (11). С.106–111; № 46. С. 67–75.
18. Богомаз С.А., Баланев Д.Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. Вып. 32. С. 23–28.
19. Богомаз С.А. Инновационный личностный потенциал современной молодежи // Психология обучения. 2010. № 1. С. 122–126.
20. Богомаз С.А. Модификация опросника «Якоря карьеры»: ценностная ориентация на инновационную и предпринимательскую деятельность // Сибирский психологический журнал. 2012. № 44. С.101–109.
21. Галай И.А., Лебедев А.В., Айзман Р.И. Сравнительная характеристика личностного потенциала юношей вуза в крупном городе и районном центре // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. Т. 7. 3 (25). С. 94–101.
22. Мартынова М.А., Богомаз С.А. Самодетерминация в структуре личностного потенциала современной российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 164–168.
23. Рассказова Е.И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. Т. 9. С. 81–90.
24. Леонтьев Д.А., Лагтева Е.М., Осин Е.Н., Салихова А.Ж. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление : сб. материалов VII Междунар. симпозиума 15–16 октября 2009 г., Москва / под ред. В.Е. Лепского. М. : Когито-Центр, 2009. С. 145–150.

Поступила в редакцию 07.07.2017 г.; принята 30.10.2017 г.

Сведения об авторах:

ГАЛАЙ Игорь Алексеевич, доцент кафедры педагогики Куйбышевского филиала Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: galay.igor@mail.ru

АЙЗМАН Роман Иделевич, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, директор НИИ здоровья и безопасности Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aizman.roman@yandex.ru

БОГОМАЗ Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bogomazsa@mail.ru

GENDER DIFFERENCES IN DYNAMICS OF STUDENTS' PERSONAL POTENTIAL INDICATORS

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 6–17. DOI: 10.17223/17267080/66/1

Galay Igor A. Kuibyshev branch of federal state-financed educational establishment of higher professional education «Novosibirsk State Pedagogical University» (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: galay.igor@mail.ru

Aizman Roman I. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aizman.roman@yandex.ru

Bogomaz Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bogomazsa@mail.ru

Keywords: gender differences; socio-cultural environment; personal potential; reflexivity; resilience; self-organization; life satisfaction; career orientations.

One of the determining factors in the development of modern teaching is social intelligence of the teacher, his personal qualities and characteristics. The formation of student's philosophical principles during university training indicates the training quality and it is an important condition of future teacher's successful professional activity. In this regard, the authors investigated the gender peculiarities of the dynamics of personal potential indicators. Students of the Kuibyshev branch of Novosibirsk State Pedagogical University aged 17-21 years (50 female and 24 male students) participated in this research.

An empirical study of students' personal qualities that determine their personal potential was made using the following psychological tests: "Self-determination of personality", "Self-organization activity", "Vitality", "Life Satisfaction", "Differential diagnostics of reflexivity", "Quality of life and satisfaction", "Anchor career".

As a result, in both groups the average level of performance on various scales ranges from low to medium relative to normative values, established for "University" cities. Besides, the lack of indicators dynamics on "Resilience" scale is noted in both groups. Gender differences in the dynamics of the indices are determined on "Life satisfaction", "Entrepreneurship", "Authenticity" "Soul-searching" scales. Female students showed negative dynamics of these indicators. On "Index of purpose", "Index of rationality", "Total figure of self-organization activities", "Freedom", "Expression" and "Activity" scales male students had positive dynamics of the indicators, although on "Reflexivity Index" and "Quasireverse" scales their dynamics was negative. On "Physical health", "Experience", "Index of life satisfaction and quality of life" scales female students showed negative dynamics of the indicators, while male students showed positive dynamics of the indicators.

The results of the research demonstrate that there are significant gender differences in dynamics of personal potential indicators. So we may assume that the specific of changes in students' psychosocial well-being during the period of university studies depends not only on the educational environment of a small university, but also on social, economic and cultural development of the region as a whole.

References

1. Mavrina, N.A. (1999) Problemy finansirovaniya vysshey shkoly [Problems of Higher School Financing]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8(1). pp. 101–102.
2. Liman, I.A. (2005) Problemy finansirovaniya vysshego obrazovaniya v RF [Problems of Higher education financing in the Russian Federation]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz – University Management: Practice and Analysis*. 5. pp. 31–39.
3. Podolskaya, E.A. (2010) Protivorechivost' sotsial'nogo statusa sovremennogo studenta: sotsiologicheskoe izmerenie [Contradiction of a modern student's social status: The sociological dimension]. *Tsenosti i smysly*. 3(6). pp. 79–91.
4. Bocharskaya, I.A. (2006) Professional'naya i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya studentov v vuze kak protsess vospitaniya sotsial'no-orientirovannoy i konkurentnosposobnoy lichnosti [Professional and socio-psychological adaptation of students in the university as a process of education of a socially-oriented and competitive person]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 3. pp. 125–127.
5. Abakumova, N.N. & Bogomaz, S.A. (2015) Monitoring of education in high school: the problem of contents of the psycho-pedagogical diagnostics. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 3. pp. 62–68. (In Russian).
6. Volkova, E.V. (2011) Intellect, kreativnost' i produktivnost' osvoeniya professional'noy deyatelnosti [Intellect, creativity and productivity of mastering professional activity]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 32(4). pp. 83–94.

7. Deary, I., Strand, J.S., Smith, P. & Fernandes, C. (2007) Intelligence and educational achievement. *Intelligence*. 35(1). pp. 13–21. DOI: 10.1016/j.intell.2006.02.001
8. Rajchert, J.M., Żułtak, T. & Smulczyk, M. (2014) Predicting reading literacy and its improvement in the Polish national extension of the PISA study: the role of intelligence, trait-and state-anxiety, socio-economic status and school-type. *Learning and Individual Differences*. 33. pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.lindif.2014.04.003
9. Bogomaz, S.A. & Matsuta, V.V. (2010) Assessment of a personal potential and determination of basic types of orientation to professional activity of students. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 12. pp. 77–88. (In Russian).
10. Leontiev, D.A. (2011) *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personality potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl.
11. Krapohl, E., Rimfeld, K., Shakeshaft, N.G., Trzaskowski, M., McMillan, A., Pingault, J.B., Asbury, K., Harlaard, N., Kovas, Yu., Philip, S.D. & Plomin, R. (2014) The high heritability of educational achievement reflects many genetically influenced traits, not just intelligence. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 111(42). pp. 15273–15278. DOI: 10.1073/pnas.1408777111
12. Litvinova, N.A. (2008) *Rol' individual'nykh psikhofiziologicheskikh osobennostey studentov v adaptatsii k umstvennoy i fizicheskoy deyatel'nosti* [The role of individual psychophysiological features of students in adaptation to mental and physical activity]. Biology Dr. Diss. Kemerovo.
13. Galai, I.A. & Aizman, R.I. (2017) Pedagogical universities first-year students: gender peculiarities of the personal potential. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(1). pp. 95–105. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1701.07
14. Galai, I.A., Ayzman R.I. & Bogomaz, S.A. (2015) Gender features of subjective evaluation of the basic values and possibilities of their implementing among the first year students of a pedagogical university. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 167–176. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/13
15. Bogomaz, S.A. & Matsuta, V.V. (2012) *Oprosnikovye metody issledovaniya lichnostnogo potentsiala* [Questionnaire methods of personal potential research]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Ayzman, R.I., Lebedev, A.V. & Ayzman, N.I. (2013) *Otsenka sotsial'no-psikhologicheskoy adaptatsii i lichnostnogo potentsiala studentov. Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2013615200 ot 11 aprelya 2013 g.* [Assessment of socio-psychological adaptation and personal potential of students. Certificate of state registration of the computer program No. 2013615200 dated April 11, 2013]. Moscow. FGUP NTTs “Informregistr”.
17. Litvina, S.A., Bogomaz, S.A., Galai, I.A. & Ayzman, R.I. (2014) Osobennosti lichnostno-obuslovlennogo vospriyatiya vuzovskoy molodezh'yu srede goroda (na materiale issledovaniy v Irkutske, Tomske i Kuybysheve) [Peculiarities of the person-conditioned perception of the city environment by the youth (a case study of Irkutsk, Tomsk and Kuibyshev)]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii*. 1(11). pp. 106–111.
18. Bogomaz, S.A. & Balanev, D.Yu. (2009) Zhiznestoykost' kak komponent innovatsionnogo potentsiala cheloveka [Viability as a component of the innovative potential of man]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 32. pp. 23–28.
19. Bogomaz, S.A. (2010) Psychological security as a condition of personal development of school graduates. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 1. pp. 122–126. (In Russian).
20. Bogomaz, S.A. (2012) Modification of the career anchors questionnaire: orientation to innovative and entrepreneurial activity. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 44. pp. 101–109. (In Russian).

21. Galay, I.A., Lebedev, A.V. & Ayzman, R.I. (2015) Features of personal potential of students of high school in a megacity and the regional center. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3(25). pp. 94–101. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1503.09
22. Martynova, M.A. & Bogomaz, S.A. (2012) Self-Determination in the Structure of Personal Potential of Modern Russian Youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 164–168. (In Russian).
23. Rasskazova, E.I. (2012) Evaluation of quality of life enjoyment and satisfaction: Psychometric properties of a Russian-language measure. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 4(9). pp. 81–90. (In Russian).
24. Leontiev, D.A., Lapteva, E.M., Osin, E.N. & Salikhova, A.Zh. (2009) Razrabotka metodiki differentsial'noy diagnostiki reflektivnosti [Development of the technique of differential reflexivity diagnostics]. In: Lepsky, V.E. (ed.) *Refleksivnye protsessy i upravlenie* [Reflexive processes and control]. Moscow: Kogito-Tsentr. pp. 145–150.

Received 07.07.2017;

Accepted 30.10.2017

О.Н. Попова

*Городской центр психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник»
(Новосибирск, Россия)*

Проблема сбалансированности временной перспективы личности

Представлены результаты исследований проблемы временной перспективы личности в аспекте изучения мотивационных установок. Предложено описание качественных характеристик временной перспективы личности относительно насыщенности мотивационными объектами отдельных темпоральных зон. Рассмотрены различные варианты сбалансированности временной перспективы и их взаимозависимость с активностью личности. Уточнена постановка проблемы сбалансированности временной перспективы.

Ключевые слова: *временная перспектива; мотивационные объекты; темпоральные зоны; сбалансированность временной перспективы; направленность мотивационных объектов; протяженность временной перспективы.*

В последнее десятилетие в зарубежных и отечественных научных работах отмечается рост внимания к феномену психологического времени и временной перспективы как характеристике личности [1. С. 54]. В современной науке проблема временной перспективы рассматривается в широком диапазоне подходов, в том числе исследуются:

– аффективные аспекты временной перспективы, связанные с эмоциональным отношением к событиям прошлого и настоящего (Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, М.Р. Хачатурова, А.К. Болотова и др);

– особенности восприятия субъективного времени жизни и его организации (К.А. Абульханова-Славская, Т.Н. Березина, Л.П. Караваяева, А.Н. Афанасьева и др.);

– перспективы будущего как мотивационной установки, влияющей на достижение цели (Ж. Нюттен, В. Ленс, Т. Гисме, З. Залески);

– структура межсобытийных связей (Е.И. Головаха и А.А. Кроник);

– переживание экзистенциальных смыслов существования во всей протяженности времени между прошлым и будущим (О.В. Лукьянов) и др.

Большинство исследований временной перспективы в отечественных научных работах направлены на изучение взаимосвязи эмоционального восприятия прошлого, настоящего и будущего с личностными и субъективными характеристиками, в то же время в значительно меньшей степени представлены исследования временной перспективы как мотивационной установки [2–6]. До настоящего времени сбалансированность (гармоничность) временной перспективы рассматривалась с позиции эмоционального отношения к временным периодам жизни что, согласно Ф. Зимбардо,

проявлялось в эмоциональном равновесии отношения личности к собственному прошлому, настоящему и будущему [7]. Исследования временной перспективы как мотивационной установки ограничивались исследованиями протяженности (глубины) перспективы будущего и направленностью мотивационных объектов.

В настоящей статье представлены результаты исследований проблемы сбалансированности временной перспективы в отношении взрослых, занимающихся предпринимательством на протяжении более 15 лет и достигших различных результатов в своей деятельности. Исследования позволяют обосновать предположение о том, что эффективность деятельности в меньшей степени зависит от протяженности временной перспективы и в большей степени – от сбалансированности количества и направления мотивационных объектов, расположенных в перспективе будущего. Актуальность данного исследования связана с потребностью современного общества в понимании механизмов, влияющих на эффективность деятельности человека, определение ресурсов, необходимых для успешной самореализации личности. Как отмечает О.В. Лукьянов, само понятие успешности «указывает нам на проблему отношения психологических событий во времени, успешность – это значит своевременность», время задает направление и смыслы деятельности [8. С. 60].

Теоретическим обоснованием исследований стал ряд научных концепций, на которые наиболее часто опираются современные исследователи временной перспективы: пространственно-психологическая модель К. Левина; концепция временной перспективы как мотивационной установки Ж. Нюттена; причинно-следственная концепция Е.И. Головахи и А.А. Кроник; концепция личностной организации времени К.А. Абульхановой-Славской.

Впервые понятие временной перспективы ввел в науку К. Левин. В его пространственно-психологической модели сознание и поведение человека рассматривались через призму единства временной и пространственной перспективы. В представлениях К. Левина события прошлого в виде воспоминаний и события будущего в виде перспектив присутствуют в настоящем и определяют его. Согласно пространственно-психологической модели К. Левина, существуют единицы психологического времени, определяющие границы «психологического поля в данный момент» [10, 11]. Продолжая развивать взгляды К. Левина, П. Фресс, обосновал, что благодаря памяти мы можем реконструировать последовательность ранее пережитых изменений и предвосхищать подобные изменения в будущем [1].

В концепции Ж. Нюттена временной перспективой стали называть зону отдаленного будущего. Ж. Нюттен пошел по пути изучения временной перспективы как мотивационного образования, он разграничил временную перспективу, временную ориентацию и временную установку. В своих работах он писал: «Первый аспект – это временная перспектива в собственном значении этого слова, характеризующаяся, прежде всего, протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности. Второй аспект – временная установка, т.е. более или менее

позитивная или негативная настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему. Третий аспект – временная ориентация – характеризуется поведением субъекта... мыслится как преимущественная, доминирующая направленность этого поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего» [9. С. 354].

Далее Ж. Нюттен изучил временную перспективу как мотивационную характеристику и разработал метод мотивационных индукций (ММИ), локализирующей мотивационные цели в темпоральных зонах. Этот подход в дальнейшем стали определять как мотивационный, его продолжили развивать В. Ленс, З. Залески, Т. Гисме. В. Ленс определил временную перспективу в категорию личностных черт как мотивационную установку, влияющую на достижение цели. Согласно его когнитивно-мотивационной теории настойчивость в достижении цели понижается с увеличением временного расстояния [1]. Т. Гисме акцентировался на влиянии временной перспективы как мотивационных ориентаций на успех или неудачу. По его мнению, большее расстояние до цели оказывает меньшее влияние на цель. З. Залески расширил представления В. Ленса и Т. Гисме и предположил, что долговременные цели могут достигаться только при условии существования промежуточных. Поэтому важным условием успешности достижения целей он видел способность человека планировать свою деятельность.

По-другому к изучению временной перспективы подошли представители событийного подхода, в частности Е.И. Головаха и А.А. Кроник. В их причинно-целевой концепции единицей анализа стала межсобытийная связь, которая может быть реализованной, актуальной и потенциальной. Они изучили влияние конгруэнтности психологического и хронологического возраста на реализованность личности и ее кризисы, такие как потеря смысла жизни. Основным понятием причинно-следственной концепции стало понятие «субъективная картина жизненного пути» как психический образ, отражающий события жизни и их взаимосвязи. Эти же идеи разделяли В.С. Хомик, Д.А. Леонтьев, Е.В. Камнева, Е.Ю. Мандрикова.

В свою очередь, К.А. Абульханова-Славская подошла к пониманию временной перспективы с позиции идеи изучения «жизненного пути», определенной С.Л. Рубинштейном в своих работах. Создав концепцию личностной организации времени, она утверждала, что психологическое время имеет определенную структуру: сознание, переживание, практическая организация. К.А. Абульханова-Славская ввела понятия «жизненная позиция», «жизненная линия» и «жизненная перспектива», при этом жизненная перспектива у нее сопоставляется с временной перспективой и разводится на отдельные виды: психологическую, личностную и собственно жизненную. Также ею были эмпирически выведены дополнительные компоненты временной перспективы: планирование и восприятие времени [12]. Продолжая это направление, В.И. Ковалев ввел понятие «трансперспектива» как способность в сознании интегрировать время своей жизни, «соединяя в настоящем прошлое и будущее». В рамках этого же подхода работали В.Ф. Серенкова, Л.Ю. Кублицкене, Н.Ю. Григоровская, Т.И. Березина.

О.В. Лукьянов исследует понимание времени жизни с позиции экзистенциальных смыслов. В своих работах он развивает идею временной целостности через понятия трастемпоральности. Задачи личности он видит в понимании направленности своей собственной жизни и способности быть готовым «приводить в порядок свое настоящее», быть активным участником действительности, сохраняя неразрывность прошлого и будущего [13, 14].

В изучении психологического времени и временной перспективы в образовательной практике определенные результаты получили М.Р. Гинзбург, М.М. Бахтин, И.В. Дубровина, Н.Н. Толстых, О.В. Лукьянов и др. Первой характеристикой временной перспективы М.Р. Гинзбург считал организованность: на положительном полюсе она выступает как организованная (цели обеспечены средствами), на отрицательном – как неорганизованная (цели не обеспечены средствами). Вторая основная характеристика временной перспективы – протяженность, и чем она больше, тем человек более успешен: «...вторым основным показателем, характеризующим временное будущее, является его протяженность (на позитивном полюсе – долговременное, на негативном – кратковременное)», которая определяет особенности развития личности [15. С. 46]. А.А. Кроник и Е.И. Головаха придерживались таких же взглядов [16].

Вклад в методическое изучение временной перспективы внесли и зарубежные исследователи, такие как Э. Шостом, Т. Коттл, Ф. Мелджес, Н. Фезер, М. Бонд, Ф. Зимбардо, Р. Эммонс. Э. Шостом ввел шкалу «временная компетентность» в опросник для оценки самоактуализации. Т. Коттл разработал ряд простых в использовании методик: «Метод временной линии», «Циклический тест времени», методики «График жизни» и «Инвентарь длительности». Под перспективой будущего исследователь понимал «способность личности действовать в настоящем в свете представления отдаленных будущих событий» [17]. Ф. Зимбардо разработал методику для выявления основных темпоральных ориентаций личности. По его мнению, человек акцентируется на одном из времен в прошлом, настоящем или будущем и, как следствие, имеет доминирующий эмоциональный настрой [7. С. 28].

И.В. Дубровина и Н.Н. Толстых предложили психотехнику визуализации, представления и ведения дневниковых записей для работы с ближними и дальними целями.

На сегодняшний день остаются неразрешенными противоречия в определении основных аспектов временной перспективы и их связи с личностными характеристиками. Открыт вопрос о понимании системности качественных параметров временной перспективы и сочетании этих параметров у отдельных личностей. Частично эту задачу пытались решить в своих исследованиях Ж. Нюттен, М.Р. Гинзбург, А.А. Кроник, Е.И. Головаха. Внимание исследователей было сосредоточено на протяженности временной перспективы и целевой направленности мотивационных объектов. Они исходили из предположения, что протяженная временная перспектива, насыщенная мотивационными объектами, способствует самореализации

личности. По Ж. Нюттену, «протяженная временная перспектива способствует постановке субъектом отдаленных целей и выработке долгосрочных поведенческих проектов»; субъект, который имеет короткую временную перспективу, будет неспособен найти средства и цели для удовлетворения своих потребностей [9. С. 385]. В противоположность этому утверждению К. Роджерс, А. Маслоу, Ф. Перлз предполагают, что «люди, в чьем поведении прошлое и будущее играют какую-то роль (т.е. люди с временной перспективой), не способны актуализировать собственные потенции (самоактуализироваться)», жизнь человека, погруженного только в настоящий момент, более эффективна, чем у того, кто строит воздушные замки [9. С. 377]. Обе точки зрения являются некими крайними точками континуума в понимании соотношения связи временной перспективы личности с активностью и самореализованностью личности.

В проведенном исследовании была поставлена задача расширить представления о качественных характеристиках временной перспективы в их взаимозависимости с активностью в настоящем. Временная перспектива рассматривается как совокупность репрезентаций мотивационных объектов, расположенных на временной оси и детерминирующих направленность поведения личности в настоящем, при этом сама ось претерпевает определенные трансформации в субъективном представлении личности. Как отмечает Ж. Нюттен, «“объектный” (содержательный) аспект перспективы будущего состоит из целевых объектов и структур “средство-цель”, виртуально присутствующих в сознании индивида, действующего в актуальной ситуации. Цели встроены в перспективу будущего и перспективу будущего нельзя разделять с ними» [9. С. 381]. Сама перспектива будущего строится на основе репрезентации мотивационных объектов, расположенных в определенных темпоральных зонах. Мотивационная природа временной перспективы выступает как целевой активатор поведения в настоящем, содержание и расположение объектов в темпоральных зонах взаимосвязано с направленностью активности деятельности и величиной ее проявления.

В исследовании были полученные результаты, характерные для российской культуры с ее историческими аспектами. Считаю данное уточнение необходимым, так как временная перспектива личности не может рассматриваться без учета социокультурного пространства, культурно-историческая среда которого накладывает свой отпечаток на представления личности о себе. В исследовании был сделан акцент на изучение отличительных особенностей временной перспективы в структурном, содержательном и описательном аспектах и выдвинуто предположение о том, что временная перспектива имеет различные виды в зависимости от насыщенности мотивационными объектами, направленности мотивационных объектов, разрывности репрезентации.

Для исследования параметров временной перспективы была использована методика мотивационных индукций Ж. Нюттена МІМ в адаптации Д.А. Леонтьева. Для определения способности личности к эффективному осуществлению деятельности в настоящем был применен метод личностного

интервью, в котором респонденты рассказывают о своем жизненном пути предпринимателя, отмечая временные периоды значительных изменений в процессе своей жизни. Кроме этого, использовалась внешняя оценка деятельности участников эксперимента по успешности функционирования предприятия.

Обработка и анализ данных проводились с помощью статистической программы SPSS17.0 с использованием *U*-критерия Манна–Уитни.

В исследовании было выдвинуто предположение, что по общей насыщенности мотивационными объектами временная перспектива может иметь различные виды: «обедненный», при котором временная перспектива имеет ограниченное количество мотивационных объектов; «умеренно насыщенный», во временной перспективе представлено оптимальное количество мотивационных объектов, затрагивающих разные стороны жизни человека; «квазинасыщенный», предполагающий расположение большого количества мотивационных объектов, превышающее оптимальный уровень.

Также было сделано предположение, что существуют отличия временной перспективы по параметру направленности: «направленная на проблему» и «направленная на жизнь». Направленная на проблему временная перспектива содержит мотивационные объекты, так или иначе связанные с одной или двумя актуальными проблемными темами, и минимальное количество объектов, направленных на другие жизненные потребности. Направленная на жизнь временная перспектива содержит разнообразие мотивационных объектов, отражающих потребности в различных жизненных сферах человека.

Еще одной отличительной качественной характеристикой временной перспективы может выступать развернутость репрезентации объектов, то, как человек формулирует свою потребность в доступную для понимания форму. Репрезентации могут быть «ясно представленные», т.е. сформулирован мотивационный объект, имеющий понятное смысловое содержание, в форме фразы или целого предложения, и «неясно представленные», с неясным смысловым значением, чаще всего в форме одного метафорического слова.

Был выдвинут ряд предположений относительно взаимосвязи отдельных характеристик временной перспективы с эффективностью деятельности личности в настоящем:

– общее малое количество объектов свидетельствует о периоде стагнации в развитии и самореализации личности. При этом временная перспектива имеет направленность на проблему. У личности, находящейся в кризисном или посткризисном состоянии, субъективное восприятие жизни и себя сужено, и временная перспектива в этом случае ограничивается малым набором мотивационных объектов, имеет короткую протяженность и сосредоточена вокруг одной или двух субъективно определяемых проблем. В данной ситуации не наступает самореализация, личность находится в процессе самосохранения, самовывживания. Важно учитывать, что мы имеем дело с психически сложной личностью, с высокой самоорганизованностью, здесь не идет речь о индивидах с упрощенной психической организацией,

с временной перспективой, изначально обедненной, наполненной примитивными, чаще биологическими потребностями и имеющей короткую протяженность;

– квазинасыщенная временная перспектива имеет направленность на проблему. Личность в настоящем проявляет высокую активность в области проблемы, однако это не дает желаемых результатов. Самореализация в этом случае не наступает, человек предпринимает бесчисленные попытки продвинуться в достижении своей цели, но каждый раз оказывается на том же уровне;

– оптимально насыщенная временная перспектива с направленностью на жизнь будет у самореализующейся личности, активность деятельности которой имеет продуктивный характер и приводит к достижению желаемых результатов;

– ясность и неясность репрезентации напрямую связана с личностными смыслами субъективного восприятия и с тем, насколько осознанно переживаются события жизни.

С целью проверки достоверности выдвинутых гипотез было проведено исследование с участием людей, занимающихся на настоящий момент или занимавшихся предпринимательством. Сама предпринимательская деятельность, по определению И.И. Беккер, сложна в осуществлении и требует сочетания определенных особенностей личности, относящихся к эмоционально-волевой, мотивационной, когнитивной, коммуникативной сферам [18], что соотносится с возможностью самореализации личности. Эффективность деятельности участников оценивалась по экономическим показателям принадлежащих им и управляемых ими производственных предприятий.

Всего в исследовании приняли участие 42 человека в возрасте от 40 до 70 лет, в том числе 11 женщин и 31 мужчина. Все участники исследования являются предпринимателями, начавшими свою предпринимательскую деятельность более 15 лет назад (1990–2000 гг.). На первом этапе участники были поделены на три группы по критериям стабильности и эффективности предпринимательской деятельности. Первую группу составили предприниматели, успешно осуществляющие собственную предпринимательскую деятельность на протяжении более 15 лет. Вторую группу составили те, кто начинали и некоторое время достаточно эффективно осуществляли свою предпринимательскую деятельность, но затем отказались ее продолжать и перешли на работу в чужие предприятия в качестве наемных сотрудников. В третью группу вошли лица, которые на протяжении более 15 лет активно пытаются организовать и развить собственное дело, но в настоящее время так и находятся на начальном этапе. Распределение проводилось на основании интервью и внешней оценки: в 1-ю группу успешных, стабильно и эффективно действующих вошли 15 человек; во 2-ю группу сменивших направление, работающих наемными сотрудниками или в настоящий момент не работающих – 15 человек; в 3-ю группу нестабильных – 10 человек; 2 человека не вошли ни в одну из групп.

Сравнительный анализ полученных результатов по параметру общего объема мотивационных объектов, репрезентируемых в перспективе будущего, выявил различие временной перспективы личностей с различной эффективностью деятельности: наибольшее количество мотивационных объектов было выявлено у 3-й группы (нестабильные), наименьшее количество – у 2-й группы (сменившие направление деятельности), среднее значение – у 1-й группы (успешно действующие). Различия между 3-й и 2-й группами имеют величину ранговых различий $U = 0,001$ ($p < 0,01$), между 3-й и 1-й группами $U = 0,038$ ($p < 0,05$), между 1-й и 2-й группами $U = 0,013$ ($p < 0,05$).

Анализ насыщенности отдельных темпоральных зон показал характерные особенности распределения общего объема мотивационных объектов по всей оси временной перспективы для разных групп участников исследования. Меньшее количество мотивационных объектов у 1-й группы по сравнению с 2-й и 3-й группами находится в темпоральной зоне «настоящий момент»; личности, успешные в собственной деятельности, в меньшей степени акцентируют внимание на целях, расположенных во времени на расстоянии от нескольких месяцев и в отдаленном будущем. Большое количество мотивационных объектов в темпоральной зоне «год» коррелирует с повышенной активностью личности, что характерно для 3-й группы. У 2-й группы выявилось меньшее количество объектов, по сравнению с 1-й и 3-й группами, в темпоральной зоне «открытое настоящее». Результаты, полученные в исследовании, достоверные различия между группами по критерию насыщенности мотивационными объектами темпоральных зон приведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение групп по насыщенности объектами темпоральных зон

Темпоральная зона	Mean Rank		U-критерий	p
	Успешные (1-я группа)	Нестабильные (3-я группа)		
Текущий момент	9,27	13,81	0,028	< 0,05
Месяц	9,00	13,00	0,054	< 0,10
Год	8,92	14,38	0,049	< 0,05

Темпоральная зона	Mean Rank		U-критерий	p
	Сменившие направление (2-я группа)	Нестабильные (3-я группа)		
Год	8,83	17,94	0,002	< 0,01
Настоящее продолженное	9,20	17,25	0,006	< 0,01
Прошлое	10,17	15,44	0,059	< 0,10

Темпоральная зона	Mean Rank		U-критерий	p
	Успешные (1-я группа)	Сменившие направление (2-я группа)		
Текущий момент	11,96	16,70	0,045	< 0,05
Настоящее продолженное	18,42	11,10	0,018	< 0,05
Жизнь	19,12	10,50	0,005	< 0,01
Субъективная старость	17,12	12,23	0,048	< 0,05

Сравнительный анализ направленности мотивационных объектов в группах показал, что существуют различия в приоритетах мотивационных презентаций для личностей с различной эффективностью деятельности. Направленность на деятельность предпочтительнее для личностей, на текущий период жизни не сумевших добиться значимых результатов в сфере предпринимательства (3-я группа). Наоборот, участники 2-й группы (сменившие направление), отказавшиеся от попыток самореализации в сфере самостоятельного предпринимательства, имеют наименьшее количество объектов, направленных на деятельность, в том числе на рабочую. Очевидно, для успешности в деятельности личность должна иметь определенное количество мотивационных объектов, направленных на деятельность, но при этом сохранять баланс распределения своего внимания и на другие сферы жизнедеятельности. Результаты сравнения групп по направленности на познание выявили отличия 3-й группы, которая имеет большее количество объектов, чем в двух других группах. Возможно, это связано с общей высокой активностью или с неуверенностью личности в собственной компетентности. По общей направленности на личность субъекта (мотивация, относящаяся к целостности личности и к отдельным ее характеристикам) выделяется 1-я группа (успешные), при этом наибольшее количество мотивационных объектов связано с сохранением здоровья и экономического благополучия. Частные различия выявлены по направлению «взаимодействие с другими» (социальные контакты): 2-я группа имеет меньшее количество объектов по сравнению с 3-й; 3-я группа – большее количество по сравнению с 1-й. Выявленные значимые различия между группами по направленности мотивационных объектов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение групп по направленности мотивационных объектов во временной перспективе

Темпоральная зона	Mean Rank		U-критерий	p
	Успешные (1-я группа)	Нестабильные (3-я группа)		
Деятельность (активность)	8,92	14,38	0,036	< 0,05
Познание	9,35	13,69	0,094	< 0,10
Личность субъекта	12,65	8,31	0,045	< 0,05
Сохранность здоровья и экономического благополучия	13,42	7,06	0,019	< 0,05

Темпоральная зона	Mean Rank		U-критерий	p
	Сменившие направление (2-я группа)	Нестабильные (3-я группа)		
Деятельность (активность)	9,07	17,50	0,004	< 0,01
Рабочая деятельность	9,67	16,38	0,006	< 0,01
Познание	9,50	16,69	0,005	< 0,01
Ожидание действий от других	10,13	15,50	0,061	< 0,05
Ожидание изменений в стране	10,30	15,19	0,095	< 0,10

Темпоральная зона	Mean Rank		U-критерий	p
	Успешные (1-я группа)	Сменившие направление (2-я группа)		
Взаимодействие с другими	18,65	10,90	0,029	< 0,05
Переживания о других	18,08	11,40	0,012	< 0,05
Личность субъекта	19,77	9,93	0,080	< 0,10
Сохранность здоровья и экономического благополучия	17,38	12,00	0,005	< 0,01
Религия	13,00	15,80	0,094	< 0,10

На втором этапе анализа полученных результатов была предпринята попытка сравнить распределение общего количества мотивационных объектов по темпоральным зонам на оси временной перспективы для различных групп. Полученные результаты представлены на рис. 1. Распределение объектов по оси временной перспективы оказалось достаточно равным относительно общего количества мотивационных объектов для всех групп. Отличия выявились для 3-й группы, где пик размещения объектов приходится на темпоральную зону «год», что предполагает смещение основной направленности активности участников этой группы на цели, достигаемые в течении одного года, причем это могут быть как активные действия, так и пассивные ожидания каких-то изменений в своей жизни. Рис. 1 показывает, что личности, успешно осуществляющие свою деятельность, имеют сбалансированную временную перспективу относительно оси времени, количество мотивационных объектов равномерно представлено для равных темпоральных зон и имеется среднее значение общего количества объектов. Личности с несбалансированной и квазизагруженной временной перспективой имеют высокий профиль и концентрацию целевых объектов в темпоральной зоне «год». Сбалансированная относительно оси времени временная перспектива, но обедненная по количеству самих объектов, выявляется у личностей, переживающих стагнацию в своей деятельности.

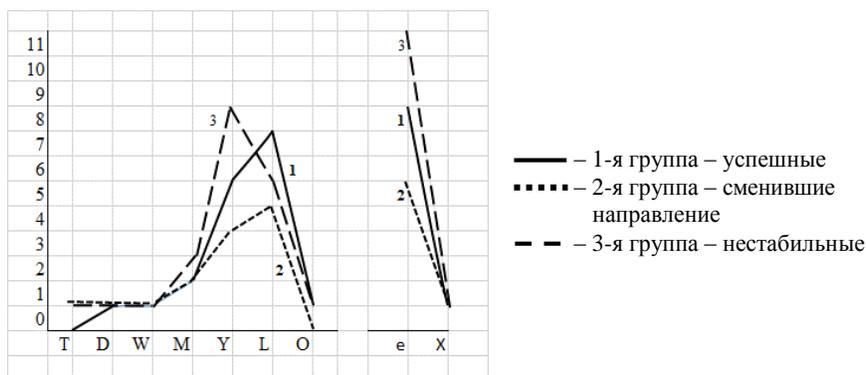

Рис. 1. Профили временной перспективы по загруженности мотивационными объектами отдельных темпоральных зон. По оси Y – среднее количество объектов для группы; по оси X – темпоральные зоны: D – день; W – неделя; M – месяц; Y – год; L – вся жизнь; O – старость; e – открытое настоящее; X – историческое время или время после смерти

Полученные результаты подтверждают предположение о том, что эффективность и результативность деятельности невозможны при несбалансированной временной перспективе. С одной стороны, ограниченная в протяженности и объеме мотивационных объектов временная перспектива, соответственно низкая активность личности негативно сказываются на самореализации этой личности. С другой стороны, повышенная активность, связанная с перенасыщенной временной перспективой, не дает личности определить и сосредоточить свою активность на достижении наиболее значимой цели. Происходит «распыление» усилий на различные цели или, как вариант, основная цель личности имеет большую вариативность, чем осложняется планомерное достижение этой цели. И только при сбалансированной временной перспективе личность способна целенаправленно направлять свои усилия на достижение намеченных целей, при этом проявляя достаточную активность.

Отдаленные цели, долгосрочное планирование делают возможным прогрессивное движение личности в своей самореализации, но именно при активном внимании к потребностям настоящего можно ожидать осознанности проживания жизни, эффективности деятельности и удовлетворенности от этой деятельности. Баланс сосредоточенности на дальних и ближних целях (мотивационных объектах) является основой целенаправленной эффективной деятельности, в то же время нарушение баланса негативно влияет на самовосприятие и самореализацию личности. Сбалансированность разнообразия целевой активности будет определять способность личности концентрироваться на главных целевых направлениях деятельности, при этом осознанно участвовать в проживании своей жизни в настоящий период. С одной стороны, обедненное мотивационное содержание временной перспективы ограничивает личность в видении богатства возможностей, которые предоставляет жизнь, и, следовательно, в деятельной активности, а с другой стороны, слишком большое целевое разнообразие временной перспективы приводит к потере понимания смысла и осознания достигнутых целей, личность не успевает ассимилировать полученный опыт, в результате не наступает осознанного удовлетворения от собственной деятельности.

В заключение можно утверждать, что активно и эффективно действующие личности имеют сбалансированную временную перспективу по количеству мотивационных объектов и их распределению на оси времени, при этом объекты имеют разнообразную целевую направленность. Личности, действующие активно, но неэффективно, имеют перенасыщенную временную перспективу по количеству мотивационных объектов и сосредоточение большинства мотивационных объектов на темпоральной зоне «год», при этом существует целевая направленность на проблему, в данном случае на рабочую деятельность как проблемную зону. Личности, по каким-либо причинам не сумевшие продолжать активную и эффективную деятельность в выбранном направлении и поэтому сменившие направление своей деятельности, имеют обедненную временную перспективу по количеству мотивационных объектов при сбалансированном распределении на оси времени.

Полученные результаты позволяют сформировать программу дальнейших направлений изучения сбалансированности временной перспективы и ее взаимозависимости с личностными характеристиками человека. Пока за рамками исследования остался вопрос о возрастных различиях границ сбалансированности временной перспективы. Также предполагается разработка методик, позволяющих изменять сбалансированность временной перспективы личности, оказывая влияние на успешность ее самореализации.

Литература

1. Мандрикова Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4. С. 54–65.
2. Афанасьева А.Н. Личность как субъект жизненного пути // Молодой ученый. 2013. № 10. С. 475–478.
3. Ермолова И.М., Штрахова А.В. Временная перспектива и переживания безнадежности в структуре внутренних форм суицидального поведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета Сер. Психология. 2015. Т. 8, № 4. С. 39–51.
4. Караваева Л.П., Особенности представления о будущем в период середины жизни личности у людей с разной временной перспективой // Человеческий капитал. 2013. № 4 (52). С. 23–27.
5. Лукьянов О.В., Неякина Ю.Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152–157.
6. Ширяева О.С., Навроцкая Е.А. Временная перспектива личности при разных типах оценки среды жизнедеятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 108–118.
7. Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб. : Речь, 2010. 352 с.
8. Лукьянов О.В. Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59–66.
9. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с.
10. Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 181 с.
11. Левин К. Динамическая психология : избранные труды. М. : Смысл, 2001. 572 с.
12. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб. : Алтейя, 2001. 304 с.
13. Лукьянов О.В. Готовность быть: введение в транстемпоральную психологию. М. : Смысл, 2009. 231 с.
14. Лукьянов О.В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 164–170.
15. Гинзбург М.Г. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 43–53.
16. Головаха Е.И. Психологическое время личности. Киев : Наукова думка, 1984. 207 с.
17. Белинская Е.П., Давыдова И.С. Графический тест Коттла: специфика показателей временной перспективы // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 28–37.
18. Беккер И.И. Временная перспектива как характеристика личности предпринимателя // Социология и право. 2013. № 2 (19). С. 41–46.

Поступила в редакцию 31.08.2017 г.; принята 27.09.2017 г.

Сведение об авторе:

ПОПОВА Оксана Николаевна, психолог Городского центра психолого-педагогической поддержки молодежи «Родник» (Новосибирск, Россия), аспирант Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ankor-akc@yandex.ru

THE PROBLEM OF A PERSON'S TIME PERSPECTIVE BALANCE

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 18–31. DOI: 10.17223/17267080/66/2

Popova Oksana N. Novosibirsk Center for psychological and pedagogical support of youth "Rodnik", Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ankor-akc@yandex.ru

Keywords: time perspective; motivational objects; temporal zones; time perspective balance; focus of motivational objects; length of time perspective.

During the last decade in foreign and domestic scientific works the attention to the phenomenon of psychological time and temporal perspective as a characteristic of the personality increased [13]. In modern science, we research the problem of temporal perspective in a wide range of approaches, such as affective aspects of the temporal perspective associated with the emotional attitude to the events of the past and the present (F. Simbaro, J. Boyd, M. R. Khachaturov, A. K. Bolotova, etc.); features of perception of the subjective time of life and its organization (K.A. Abulkhanova-Slavskaya, T.N. Berezina, L.P. Karavaeva, A.N. Afanasieva, etc.); Prospects for the future as a motivational attitude that influences the achievement of the goal (J. Nutten, V. Lens, T. Gisme, Z. Zaleski); the structure of inter-event links (E.I. Golovakha and A.A. Kronik, etc).

This article presents the results of research of the time perspective balance problem among adults who have been engaged in business for more than 15 years and have achieved various results in their activities. The research allows us justifying the assumption that the effectiveness of the activity depends more on the balance of the amount and direction of motivational objects, which are located in the future perspective, than on the length of the time perspective. The relevance of this study is connected with the need of modern society at understanding the mechanisms influencing the effectiveness of human activity, and at understanding the resources which are necessary for successful self-realization of the individual. In total, 42 people from 40 to 70 participated in this study, including 11 women and 31 men. All participants are entrepreneurs who started their entrepreneurial activity more than 15 years ago (1990–2000).

We may confirm that individuals, who operate actively and effectively, have a balanced time perspective for the amount of motivational objects and their distribution on the axis of time, while the objects have a diverse target orientation. Individuals, who operate actively but ineffectively, have an oversaturated time horizon at the number of motivational objects and the concentration of most motivational objects at the temporal zone "year", while there is a targeted focus to the problem, in this case "working activity", as a problem zone. Individuals, who failed to continue active and effective work in the chosen direction and therefore changed their direction of activity, have a depleted time perspective for the number of motivational objects, with a balanced distribution on the time axis.

References

1. Mandrikova, E.Yu. (2008) *Sovremennye podkhody k izucheniyu vremennoy perspektivy lichnosti* [Modern approaches to the study of the temporal perspective of personality]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 29(4). pp. 54–65.
2. Afanasieva, A.N. (2013) *Lichnost' kak sub"ekt zhiznennogo puti* [Personality as the subject of life's path]. *Molodoy uchenyy*. 10. pp. 475–478.
3. Ermolova, I.M. & Shtrakhova, A.V. (2015) *Vremennaya perspektiva i perezhivaniya beznadezhnosti v strukture vnutrennikh form suitsidal'nogo povedeniya* [Temporal perspective

- and experiences of hopelessness in the structure of internal forms of suicidal behaviour]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta Ser. Psikhologiya*. 8(4). pp. 39–51.
4. Karavaeva, L.P. (2013) Osobennosti predstavleniya o budushchem v period serediny zhizni lichnosti u lyudey s raznoy vremennoy perspektivoy [The idea of future in the middle-aged people with different time horizons]. *Chelovecheskiy kapital*. 4(52). pp. 23–27.
 5. Lukyanov, O.V. & Neyaskina, Yu.Yu. (2012) Meaning determinants of personality's temporal perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 360. pp. 152–157. (In Russian).
 6. Shiryayeva, O.S. & Navrotskaya, E.A. (2011) Vremennaya perspektiva lichnosti pri raznykh tipakh otsenki sredy zhiznedeyatel'nosti [The temporal perspective of the personality with different types of assessment of the life environment]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 108–118.
 7. Zimbardo, F. & Boyd, G. (2010) *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [The Paradox of Time. A new time psychology that will improve your life]. Translated from English by O. Gatanova. St. Petersburg: Rech'.
 8. Lukyanov, O.V. (2007) Principle of transtemporality in actual psychological practice. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 25. pp. 59–66. (In Russian).
 9. Nutten, J. (2004) *Motivatsiya, deystvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and the prospect of the future]. Translated from French by E. Pyataeva, N. Tolstykh, V. Shevyakhova. Moscow: Smysl.
 10. Zeygarnik, B.V. (1981) *Teoriya lichnosti Kurta Levina* [Kurt Levin's theory of personality]. Moscow: Moscow State University.
 11. Levin, K. (2001) *Dinamicheskaya psikhologiya* [Dynamic Psychology]. Moscow: Smysl.
 12. Abulkhanova, K.A. & Berezina, T.N. (2001) *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Personal time and time of life]. St. Petersburg: Aletyaya.
 13. Lukyanov, O.V. (2009) *Gotovnost' byt': vvedenie v transtemporal'nyuyu psikhologiyu* [Willingness to be: an introduction to transtemporal psychology]. Moscow: Smysl.
 14. Lukyanov, O.V. (2007) Ekzistentsial'nyy analiz i priroda vremeni. Transtemporal'nyy kharakter ekzistentsial'nogo opyta [Existential analysis and the nature of time. The transtemporal character of existential experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 299. pp. 164–170.
 15. Ginzburg, M.G. (1994) Psikhologicheskoe sodержanie lichnostnogo samoopredeleniya [Psychological content of personal self-determination]. *Voprosy psikhologii*. 3. pp. 43–53.
 16. Golovakha, E.I. (1984) *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological time of personality]. Kyev: Naukova dumka.
 17. Belinskaya, E.P. & Davydova, I.S. (2007) Graficheskiy test Kottla: spetsifika pokazateley vremennoy perspektivy [Cottle's graphical test: specificity of indicators of time perspective]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie – Psychological Science and Education*. 5. pp. 28–37.
 18. Bekker, I.I. (2013) Vremennaya perspektiva kak kharakteristika lichnosti predprinimatelya [Temporary perspective as a characteristic of the entrepreneur's personality]. *Sotsiologiya i pravo*. 2(19). pp. 41–46.

Received 31.08.2017;

Accepted 27.09.2017

Я.К. Смирнова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ориентировочная основа совместной деятельности дошкольников

На примере дошкольного возраста рассматривается феномен ориентировочной основы совместной деятельности как один из механизмов организации и регуляции индивидуальных операций в групповом действии. Показано, что в ориентировочной основе совместных действий дошкольников отражается программа, которая представляет собой совокупность предвидимых действий, объединенных заданием, выполняемых в определенной временной и пространственной последовательности. Подтверждается, что в ориентировочной части действий осуществляется анализ изменений процесса деятельности, в соответствии с этими изменениями в реакции происходит регуляция хода осуществления программы, выявляются несоответствия программного и процессуального действий.

Ключевые слова: *ориентировочная основа действия; ориентировка; ориентировочная основа совместных действий; структура совместной деятельности; функциональные компоненты регуляции деятельности; дошкольный возраст.*

Феномен ориентировочной основы действий представляет собой систему репрезентаций субъекта о цели, программе, средствах и условиях осуществления предстоящего или выполняемого действия (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, З.А. Решетова, А.Г. Лидерс). П.К. Анохиным, Э.А. Астратяном, Д.А. Бирюковым отображена функциональная роль ориентировочной части действия. Так, общая задача ориентировки – это ориентация в ситуации с сигнальными признаками новизны, когда «изменения внешней среды выходят за пределы возможностей автоматического приспособления» [1].

В научных исследованиях ориентировка рассматривается как деятельность, направленная на обследование окружающего, процесс превращения этой деятельности из внешней во внутреннюю и собственно психическая деятельность по регуляции поведения человека (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.Р. Лурия). На современном этапе изучена роль ориентировки в произвольной регуляции деятельности (А.В. Запорожец, П.К. Анохин, Д.А. Бирюкова, Д.Б. Годовикова, Е.И. Бойко), ориентировка анализируется как система условий, на которые ориентируется человек при выполнении действия (В.П. Зинченко), в том числе в ходе ознакомления с новой ситуацией (Д.Б. Годовикова). Б.М. Теплов, В.Д. Небылицин выделили типологические особенности ориентировочных рефлексов. Ориентировочная основа

действия осмыслена как синпрактическая поисковая деятельность, в процессе которой выделяются компоненты ситуации и существенные взаимоотношения между ними (Н.Н. Поддьяков). Важным является отображение планомерности и поэтапности формирования ориентировочного действия (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Тальзина, В.В. Давыдов, А.И. Подольский, Ю.А. Самарин, Е.И. Бойко, Л.С. Цветкова). Отдельно произведен анализ ориентировочной основы действий в рамках проблемы «латентного обучения» (I. Deese, D. Thistlethwaite, Д.Б. Годовикова), показана роль речи и словесной инструкции как «дополнительной афферентации» в процессе ориентировочного действия, словесной организации ориентировки (А.Р. Лурия, О.К. Тихомиров, Д.Б. Эльконин, Т.В. Ендовицкая, М.И. Лисина), охарактеризованы дезориентирующая основа деятельности (А.Н. Поддьяков), образно-понятийная модели деятельности (А.А. Крылов, А.И. Худяков).

Теория ориентировочной основы действий дополняется А.Т. Велфордом [2], В.П. Зинченко [3] в изучении образов, регулирующих предметные действия человека, которые обозначаются авторами как «концептуальная модель деятельности». Показано, что концептуальная модель деятельности – это та ориентировочная основа действий, которая является системой образа среды и образа действия, объединенных в единый структурный элемент, на основе которого происходит управление действием. В.П. Зинченко обосновывает, что информационная модель представляет собой совокупность информации об объекте управления, системе управления, среде, самом субъекте, средствах отображения информации. Информационная модель специальным образом упорядочена, чтобы обеспечить быстрое и удобное восприятие и работу с полученными данными. В свою очередь, концептуальная модель – это некие сведения, полученные ранее при обучении или отложившиеся в памяти. Оба типа данных объединяются в едином процессе переработки информации и управляющих действий [Там же].

Д.А. Ошанин [4] вводит понятие оперативного образа ситуации. Так, ориентировочная основа действия задает оперативный образ (Д.А. Ошанин), что, в свою очередь, формирует информационную и концептуальную модель (в терминах В.П. Зинченко). Вводится термин «информационная основа деятельности» для обозначения совокупности информации, характеризующей предметные и субъективные условия деятельности, позволяющей организовать ее в соответствии с вектором «цель–результат» (В.Д. Шадриков).

При этом на современном этапе остается недостаточно исследованным социально-психологический аспект изучения ориентировочной основы совместной деятельности как группового процесса, определяющего результативность совместной деятельности. На данном этапе анализ социально-психологического контекста изучения феномена представлен исследованиями ориентировки в структуре совместной деятельности (Е.И. Гамова, А.С. Чернышев, Р.С. Семенов). В концепции организованности малых групп ориентировка осмыслена в качестве социально-психологических механизмов

актуализации субъектных свойств группы и оценки группой включенности индивидов в совместную деятельность [5–6].

А.Л. Журавлев считает, что ориентировочная основа совместной деятельности способствует формированию группового состояния, а именно состояния преактивности (преддеятельности) [7].

Рассматривая проблему ориентировки в совместной деятельности, А.С. Чернышев, А.Н. Лутошкин отмечают, что ориентировка должна включать как диагностику состояния организационных отношений, так и прогнозическую оценку их проявления в будущей деятельности [5–6]. Ориентировка совместной деятельности группы, по их мнению, выполняет функцию некой «инвентаризации», т.е. анализа условий ситуации, группового потенциала, согласования желаемого результата.

О.М. Савчик [8] отмечает, что различными авторами ориентировочный этап совместной деятельности включается как начальная стадия групповой динамики: ориентировка в ситуации, межличностных отношениях, групповой задаче, способах ее решения, формирование установки на совместное действие (И.П. Волков); ориентировка как условие создания волевого единства групповых действий, выяснение форм деятельности (Т. Санталайнен, Э. Воутилайнен, П. Поренне, Й. Ниссинен, О.М. Савчик и др.); поиск оптимальных способов взаимодействия (М. Вудкок и Д. Фрэнсис); ориентировка членов группы в характере действий друг друга и поиск взаимоприемлемого межличностного поведения в группе, поиск членами группы оптимального способа решения задачи (Б. Такмен).

В исследованиях С.В. Сарычева, А.С. Чернышева ориентировочная часть совместной деятельности определяется как один из психологических механизмов надежности группы в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности, когда значительно увеличивается «удельный вес» ориентировочной части совместной деятельности в группах с более высоким показателем по параметру «организованность» [9].

В организации и регуляции индивидуальных операций в совместном действии В.В. Рубцов выявил такую особенность этапа поиска решения задачи, как ориентировочно-пробующие действия [10].

Большой вклад в исследование взаимосвязи типов ориентировки с уровнем организованности группы и результативностью совместной деятельности внесла Е.И. Гамова [11–12]. По ее мнению, сокращение ориентировки служит критерием степени освоенности деятельности группой, а также критерием выработки накопления группового опыта совместной деятельности.

Ориентировка (ориентировочная основа совместной деятельности) – оперативный образ предстоящей совместной деятельности, в котором групповой субъект осуществляет пробно-поисковую активность (исполнение), разрабатывается схема действий в соответствии с поставленной задачей, анализируются условия предстоящей деятельности, с которой ранее он никогда не сталкивался или сталкивался в других условиях.

Таким образом, ориентировочная основа совместной деятельности была исследована как система представлений группы о цели, плане и средствах

осуществления предстоящей деятельности. Ориентировочная основа совместной деятельности является фактором, который направляет деятельность группы при выполнении задачи. В процессе ориентировки можно проанализировать оценку способностей, потенциала членов группы, их вклад и действия в процессе исполнительской части, предвидеть протекание исполнительской части совместной деятельности (С.В. Сарычева, А.С. Чернышева).

Актуальным становится анализ социальных аспектов организации регуляции деятельности, что требует моделирования не отдельных признаков, например параметров группового взаимодействия, не их разнородной совокупности, а типологической композиции структуры взаимосвязи данных параметров регуляции структуры совместной деятельности.

Формулируется задача – изучить на фоне определенных личностно-типологических особенностей регуляции деятельности (Э.А. Голубева, В.Н. Азарова) проявления произвольности через усвоение ребенком средств и способов организации своего поведения в совместной деятельности (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, А.Л. Вегнер, Е.О. Смирнова), формирование и усвоение способов организации индивидуальной и совместной деятельности.

Необходимо отметить, что в ходе возрастного развития наблюдаются специфические изменения взаимоотношений исполнительских и ориентировочных действий, а также превращение первых во вторые. А.В. Запорожцем были обобщены результаты изучения ориентировочных компонентов деятельности детей в процессе усвоения новых действий [13]. Он доказал, что на более поздних генетических ступенях возрастного развития ориентировочные реакции отделяются от исполнительских и фаза ознакомления с условиями задания начинает предшествовать фазе практического его выполнения. Такое усложнение и совершенствование ориентировочной деятельности приводит к формированию более адекватных образов воспринимаемого, что обнаруживается, например, в повышении эффективности различения и воспроизведения воспринимаемых форм. Иначе говоря, сенсорный эффект – полнота и адекватность перцептивного образа – зависит от особенностей ориентировочной деятельности ребенка в отношении воспринимаемого. Также А.В. Запорожец отмечает, что ориентировочные компоненты какой-либо целостной деятельности выполняют функцию уподобления, моделирования тех материальных или идеальных предметов, с которыми ребенок действует, и приводят к созданию адекватных представлений или понятий о конкретных предметах, а специальная организация ориентировочной деятельности играет существенную роль в процессе руководства различными видами деятельности детей.

Эксперименты Т.В. Ендовицкой, Я.З. Неверович и других исследователей показали: после того как у испытуемого складывалась система ориентировочных реакций, хаотические пробы исчезали, ошибочные движения тормозились до достижения отрицательного практического эффекта как не соответствующие имеющемуся образу, и последующее поведение быстро приобретало адекватный обстоятельствам характер [14].

Изучены ориентировочные перцептивные действия у детей различных дошкольных возрастов в процессах осязательного, кинестетического и зрительного восприятия (З.М. Богуславская, Т.О. Гиневская, Я.З. Неверович). Исследования П.Я. Гальперина показали, что в ходе сенсорного обучения первоначально развернутые ориентировочно-исследовательские действия постепенно сокращаются, их эффекторные звенья оттормаживаются и весь процесс постепенно переносится извне вовнутрь, в движение фокуса внимания по полю восприятия [1]. Именно от ориентировочно-исследовательской деятельности детей в отношении предметных условий задачи зависит эффективность решения задач в наглядно-действенном плане. Так, Г.И. Минская обнаружила четыре типа ориентировочно-исследовательской деятельности [15]. При первом типе (примитивно-хаотическом) ориентировочные реакции на условия задачи отсутствуют; при втором типе ребенок полностью сосредоточен на цели, но не на условиях и средствах; третий тип ориентировочной деятельности (зрительно-двигательный) направлен на исследование не только цели, но и условий и средств; четвертый тип носит чисто зрительный характер. Г.И. Минской обнаружено, что тип ориентировочно-исследовательской деятельности значительно влияет на эффективность решения. При этом во всех возрастных группах количество правильно решенных задач растет по мере перехода от примитивно-хаотической ориентировки к зрительно-двигательной.

Главное, что было выявлено учеными при изучении соотношения ориентировочной и исполнительной фаз поведения, – это типы самой ориентировки в заданиях и их изменение как на протяжении усвоения данного действия, так и в возрастном плане. На первых этапах усвоения ориентировка носит развернутый, внешний характер, включает «пробующие» движения, перемещения предметов, с которыми предстоит действовать, и т.п. На последующих этапах она постепенно свертывается, уходит во внутренний план и становится незаметной для постороннего наблюдателя.

Особая актуальность исследования продиктована тем, что именно ситуация совместной деятельности позволит проследить в динамических ситуационных условиях роль ориентировочной основы действия в регуляции и коррекции цели и средств на индивидуальном уровне и уровне согласования совместных действий.

В ситуации совместной деятельности можно экспериментально зафиксировать особенности регуляторных процессов, разворачивающиеся в групповых действиях через основные звенья системы саморегуляции (ориентировка, планирование, программирование, моделирование, оценка результатов), а также регуляторно-личностные свойства, инструментальные свойства личности, такие как самостоятельность, надежность, гибкость, степень сформированности отдельных компонентов деятельности, их содержательное наполнение и отношения между ними, в том числе ориентировочную основу действия как один из универсальных механизмов согласования активности личности и требований совместной деятельности и достижения принятой индивидуальной и групповой цели.

В ориентировочной части действия можно проследить роль оперативного образа в совместной деятельности, т.е. специфического образа объекта, формирующегося в процессе совместного выполнения конкретного действия (группы действий) с ним, предназначенного и приспособленного специально не для индивидуальных, а для совместных действий (группы действий).

Именно оперативность отражения ситуации совместной деятельности обеспечивает пластичное, гибкое переключение с отражения одних свойств объекта на отражение других его свойств в зависимости от групповой задачи, тем самым осуществляя регуляторную функцию психического отражения.

Ориентировочным звеном действий в исходной форме является развернутое обследование ситуации, имеющее внешнее двигательное выражение, затем это обследование сворачивается, и ряд специфических превращений становится симультанным воспроизведением в образе особенностей данной ситуации. Появление этого образа предвосхищает осуществление исполнительного звена действий, что отображает сложное взаимодействие в произвольных движениях ориентировочного и исполнительного звена.

Таким образом, ориентировочные действия первоначально возникают и развиваются как органическая часть практической деятельности субъекта в тесной связи с ее исполнительской частью (А. Н. Леонтьев [16]).

В опоре на представления А.Р. Лурия [17] необходимо проследить, как в ситуации совместной деятельности произвольная регуляция способствует дифференциации приоритетных стимулов по степени важности для решения определенной задачи, а также определению программы целесообразных движений, входящих в состав совместных действий, и торможению нецелесообразных, задает выбор лишь существенных для деятельности программ действий.

Н.Ф. Талызина [18] подчеркивает, что ориентировочная часть обеспечивает не только правильное исполнение действия, но и рациональный выбор одного из множества возможных исполнений. Человек, выполняя ориентировочную часть действия, обеспечивающую указанные функции, опирается при этом на ориентировочную основу действия. Эффективность ориентировочной части действия, по Н.Ф. Талызиной, не зависит от формы, в которой она представлена (материальная, материализованная, внешне-речевая и т.д.), но существенно зависит от полноты отражения в ней условий, объективно определяющих успешность действия.

В связи с этим необходимо отметить, что именно ориентировочная основа действий помогает осуществлению отбора нужной информации в ситуации совместной деятельности, обеспечению избирательных программ действий и сохранению постоянного контроля над их протеканием.

Эмпирически необходимо проследить, как ориентировочная основа действий не только на индивидуальном, но и на уровне совместной деятельности способствует избирательному характеру сознательной деятельности и произвольной регуляции в ситуации совместных действий.

П.Я. Гальперин указывает, что ориентировочную основу деятельности удастся смоделировать, «материализовать» в тех или иных пространственных свойствах и отношениях:

- определении содержания совместных действий;
- установлении способов выполнения совместных операций;
- анализе и организации внешних условий выполнения совместных операций;
- распределении совместных операций во времени.

Мы исходили из предположения, что изучение механизмов ориентировочной основы действий поможет уточнить представления о механизмах торможения, своевременного переключения с нецелевых на целевые приоритеты совместной деятельности. Именно устойчивость целевого приоритета на протяжении всей совместной деятельности определит ее организацию и результативность.

Нами была выдвинута гипотеза, что в ситуации совместной деятельности возможно проследить, как ориентировочная основа деятельности встраивается в процесс выбора доминирующих процессов, создание гибких регулятивных звеньев совместной деятельности за счет постановки подцелей и использования специальных психических орудий организации совместной деятельности.

Исходя из данных предпосылок, целью исследования стал анализ функциональной структуры системы регулирования индивидуальной и групповой деятельностью дошкольников, в том числе проявления ориентировочной основы действия в регуляции совместной деятельности. Основной задачей в рамках проблемы, на решение которой направлено исследование, становится отображение в модели внутренней структуры регуляции совместной деятельности, регуляторных свойств ориентировочной основы деятельности.

В структуре регуляции совместной деятельности дошкольников необходимо отобразить ориентировочную часть деятельности:

- характеристику афферентного синтеза условий деятельности, анализ внутренних и внешних условий совместной деятельности, сличение реальных условий и субъективно принимаемой модели условий, задание программы совместной деятельности;
- формирование представлений о контролируемых параметрах, критериях успешности;
- возможность коррекции функционирования различных регуляторных звеньев деятельности, обеспечение пластичности, когда этого требуют условия совместной деятельности;
- обеспечение надежности и устойчивости функционирования регуляторных звеньев совместной деятельности;
- собственно специфику типов ориентировки совместной деятельности (самостоятельность программирования, моделирования, оценки, коррекции своей активности).

Процедура исследования

Эмпирическая выборка. В исследовании приняли участие 136 детей раннего возраста (5–7 лет). Исследование проводилось в организованных микрогруппах по 5–7 человек.

Методы и методики эмпирического исследования:

1. В ходе исследования создавались экспериментальные условия совместной деятельности дошкольников, в которых производилась экспертная оценка методом шкалирования и ранжирования поведенческих индикаторов проявления регуляции совместной деятельности детей дошкольного возраста. Отдельное внимание уделялось фиксации ориентировочной части совместной деятельности. Среди эмпирических индикаторов, разработанных и апробированных нами ранее в исследовании совместной деятельности дошкольников [18], были предложены следующие индикаторы:

– программирование совместных действий (умение сознательно подчинить свои действия правилу, способность четко задавать, завершать и корректировать программу деятельности, компоненты, связанные с программированием произвольных действий (возможность усвоения и следования заданной или выработанной программе), возможность создания собственной стратегии деятельности, снижение устойчивости программы деятельности, завершенность программы деятельности, упрощение программы, инертное построение ее элементов, поэлементное выполнение программы, интенференция, неустойчивая тенденция к расширению программы, умение ориентироваться на заданную систему требований, необходимость помощи и контроля в организации деятельности, понимание инструкции, способность организовывать и поддерживать свою деятельность, ориентировочная основа деятельности, трудности в ориентировке в условиях или требованиях задания (неполный анализ условий задач));

– исполнительные действия (компоненты, связанные с избирательной регуляцией произвольных действий: инертность действий, импульсивность действий, возможность избирательного реагирования на существенные для решения задачи стимулы, возможность переключения с одного элемента программы на другой, возможность переключения с программы на программу, возможность устойчивого следования усвоенной серийной программе, трудности отторгивания стереотипов, опережающее поведение, гибкость (дополнительные действия, не относящиеся к инструкции), инертность, трудность переключения с одного задания на другое, импульсивность, трудности вхождения в задания);

– контроль и оценка результата (количество ошибок, количество попыток, сбои, видит ли свои ошибки, ориентация на ошибки партнера, достижение результата, подавление нежелательных двигательных реакций, подчинение правилам);

– речевая регуляция совместной деятельности (наличие ориентировочных и организующих речевых высказываний, наличие «внешней» речевой регуляции, обращенность речи к партнеру, к взрослому, наличие высказываний,

стимулирующих групповую деятельность, умение задать речевую инструкцию партнеру, выполнение словесной деятельности в нестандартных условиях, сформированность речевой регуляции в планировании деятельности, словесное обобщение собственных действий, словесное планирование (внешнее, а затем внутреннее) предстоящих действий как высший этап словесной регуляции, использование в речи личных местоимений множественного числа – «нас», «мы», использование в речи личных местоимений – «я», «мне» и др.);

– организация совместной деятельности (поэтапное регулирование поведения партнеров, оценка действий партнера, помощь партнеру, наличие советов и реплик по поводу работы, работает один / работает вместе с партнером, следит за работой партнера, распределяет деятельность между партнерами, согласованные или индивидуальные действия, операции совместные / индивидуальные, ориентировочная основа совместной деятельности, позиция лидера / ведомого / исполнителя, реагирует действием на советы партнера и др., умение завершить программу деятельности, в том числе вовремя прекратить выполнение действия, переключиться на выполнение другого задания).

– мотивация (необходимость дополнительной стимуляции, эмоциональное состояние, сопротивление, негативизм, отказ от выполнения задания, положительный / отрицательный контакт).

2. Стандартизированные психодиагностические методики для фиксации данных: методика «Сделаем вместе» (И.Б. Дерманов), методика проблемных ситуаций «Одень куклу», «Мозаика», социометрическая методика «Секрет» (Т.А. Репина).

3. Методы математико-статистической обработки: факторный анализ, регрессионный анализ. Обработка проводилась при помощи статистического пакета SPSS 22.0.

Результаты исследования

Для нахождения модели композиции структуры совместной деятельности применен факторный анализ методом главных компонент с варимакс вращением (для ортогональности факторов). Процедура позволила представить структурную композицию функциональных звеньев совместной деятельности членов дошкольного коллектива.

Было получено трехфакторное решение структуры совместной деятельности дошкольников ($\lambda = 43$).

1-й фактор ($\lambda=22$) – блок ориентировочной основы совместной деятельности и контроля совместных действий. Фактор представляет собой характеристики ориентации дошкольников во взаимодействии (положительная направленность и продолжительность контакта, наличие заинтересованности дошкольников в предложенной совместной деятельности, оказание помощи партнеру, совместная работа с партнером, отслеживание работы партнера), информационное отображение критериев необходимости коррекции

совместных действий (количество попыток и сбоев выполнения совместных действий, количество ошибочных совместных действий, способность увидеть собственные ошибки и оценить ошибки партнера, негативная реакция при нарушении распределений действий между партнерами), речевая регуляция и контроль совместных действий (реакция дошкольников действием на советы партнера, употребление личностных местоимений множественного числа, речь дошкольников обращена к партнеру, присутствуют советы реплики по поводу совместной работы и работы партнеров).

2-й фактор ($\lambda = 11$) – блок моделирования, программирования и удержания программы совместных исполнительных действий. Данный блок в структуре совместных действий дошкольников раскрывается через такие индикаторы, как присутствие понимания дошкольниками инструкции, распределение действий между партнерами, преобладание совместных или индивидуальных операций, необходимость помощи и контроля в организации деятельности, характеристики групповых ролей «лидер» / «исполнитель».

3-й фактор ($\lambda = 10$) – блок мотивационного интереса и контроля согласования совместных действий. Данный блок можно осмыслить через критерии понимания или непонимания дошкольниками инструкции «вместе», характеристики личного контакта между дошкольниками, наличие согласованных или индивидуальных действий, критерий достижения результата, интерес к совместной деятельности, присутствие регулирования поведения партнера.

Данная факторная структура раскрывает основные компоненты регуляции совместной деятельности. Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что в структуре ориентировочной основы совместных действий дошкольников можно зафиксировать следующие компоненты: принятие цели совместной деятельности, обеспечение субъективной модели значимых условий, программирование исполнительских действий, систематизация субъективных критериев достижения цели, контроль и оценка реальных результатов, решение о коррекции системы регулирования.

В дальнейшем при помощи регрессионного анализа среди индикаторов выявлены предикторы, определяющие характеристики процесса совместной деятельности дошкольников.

Важнейшим параметром для анализа стал критерий достижения результата в ходе совместной деятельности. Выявлено, что достижение результата совместной деятельности дошкольниками ($R^2 = 0,958$, $p = 0,0001$) зависит от полноты ориентировки ($\beta = 0,277$), преобладания совместных операций над индивидуальными ($\beta = 0,194$), согласованности индивидуальных действий с групповыми ($\beta = 0,089$), присутствия помощи партнерам ($\beta = 0,099$), наличия согласия дошкольников с общегрупповым мнением ($\beta = 0,284$), возможности отстаивания своего мнения ($\beta = 0,227$), характера эмоционального состояния дошкольников в совместной деятельности ($\beta = 0,371$). При этом препятствовать достижению результата совместной деятельности будет увеличение числа попыток и сбоев ($\beta = -0,078$), а также

снижение речевой регуляции совместной деятельности: дошкольники не понимают инструкции «вместе» ($\beta = -0,166$), речь не обращена к партнеру ($\beta = -0,032$).

Другой важной задачей стало определение роли ориентировки в организации совместной деятельности. Так, ориентация дошкольников в действиях партнера, наличие согласованности действий влияют на вероятность появления негативной реакции на нарушение распределения средств совместной деятельности, в том числе распределения конкретных материалов совместной деятельности ($R^2 = 0,510$, $p = 0,008$). Данный критерий также влияет на оказание помощи партнеру ($R^2 = 0,610$, $p = 0,0001$). Ориентировка в действиях партнера выступает условием контроля и распределения средств совместной деятельности. Согласованность индивидуальных и совместных действий дошкольников выступает предиктором наличия организации, регуляции групповой деятельности на уровне операций ($R^2 = 0,516$, $p = 0,002$).

Работать совместно с партнером будут дошкольники, которые откликаются на советы партнера и реагируют на совет партнера действиями, принимают помощь от партнеров, допускают контроль действий со стороны других дошкольников, сразу понимают инструкцию деятельности ($R^2 = 0,728$, $p = 0,0001$).

Подтверждается роль речевого контроля как важнейшего компонента ориентировочной части совместной деятельности. Так, количество ошибок в совместной деятельности дошкольников ($R^2 = 0,949$, $p = 0,0001$) возрастает, если дошкольники не используют личностные местоимения множественного числа ($\beta = -0,131$), не дают реплик по поводу работы партнеров ($\beta = -0,230$). При этом речь, обращенная к партнеру, снижает количество ошибок ($\beta = 0,151$). Принятие инструкции является предиктором проявления обращенной к партнеру речи, наличия речевого сопровождения и реплик по поводу действий для партнера, присутствия речи, обращенной к взрослому ($R^2 = 0,672$, $p = 0,0001$). Нарушение понимания инструкции «вместе» влияет на увеличение отрицательной направленности контакта ($R^2 = 0,707$, $p = 0,0001$), а также снижает вероятность достижения результата деятельности ($R^2 = 0,475$, $p = 0,004$). Наличие речевого контроля в процессе выполнения деятельности влияет на преобладание совместных действий над индивидуальными ($R^2 = 0,335$, $p = 0,037$). Подтверждается, что ориентировка включает в себя словесную регуляцию совместной деятельности в форме прямого побуждения партнера к действию, обозначения предмета совместной деятельности, направляющей инструкции для ответной реакции партнера, обозначения обобщенного действия, а также в форме внешнего положительного стимулирования или оттормаживания нежелательных действий партнера. Речевая ориентировка выступает как переход к внутренней словесной регуляции, словесной организации и планированию предстоящих совместных действий совместно со взрослым или со сверстниками.

Выявлено, что количество ошибок ($R^2 = 0,949$, $p = 0,0001$) возрастает при снижении контроля в форме импульсивности ($\beta = -0,240$), трудностях

переключения с одного задания на другое ($\beta = 0,368$). Снижает количество ошибок присутствие регулирования дошкольниками поведения партнера ($\beta = 0,150$, $R^2 = 0,949$, $p = 0,0001$).

В исследовании подтверждается роль ориентировочной части совместной деятельности в согласовании исполнительных действий. Дезорганизующие дополнительные действия, не относящиеся к инструкции ($R^2 = 0,657$, $p = 0,0001$), будут появляться у дошкольников со сниженным контролем в форме импульсивного ($\beta = 0,141$), опережающего поведения ($\beta = -0,199$). Действия, не относящиеся к инструкции, характерны для дошкольников, которые испытывают трудности в ориентировке ($\beta = -0,129$), отслеживании поведения партнера ($\beta = -0,131$), понимании инструкции ($\beta = 0,141$). Вместе с тем расширение программы действий, не относящихся к инструкции, будет направлено на повышение эффективности совместной деятельности в случае, если это стало следствием совместной работы с партнерами ($\beta = 0,084$), обнаружения дошкольником собственной ошибки ($\beta = 0,125$), отстаивания своего мнения ($\beta = 0,091$). Можно предполагать, что оперативная ориентировка в действиях партнера определяет характер, последовательность, способы действий, направленных на достижение цели в динамических условиях.

Контролирующая функция ориентировочной основы совместной деятельности будет проявляться в том, что отслеживание действий партнера снижает инертность, тугоподвижность действий дошкольников ($R^2 = 0,334$, $p = 0,05$). Дошкольникам, которые следят за работой партнера, дают советы и реплики по поводу совместной деятельности, требуется меньшее количество попыток для выполнения задания и достижения результата ($R^2 = 0,807$, $p = 0,0001$). Трудность переключения с одного задания на другое влияет на возрастание количества ошибок ($\beta = 0,353$, $R^2 = 0,949$, $p = 0,0001$). Ориентировочная часть совместных действий обеспечивает соответствие между запрограммированным ходом деятельности, конечным результатом и реальным ходом совместной деятельности, возможность своевременной оперативной коррекции программы индивидуальных и совместных действий.

Понимание дошкольниками общей цели совместной деятельности будет зависеть от наличия регулирования действий партнера, совместных действий с партнером и низкой импульсивности ($R^2 = 0,739$, $p = 0,0001$). Данные подтверждают, что способ действия определяется условиями, в которых задана цель совместной деятельности. Принятие цели выступает важнейшим параметром эффективности совместной деятельности.

Единство ориентировки и мотивационного компонента совместной деятельности будет проявляться в том, что положительная направленность контакта в процессе совместной деятельности дошкольников ($R^2 = 0,793$, $p = 0,0001$), заинтересованность дошкольников в продолжении совместной деятельности ($R^2 = 0,931$, $p = 0,0001$) будет зависеть от того, насколько дошкольник следит за действиями партнеров и реагирует ли он действиями на их реплики. Принятие и понимание дошкольниками инструкции снижает отрицательный эмоциональный настрой, сопротивление, негативизм

в совместной деятельности ($R^2 = 0,477, p = 0,004$). Проблемная задача, задавая некоторую ситуацию совместной деятельности, не только побуждает ребенка к конкретному действию, но и создает контекст проявления его инициативы и поддерживает ориентировку как важнейший организационный компонент совместной деятельности.

В ориентировочной основе совместной деятельности на первое место выступает не только анализ способа индивидуальных и совместных действий в конкретной ситуации, но и анализ задания инструкции, совместный поиск средств и способов ее выполнения, речевой контроль совместных действий. Группа, в которой сформирована ориентировка в совместных действиях, обладает устойчивостью к изменениям условий и более эффективно достигает результат.

В процессе совместной деятельности с помощью речевой ориентировки и ориентировки на уровне конкретных действий выделяются процессуальные и результативные признаки: информационные признаки, с ориентацией на которые выполняются действия; информация, используемая в процессе выполнения совместных действий; результативные признаки, которые дают информацию о параметрах результата, по которым происходит сопоставление с целью деятельности (отдельных действий). В совместной деятельности ориентировочную часть задает цель либо в форме критерия значимости результативных признаков, либо в форме задания, где ведущая роль отводится процессуальным признакам.

Ориентировка выступает как система условий, на которые должны ориентироваться члены группы в совместной деятельности для согласования операционально-технической стороны.

Ориентировочная основа совместной деятельности может быть представлена как последовательность выполнения (алгоритм) операций и система сведений (ориентиров), на которую должен опираться каждый член группы при выполнении индивидуальных и совместных действий.

Полученные данные подтверждаются содержательным анализом совместной деятельности дошкольников. Качественный анализ взаимодействия дошкольников в экспериментальной ситуации показывает, что ориентировочная основа действий в условиях группового взаимодействия обеспечивает активное изучение задания и только потом – переход к выполнению системы исполнительных, рабочих процедур.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают, что за счет ориентировочной части совместных действий достигается согласованность операционально-технической стороны деятельности с объективными условиями проблемной ситуации совместной деятельности дошкольников. Ориентировочная основа совместной деятельности включает афферентный синтез условий деятельности, средств, состава деятельности, контроля (отслеживание совпадения предмета с представлением о продукте и с предметом и

продуктом партнеров) и оценку деятельности (сличение продукта с индивидуальной и групповой целью).

Ориентировочная основа действий (ее обобщенность, полнота, способ получения информационной основы деятельности) оказывает влияние на результативность совместной деятельности дошкольников.

Было выявлено, что ориентировка начинает разворачиваться чаще всего в ситуации неопределенности, перед которой стоит группа, а именно уже при постановке общей цели совместной деятельности на индивидуальном уровне, затем при постановке задач перед группой.

Ориентировочная часть совместной деятельности выступает компонентом надежности группы за счет опосредования построения исполнительской части совместной деятельности.

Ориентировка группы в совместной деятельности по своему психологическому содержанию характеризуется как процесс исследования условий предстоящей совместной деятельности, проектирования средств исполнения. Ориентировочная основа совместной деятельности является структурной частью деятельности, направляющей и реализующей процессы взаимодействия и согласования действий членов группы.

Ориентировочная основа действий в условиях группового взаимодействия проявляется в обращении внимания партнеров на отношения между объектами с помощью словесных указаний. Эффективность совместной деятельности будет зависеть от способности дошкольников прибегать к более непосредственным приемам организации ориентировки (например, не только речевое указание, но и указание действием на сопоставляемые предметы), что позволяет совместно анализировать отношения между объектами деятельности и использовать эти отношения для решения задач.

Можно выделить главные функции ориентировочной основы совместной деятельности: уяснение проблемной ситуации, выделение объекта действий в актуальной задаче, выбор стратегии и метода индивидуальных и совместных действий, регуляция выполнения деятельности.

В ориентировочной части совместных действий отображается уточнение не только конечного образа цели, но и промежуточных звеньев совместных действий, их соотношения.

Заключение

Исследование позволило не только рассмотреть и операционализировать феномен ориентировочной основы действий на уровне индивида, но и проследить специфику трансформации ориентировки на уровне организации совместной групповой деятельности.

Трудности произвольной регуляции совместной деятельности у дошкольников проявляются в том, что первое знакомство с обстоятельствами эксперимента, ориентировочная деятельность носят хаотический характер, и отдельные исследовательские реакции не связаны друг с другом. Затем происходит выявление существенных компонентов. Несформированная

ориентировочная основа действий присутствует у дошкольников, которые сразу приступают к осуществлению движений без предварительной ориентировки в ситуации и без взаимодействия с членами коллектива.

На данном возрастном этапе сформированные внешние ориентировочно-исследовательские действия помогают дошкольнику предвосхищать пути и результаты действий практических, соотносясь с теми правилами и ограничениями, которые задают и условия деятельности, и другие участники коллектива. Ориентировочная основа деятельности функционально обеспечивает избирательность, распределение совместных действий, целенаправленность внешнего управления процессом совместных действий, неотложность оперативного реагирования на изменение внешних и внутренних условий и средств деятельности, выбор совместных средств деятельности, эффективность оперативного планирования, непосредственное воплощения программы совместных действий в условиях сложной динамики окружающей среды.

Специфика ориентировочной части совместной деятельности в дошкольном возрасте будет проявляться в том, что именно состав действий диктует динамику ориентировки. Так, ведущее значение в ориентировке принадлежит процессуальным признакам и меньшее – результативным.

Исследование подтверждает противоречия, которые связаны с необходимостью отображения роли ориентировочной основы деятельности в оперативном планировании в условиях совместной деятельности при постановке задач разного уровня новизны, сложности и неопределенности. Ориентировочная часть совместной деятельности группы исследована с точки зрения переосмысления и расширения представлений о критериях результативности и способах оптимизации совместной деятельности, а также их интеграции с критериями произвольной регуляции деятельности. Данные подтверждают, что на основе анализа содержания ориентировки возможны достоверное прогнозирование хода и результативности предстоящей совместной деятельности групп, отбор и комплектование групп для выполнения сложных практических задач.

Дальнейшей практической задачей является внедрение программ развития ориентировочной основы совместной деятельности с целью эффективного согласования групповой деятельности, развития произвольной регуляции деятельности и исполнительской части действий у дошкольников.

За счет организации совместной деятельности достигаются:

- экстерииоризация действия в материальной или материализованной форме, использование дошкольниками ранее сформированных индивидуальных действий в совместной деятельности (в перцептивной и умственной форме);

- возможность усвоить содержание действия, совместно осуществлять объективный контроль за выполнением каждой входящей в действие операции;

- для обобщения действия отработка типовых случаев применения данного действия в решении групповой задачи;

– создание условий развития действия как внешнеречевого после того, как все содержание действия оказывается усвоенным. На этом этапе, где все элементы совместного действия представлены в форме внешней речи, действие проходит дальнейшее обобщение, но остается еще неавтоматизированным и несокращенным;

– представление с помощью речевого контроля новых типовых ситуаций, которые на предыдущем этапе не могли иметь места. В совместной деятельности может присутствовать полный речевой контроль, а в дальнейшем действие начинает выполняться с пропуском в речевой форме отдельных операций;

– формирование действия во внешней речи про себя. Приняв ответственную форму, действие очень быстро начинает сокращаться и автоматизироваться во внутренней речи, что способствует развитию произвольности необходимых навыков.

Данная логика отражает, как через ориентировочную основу совместной деятельности возможно интенсифицировать формирование и закрепление индивидуально выработанных навыков.

Практическая значимость полученных результатов:

– знание структуры, функций и основных характеристик ориентировочной части совместных действий позволит моделировать наиболее рациональные виды организации совместной познавательной деятельности дошкольников, эффективно усваивать в групповой форме запрограммированные виды познавательной деятельности;

– выделены условия, которые обеспечивают планомерное становление у дошкольников сложной структуры ориентировочной части совместных действий, исполнительного и надисполнительных ее компонентов (целевых компонентов ориентировочной части действий при освоенной исполнительской части ориентировки): развитие ориентировочно-исследовательской деятельности детей в отношении предметных условий решения совместной групповой задачи; поэтапное формирование форм ориентировочной части совместных действий (материальной, материализованной, внешнеречевой и т.д.), полноты отражения в них условий, объективно определяющих успешность группового действия;

– основные совместные действия составляют этапы индивидуального усвоения действия, каждый из которых характеризуется совокупностью изменений основных свойств (параметров) действия: совместные действия, как и индивидуальные, должны стать обобщенными, сокращенными и освоенными, проходя через переходные состояния;

– формирование мотивационного компонента усвоения знаний, умений, навыков через совместную деятельность у дошкольников. Наличие мотивов – необходимое условие для принятия дошкольниками задачи и выполнения адекватной ей деятельности. Из данных исследования видно, что в групповой деятельности должно быть обеспечено создание проблемных ситуаций, разрешение которых возможно с помощью только совместного действия;

- представлена модель прогнозирования хода и результативности предстоящей совместной деятельности;
- уточнены и опробованы методы групповой диагностики ориентировки для оценки регуляторных функций у дошкольников;
- произведено выделение конкретных индикаторов и методов диагностики сформированности произвольной регуляции действий у дошкольников в ситуации совместной деятельности с целью определения склонности к поведенческим нарушениям, снижению контролирующих функций, воспроизведению дезадаптивных форм поведения в групповом взаимодействии.

Литература

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию : учеб. пособие для вузов. М. : КДУ, 1999. 332 с.
2. Welford A.T. On the human demands of automation: Mental work conceptual model, satisfaction and training. // *Industrial and business psychology*. 1961. Vol. 5. P. 182–193.
3. Зинченко В.П. К вопросу о формировании ориентирующего образа // *Ориентировочный рефлекс и ориентировочно-исследовательская деятельность*. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1958. С. 333–339.
4. Ошанин Д.А. Психологические вопросы регуляции деятельности М. : Педагогика, 1973. 208 с.
5. Чернышев А.С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материалах исследования молодежных групп и коллективов) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05. М., 1980. 65 с.
6. Чернышев А.С., Сарычев С.В., Лунев Ю.А. Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005, 189 с.
7. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2005. 628 с.
8. Савчик О.М. Ориентировочная основа совместной деятельности как условие создания волевого единства группы // *Вестник полоцкого государственного университета*. Серия Е: педагогические науки. 2006. № 11. С. 77–82.
9. Сарычев С.В., Чернышев А.С. Социально-психологические аспекты надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности. Курск, 2000.
10. Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. 384 с.
11. Гамова Е.И. Исследование социально-психологических аспектов ориентировочной основы совместной деятельности малых групп // *Ломоносов-2009 : материалы докладов XVI Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых МГУ*. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 128–132.
12. Гамова Е.И. Ориентировка в структуре совместной деятельности и ее влияние на результативность совместной деятельности малых молодежных групп // *Научный журнал КубГАУ : политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2012. № 5 (79). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/49>
13. Запорожец А.В. Избранные психологические труды : в 2 т. М. : Педагогика, 1986. Т. II: Развитие произвольных движений. 296 с.
14. Ендовицкая Т.В. Влияние организации ориентировочной деятельности на объем внимания у детей // *Доклады АПН РСФСР*. 1957. № 3. С. 75–79.

15. Минская Г.И. Переход от наглядно-действенного к рассуждающему мышлению у детей дошкольного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук (по психологии) / Акад. пед. наук РСФСР, Науч.-исслед. ин-т психологии. М., 1954. 14 с.
16. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 584 с.
17. Лурия А.Р., Цветкова Л.С. Нейропсихологический анализ решения задач. Нарушения процесса решения задач при локальных поражениях мозга. М. : Просвещение, 1966. 291 с.
18. Тальзина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 342 с.
19. Смирнова Я.К., Белых А.С. Компоненты структуры регуляции совместной деятельности дошкольников // Инновации в науке : сб. статей по материалам XLVI междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2015. № 46. С. 105–112.

Поступила в редакцию 04.09.2017 г.; повторно 09.10.2017 г.; принята 10.10.2017 г.

Сведения об авторе:

СМИРНОВА Яна Константиновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: yana.smirnova@mail.ru

ORIENTATIVE BASIS OF PRESCHOOL CHILDREN'S MUTUAL ACTIVITY

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 32–51. DOI: 10.17223/17267080/66/3

Smirnova Yana K., Altai State University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: yana.smirnova@mail.ru

Keywords: basic sequence of activities; orientation; orientative basis of mutual activity; structure of mutual activity; functional components; regulation of activities; preschool age.

The article is devoted to the phenomenon of the basic sequence of mutual activities as one of the mechanisms of organization and regulation of individual operations in mutual activities. It is shown that basic mutual activities of preschooler children reflect a program, which is a set of foreseen actions, united by a task and performed in a certain time and spatial sequence. The article confirms that in the basic part of actions the analysis of changes in the process of activity is carried out. In accordance with these changes in the reaction, the implementation of the program is regulated, and the conformity of the program and procedural process is not revealed.

The article describes an empirical study. We researched how to organize mutual activity of preschool children, to identify the special features of regulatory processes' arbitrariness that embodies in mutual activity through the main links of self-regulation system (orientation, planning, programming, modeling, evaluation of results). We have analyzed the basic sequence of mutual activities of preschoolers as one of the all-embracing mechanisms for coordinating the individual activity and the requirements of mutual activity.

We have marked the indicators of the basic sequence of activities, which are formed by combinations of generality, completeness, and the method of obtaining an orientative basis. These indicators have an impact on the effectiveness of mutual activities.

We have obtained the structure of preschool children's mutual activity. It includes several blocks, such as a block of orientative basis for mutual activities, a block of modeling, programming and retaining mutual executive actions, a block of motivational interest and control of mutual activity coordination. The block of orientative basis for mutual activities includes the informational basis of control and the reverse afference of funds allocation and coordination of mutual activities, through which the coordination of operational and technical aspects of activity with objective values of the problem situation components is achieved.

The group's orientation in mutual activity in terms of its psychological content is a process of researching the conditions of forthcoming mutual activity and designing the means of its successful execution. The basic sequence of mutual activity acts as a structural part of this activity, directing and realizing the processes of interaction and coordination of actions.

The research confirms the contradictions associated with the need of reflecting the role of basic sequence of activities in operational planning in the context of mutual activities in setting tasks of different levels of novelty, complexity and uncertainty. The orientative part of a group's mutual activity (orientation) has been studied from the point of view of rethinking and expanding the notion of social and psychological criteria of effectiveness and ways to optimize the process of mutual activities integration with the criteria for voluntary regulation of activities. The obtained data confirm that based on the analysis of the orientation content, it is possible to reliably predict the progress and effectiveness of the forthcoming mutual activities of groups, to select and complete the groups for performing complex practical tasks.

References

1. Galperin, P.Ya. (1999) *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to Psychology]. Moscow: KDU.
2. Welford, A.T. (1961) On the human demands of automation: Mental work conceptual model, satisfaction and training. *Industrial and business psychology*. 5. pp. 182–193.
3. Zinchenko, V.P. (1958) K voprosu o formirovaniy orientiruyushchego obraza [On the formation of the orienting image]. In: Voronin, L.G., Leontyev, A.N. & Luriya, A.R. (eds) *Orientirovochnyy refleks i orientirovochno-issledovatel'skaya deyatel'nost'* [Orienting reflex and orienting-research activity]. Moscow: APN RSFSR. pp. 333–339.
4. Oshanin, D.A. (1973) *Psikhologicheskie voprosy regulyatsii deyatel'nosti* [Psychological questions of activity regulation]. Moscow: Pedagogika.
5. Chernyshev, A.S. (1980) *Sotsial'no-psikhologicheskie osnovy organizovannosti pervichnogo kollektiva (na materialakh issledovaniya molodezhnykh grupp i kollektivov)* [Socio-psychological foundations of the primary team organisation (on the study of youth groups and collectives)]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Moscow.
6. Chernyshev, A.S., Sarychev, S.V. & Lunev, Yu.A. (2005) *Apparturnye metodiki psikhologicheskoy diagnostiki gruppy v sovmestnoy deyatel'nosti* [Instrumental methods of psychological diagnosis of the group in joint activities]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
7. Zhuravlev, A.L. (2005) *Psikhologiya sovmestnoy deyatel'nosti* [Psychology of joint activity]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
8. Savchik, O.M. (2006) Orientirovochnaya osnova sovmestnoy deyatel'nosti kak uslovie sozdaniya volevogo edinstva gruppy [The approximate basis of joint activity as a condition for creating a strong-willed unity of the group]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E: Pedagogicheskie nauki*. 11. pp. 77–82.
9. Sarychev, S.V. & Chernyshev, A.S. (2000) *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty nadezhnosti gruppy v napryazhennykh situatsiyakh sovmestnoy deyatel'nosti* [Socio-psychological aspects of the group's reliability in tense situations of joint activity]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.
10. Rubtsov, V.V. (1996) *Osnovy sotsial'no-geneticheskoy psikhologii* [Fundamentals of socio-genetic psychology]. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: MODEK.
11. Gamova, E.I. (2009) [Study of socio-psychological aspects of the indicative framework of joint activities of small groups]. *Lomonosov-2009* [Lomonosov-2009]. Proc. of the 16th International Youth Conference of Moscow State University. Moscow: MAKS Press. pp. 128–132. (In Russian).
12. Gamova, E.I. (2012) Orientirovka v strukture sovmestnoy deyatel'nosti i ee vliyanie na rezul'tativnost' sovmestnoy deyatel'nosti malykh molodezhnykh grupp [Orientation in the

- structure of joint activity and its impact on the effectiveness of joint activities of small youth groups]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. 5(79). [Online] Available from: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/49>.
13. Zaporozhets, A.V. (1986) *Izbrannye psikhologicheskie trudy: v 2 t.* [Selected psychological works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
 14. Endovitskaya, T.V. (1957) Vliyanie organizatsii orientirovochnoy deyatelnosti na ob'em vnimaniya u detey [Influence of the organisation of orienting activity on the amount of attention in children]. *Doklady APN RSFSR*. 3. pp. 75–79.
 15. Minskaya, G.I. (1954) *Perekhod ot naglyadno-deystvennogo k rassuzhdayushchemu myshleniyu u detey doshkol'nogo vozrasta* [The transition from visual-effective to argumentative thinking in preschool children]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
 16. Leontyev, A.N. (1981) *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the psyche development]. Moscow: Moscow State University.
 17. Luriya, A.R. & Tsvetkova, L.S. (1966) *Neyropsikhologicheskiy analiz resheniya zadach. Narusheniya protsessa resheniya zadach pri lokal'nykh porazheniyakh mozga* [Neuropsychological analysis of problem solving. Violations of the problem solving process in case of local brain lesions]. Moscow: Prosveshchenie.
 18. Talyzina, N.F. (1984) *Upravlenie protsessom usvoeniya znaniy* [Management of the learning process]. Moscow: Moscow State University.
 19. Smirnova, Ya.K. & Belykh, A.S. (2015) Komponenty struktury regulyatsii sovmestnoy deyatelnosti doshkol'nikov [Components of the joint activity structure regulation in preschoolers]. *Innovatsii v nauke*. 46. pp. 105–112.

Received 04.09.2017;

Revised 09.10.2017;

Accepted 10.10.2017

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.9.015+616.05
DOI: 10.17223/17267080/66/4

С.А. Помешкина¹, А.В. Солодухин^{1,2}, В.А. Беззубова¹,
М.С. Яницкий², А.В. Серый², О.Л. Барбараш¹

¹ Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия)

² Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Связь коммуникативной модели лечащего врача с приверженностью к терапии пациентов, подвергшихся коронарному шунтированию

Целью настоящей работы явилась оценка связи коммуникативных моделей лечащего врача с приверженностью к назначенному лечению пациентов, подвергшихся коронарному шунтированию. В исследование вошли 366 пациентов-мужчин в возрасте от 41 до 77 лет (средний возраст $59,9 \pm 6,9$) со стабильной формой ИБС. Коммуникативная компетентность врача рассматривалась в виде трех моделей: технической, патерналистской и коллегиальной. Установлено, что чем выше пациент оценивал коммуникативные характеристики лечащего врача по параметрам «доброжелательность», «поощрение инициативы», «открытость», «активность» и «гибкость», что соответствует патерналистской модели, тем выше была его приверженность к соблюдению рекомендаций и приему лекарственных препаратов. Пациенты, которые оценили характер общения с врачом по параметрам технической коммуникативной модели были наименее привержены к соблюдению лечебных рекомендаций. Группа коллегиальной коммуникативной модели занимала промежуточное значение по параметрам приверженности к лечению.

Ключевые слова: коммуникативная модель; общение врача и пациента; приверженность к лечению; ишемическая болезнь сердца; коронарное шунтирование; комплаентность; послеоперационная реабилитация; кардиоваскулярные факторы.

Коммуникация между врачом и пациентом является предметом передовых исследований медицинской психологии и этики. Успешность коммуникации способствует углублению взаимоотношений и повышает доверие пациента к оказываемой помощи [1]. Многие исследователи указывают на важность умения выстраивать межличностные отношения с пациентом в ходе лечебного процесса [2, 3]. От общительности врача, способности устанавливать и развивать взаимоотношения с людьми во

многим зависит его профессиональная успешность. Хороший психологический контакт с пациентом позволяет точнее собрать анамнез и получить более глубокое представление о личности больного [4, 5]. Таким образом, коммуникативная компетентность врача обеспечивает взаимопонимание, доверие пациента к медицинским специалистам, высокую эффективность при решении возникающих трудностей. Коммуникативная компетентность врача включает в себя определенные психологические знания о психологии пациента (тип личности и темперамента, способы реагирования пациента на стрессовую ситуацию т.д.) и сформированность специальных навыков (умение устанавливать эмпатический контакт, внимательно слушать, «считывать» невербальный язык, выстраивать и вести беседу). В современной медицинской психологии существуют различные принципы, лежащие в основе выделения той или иной модели взаимоотношений между врачом и пациентом.

Коммуникативную компетентность врача можно рассматривать в виде трех моделей: технической, патерналистской и коллегиальной [6]. В технической модели врач рассматривает пациента в качестве «предмета для апробации» современных достижений медицинской науки и практики. Данный подход обусловлен стремлением врача использовать новейшие медицинские технологии в диагностике и лечении пациента. Чаще всего характер взаимоотношений между врачом и пациентом осуществляется в рамках научно-исследовательской деятельности. Этические принципы, исторически приписываемые врачу, такие как доброжелательность, открытость, заинтересованность в скорейшем выздоровлении пациента, здесь имеют второстепенный характер.

Патерналистская модель подразумевает определенную беспомощность пациента в отношении самостоятельного принятия решений без поддержки и советов медицинских специалистов. Данная модель подразумевает полное доверие пациента врачу и готовность следовать всем его рекомендациям, даже затрагивающим личные сферы жизни. С позиции пациента данная модель предполагает, что он веряет свое здоровье и благополучие в руки лечащего врача. Высокий уровень доверия при этом достигается вследствие хорошо развитых коммуникативных умений врача и в результате этого установления с пациентом крепких, доверительных отношений. Данная модель представляется как идеальная с точки зрения большинства врачей, так как именно здесь достигается наибольший уровень комплаенса. Кроме того, патерналистская модель отвечает многовековым представлениям о враче как о мудром целителе, способном избавлять от различных физических страданий и недугов, поддерживать мотивацию и веру пациента в выздоровление.

Коллегиальная модель представляет систему взаимоотношений врача и пациента, тесно сотрудничающих в достижении совместной цели, обусловленной болезненным состоянием. Такой целью может стать скорейшее выздоровление пациента, ослабление его страданий. Данная модель наиболее близка к образу идеальных человеческих взаимоотношений,

но при этом врач в лечебном процессе нацелен на полную независимость своего пациента от его указаний. Обращенность пациента к собственному мнению о состоянии своего здоровья, равно как и «равенство» врача и пациента в принимаемых решениях по лечебному процессу, призваны уравнивать их шансы и права. Однако в данной модели практически полностью утрачивает свое значение правило информированного согласия пациента, так как последний выступает как сторона, самостоятельно выбирающая проводимые диагностические и лечебные процедуры. При этом результат лечения в большей мере зависит от самого пациента, чем от его лечащего врача.

Таким образом, от выбранной коммуникативной модели врача зависят не только его дальнейшие взаимоотношения с пациентом, но и отношение пациента к лечебному процессу.

Целью настоящего исследования явилась оценка связи коммуникативных моделей лечащего врача с приверженностью к назначенному лечению пациентов, подвергшихся коронарному шунтированию.

Материалы и методы

Обследованы 366 мужчин в возрасте от 41 до 77 лет со стабильной ИБС, планирующих на коронарное шунтирование (КШ) в условиях искусственного кровообращения в Научно-исследовательском институте комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (НИИ КПССЗ).

Критерии включения: мужской пол, планируемое КШ и добровольное информированное согласие пациента на участие в исследовании.

Критерием исключения явился отказ больного от участия в исследовании.

Клинико-anamnestическая характеристика пациентов, включенных в исследование, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Клинико-anamnestическая характеристика пациентов, направленных на коронарное шунтирование

Показатели	<i>n</i> = 366
Возраст, лет	59,9 ± 6,9
Инфаркт миокарда в анамнезе, <i>n</i> (%)	205 (57)
Длительность ИБС, лет	3 (1; 9)
Средний ФК стенокардии	2,03 ± 0,36
Средний ФК ХСН (по NYHA)	1,98 ± 0,42
Наличие артериальной гипертонии, <i>n</i> (%)	329 (90)
Сахарный диабет, <i>n</i> (%)	40 (11)
Фракция выброса левого желудочка (%)	56,9 ± 6,8

Исследование было выполнено в соответствии со стандартами надлежащей клинической практики (Good Clinical Practice) и принципами Хельсинской декларации Всемирной ассоциации «Этические принципы проведения научных медицинских исследований с участием человека». Работа выполнена при поддержке комплексной программы фундаменталь-

ных научных исследований СО РАН. Протокол исследования был одобрен локальным Этическим комитетом НИИ КПССЗ.

Все пациенты после КШ прошли стационарный (12–13 дней) этап реабилитации. При выписке из стационара пациентам были даны рекомендации на амбулаторный этап по необходимости контроля таких факторов риска, как повышенный вес, артериальная гипертония, курение, повышенный уровень холестерина, о ведении активного образа жизни и важности регулярного приема препаратов.

Пациентов, включенных в исследование, обследовали за 5–7 дней перед проведением КШ и через 6 месяцев после него. Оценивались клиническое состояние пациента, наличие васкулярных факторов риска, принимаемая терапия до КШ и в течение 6 месяцев после него. Для анализа результатов лабораторных и инструментальных обследований использовались данные историй болезни и амбулаторных карт пациентов.

В качестве основного метода исследования коммуникативной модели лечащего врача выступил психодиагностический опросник А.А. Леонтьева (1977), адаптированный для соматических пациентов. Оценка осуществлялась клиническим психологом перед выпиской пациента из кардиохирургического отделения после оперативного вмешательства [5]. Анкетированный пациент при помощи опросника оценивал лечащего врача стационарного этапа реабилитации по семи характеристикам: доброжелательность, заинтересованность врача в общении, поощрение инициативы пациента, открытость перед пациентом, активность врача при общении, гибкость, дифференцированность при выборе индивидуального подхода к пациенту. Каждая характеристика лечащего врача оценивалась пациентом максимально в 7 баллов. Представленные характеристики рассматривались в рамках технической, патерналистской и коллегиальной моделей общения. Техническая модель характеризовалась низкими баллами открытости, гибкости и заинтересованности врача при общении с пациентом. Для патерналистской модели характерны доброжелательность, заинтересованность, поощрение инициативы, открытость, активность, гибкость и дифференцированность. Коллегиальная модель включала высокие показатели открытости, гибкости и поощрения инициативы, но слабо выраженные заинтересованность и активность лечащего врача.

Для проведения статистического анализа использовано компьютерное программное обеспечение Statistica 10.0. Гипотеза о нормальном распределении проверялась с использованием критерия Шапиро–Уилка. Для каждой из непрерывных величин, имеющих нормальное распределение, приведены среднее значение (M) и стандартное отклонение (SD). Для величин с ненормальным распределением результаты представлены в виде медианы (Me) и интерквартильного размаха (Q_{25} ; Q_{75}). Для выделения групп по уровню коммуникативного взаимодействия лечащего врача с пациентом был применен метод кластерного анализа. При сравнении трех независимых групп применяли ранговый анализ вариаций по Краскелу–Уоллису, при $p < 0,05$ проводили парное сравнение с использованием не-

параметрического теста Манна–Уитни. Для сравнения двух зависимых групп использовали непараметрический критерий Вилкоксона. Дополнительно для установления взаимоотношений между клиническими признаками по их абсолютным значениям проводили анализ, используя критерий соответствия (метод χ^2 -квадрат) или коэффициент Пирсона. При установлении достоверности тесноты связей пользовались таблицей χ^2 , считая результаты достоверными, если $p < 0,05$. Для исследования зависимостей между переменными использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

После окончания стационарного этапа реабилитации при помощи метода кластерного анализа все пациенты ($n = 366$) были разделены на три группы в зависимости от используемой лечащим врачом коммуникативной модели. В первую группу вошли пациенты, которые оценили коммуникативную модель врача как техническую, во вторую – пациенты, охарактеризовавшие коммуникацию врача в рамках коллегиальной модели. Третья группа состояла из пациентов, которые оценили общение с лечащим врачом по параметрам патерналистской модели. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2
Результаты оценки параметров коммуникативных моделей,
Me (Q25; Q75), баллы

Параметры коммуникативного взаимодействия	Техническая модель (1-я группа) $n = 90$	Коллегиальная модель (2-я группа) $n = 114$	Патерналистская модель (3-я группа) $n = 162$	p
Доброжелательность	5 (4; 7)	6 (6; 7)	6 (6; 7)	0,0001
Заинтересованность	5 (4; 6)	5 (1; 7)	6 (6; 7)	0,01
Поощрение инициативы	4 (4; 6)	6 (5; 7)	6 (5; 7)	0,0001
Открытость	5 (4; 6)	6 (5; 7)	6 (5; 7)	0,0001
Активность	5 (4; 6)	6 (5; 7)	6 (5; 7)	0,0001
Гибкость	5 (5; 7)	6 (5; 7)	6 (6; 7)	0,0001
Дифференцированность	5 (4; 6)	5 (1; 7)	6 (6; 7)	0,0001

После определения коммуникативных моделей у пациентов сформированных групп были проанализированы наличие и выраженность таких модифицируемых кардиоваскулярных факторов риска в предоперационном периоде, как курение, наличие избыточной массы тела, дислипидемия, повышенное АД, соблюдение до КШ 3–4-х- компонентной схемы лечения. Выяснено, что исходно сравниваемые группы были сопоставимы по этим показателям (табл. 3).

В результате анализа шестимесячной динамики выраженности модифицируемых кардиоваскулярных факторов риска обнаружено, что только в группе патерналистской модели взаимоотношений врача и пациента достоверно уменьшилось количество курящих пациентов (с 49 (30%) до

36 (22%), $p = 0,04$), тогда как в группах технической и коллегиальной моделей общения отмечалась только тенденция к снижению (с 36 (31%) до 29 (25%) и с 23 (26%) до 19 (21%) соответственно).

Таблица 3

Сравнительная характеристика наличия и выраженности сердечно-сосудистых факторов риска пациентов с ИБС до КШ

Факторы риска	Техническая модель (1-я группа) $n = 90$	Коллегиальная модель (2-я группа) $n = 114$	Патерналистская модель (3-я группа) $n = 162$	p
Курящие пациенты, n (%)	23 (26)	36 (31)	49 (30)	0,4
ИМТ, кг/м ²	28,3 ± 2,1	28,2 ± 3,4	27,9 ± 3,8	0,6
Общий холестерин, ммоль/л	4,9 ± 1,6	4,9 ± 1,3	5,0 ± 1,4	0,4
ЛПНП, ммоль/л	2,8 ± 1,1	3,0 ± 1,1	3,1 ± 1,2	0,5

Средний показатель индекса массы тела через 6 месяцев после КШ имел тенденцию к уменьшению в группах с патерналистской и коллегиальной моделями коммуникации врача и пациента. В группе с технической коммуникативной моделью этот показатель даже имел тенденцию к увеличению (табл. 4). При этом через полгода после КШ показатель ИМТ в группе с патерналистской и коллегиальной моделями был достоверно ниже в сравнении с группой с технической моделью коммуникации лечащего врача стационарного этапа послеоперационной реабилитации.

Таблица 4

Полугодовая динамика выраженности сердечно-сосудистых факторов риска пациентов с ИБС, подвергшихся КШ

Факторы риска	Техническая модель (1-я группа) $n = 90$		Коллегиальная модель (2-я группа) $n = 114$		Патерналистская модель (3-я группа) $n = 162$		p
	до КШ (1)	после КШ (2)	до КШ (3)	после КШ (4)	до КШ (5)	после КШ (6)	
ИМТ, кг/м ²	28,3 ± 2,1	28,8 ± 3,8	28,2 ± 3,4	27,5 ± 2,6	27,9 ± 3,8	27,5 ± 1,6	0,001 (2; 4) 0,009 (2; 6)
Общий холестерин, ммоль/л	4,9 ± 1,6	4,3 ± 1,1	4,9 ± 1,3	3,9 ± 0,9	5,0 ± 1,4	4,6 ± 0,6	0,01 (2; 4) 0,001 (4; 6)
ЛПНП, ммоль/л	2,8 ± 1,1	2,4 ± 0,6	3,0 ± 1,1	2,2 ± 0,6	3,1 ± 1,2	2,5 ± 0,7	0,01 (4; 6)
Количество пациентов, принимающих 3–4-х-компонентную схему лечения, n (%)	21 (23)	54 (60)	30 (26)	83 (73)	42 (26)	136 (84)	0,001 (1; 2) 0,001 (3; 4) 0,001 (5; 6) 0,02 (2; 6) 0,001 (4; 6)
Количество пациентов, достигших целевого уровня АД, n (%)	66 (73)	72 (80)	79 (69)	84 (74)	113 (70)	121 (75)	

При анализе динамики показателей липидного статуса оказалось, что уровень ОХ и ЛПНП достоверно снизился во всех трех группах. Однако через полгода после КШ концентрация ОХ была достоверно ниже в группе пациентов коллегиальной модели в сравнении с группой патерналистской модели коммуникации с лечащим врачом. При сравнении группы коллегиальной модели с группой технической модели достоверных различий не было. При анализе динамики уровней ЛПНП после КШ достоверных различий в сравниваемых группах не отмечалось (см. табл. 4). Однако через полгода после КШ концентрация ЛПНП была также достоверно ниже в группе коллегиальной коммуникативной модели в сравнении с группой патерналистской модели общения. Анализируя динамику количества пациентов, принимавших 3–4-компонентную лекарственную терапию, оказалось, что через полгода после КШ во всех трех группах достоверно увеличилось количество пациентов, принимающих рекомендованные группы препаратов. При этом через полгода после КШ достоверно большее количество пациентов принимали 3–4-компонентную терапию из группы патерналистской модели в сравнении с пациентами коллегиальной и технической коммуникативных моделей.

Количество пациентов, достигших целевых уровней АД через полгода после КШ, достоверно не изменилось в сравнении с исходными данными. Различий в сравниваемых группах также отмечено не было.

На следующем этапе были проанализированы связи между выраженностью модифицируемых кардиоваскулярных факторов риска пациентов, подвергшихся КШ, оцененных через полгода, и параметрами коммуникативных моделей (табл. 5).

Таблица 5

Связь параметров коммуникативных моделей с приверженностью пациентов к терапии через 6 месяцев после КШ

Параметры коммуникативных моделей	Показатели									
	Увеличение ИМТ	<i>p</i>	Кол-во базовых препаратов	<i>p</i>	Уровень ОХ	<i>p</i>	Уровень ЛПНП	<i>p</i>	Уровень АД	<i>p</i>
Доброжелательность	-0,42	0,0001	0,05	0,36	-0,02	0,69	0,08	0,13	-0,39	0,0001
Заинтересованность	-0,02	0,75	0,11	0,04	-0,11	0,04	-0,01	0,81	-0,31	0,02
Поощрение инициативы	-0,28	0,0001	0,36	0,004	-0,15	0,02	0,003	0,94	-0,27	0,004
Открытость	-0,14	0,01	0,01	0,78	-0,07	0,17	-0,01	0,84	-0,33	0,01
Активность	-0,29	0,001	-0,04	0,41	0,13	0,02	0,23	0,01	-0,06	0,29
Гибкость	-0,33	0,0001	-0,05	0,31	-0,29	0,0001	-0,31	0,0001	-0,29	0,003
Дифференцированность	-0,10	0,511	0,15	0,007	-0,02	0,63	0,01	0,87	0,06	0,23

Были выявлены отрицательные корреляции между выраженностью показателя ИМТ пациента и такими характеристиками лечащего врача стационарного этапа послеоперационной реабилитации, как «доброжелательность», «активность», «поощрение инициативы» и «гибкость». Отрицательные корреляции присутствовали между выраженностью коммуникативного параметра «гибкость» врача и уровнем ОХ и ЛППП пациента. Уровень АД пациентов имел отрицательные ассоциации с «доброжелательностью» и «гибкостью» лечащего врача.

Кроме того, отмечались положительные корреляции между коммуникативным параметром «поощрение инициативы» врача и количеством принимаемых пациентом препаратов.

Обсуждение результатов

Низкая приверженность к лечению остается серьезной проблемой клинической практики, что связано со значительным уровнем госпитализаций больных, не приверженных лечению. Цель у врача и пациента общая – излечение от недуга, однако ее достижение невозможно без доверительных отношений и установления контакта между ними в течение ограниченного времени. До сих пор общение между врачом и больным в отечественной медицине остается неравноправным, всегда существует определенный дисбаланс в их взаимоотношениях. Слово врача для больного – не только слово специалиста; за врачом стоит многовековая практика медицины, на фоне которой больной является лишь очередным случаем. И как бы пациент ни старался показать, что он человек, реальный, по-своему уникальный, с определенным взглядом на свое заболевание, изменить данное положение крайне трудно. На взаимоотношения врача и пациента оказывает влияние ряд факторов, среди которых можно отметить специфику врачебной профессии, отсутствие четких правил выстраивания взаимоотношений между врачом и пациентом, умение врача выбрать подходящую модель поведения, недостаточную психологическую подготовку медицинских специалистов в оценке психологического состояния больного, пассивную позицию пациента к назначенному лечению. Немаловажное значение также имеет влияние на больного других пациентов. До сих пор в России при общении с пациентом врачи стараются придерживаться авторитарных моделей общения, используя различные приемы для подчеркивания преимущества своей позиции. В таком случае пациенты зачастую должны приспособливаться к лечащему врачу, в результате они исключаются из процесса полноценного общения. Если персонал не дает пациенту возможности высказаться, последний может защищаться, например, выступая с обвинениями в адрес медицинского персонала, что может отрицательно повлиять на его дальнейшую приверженность к назначенному лечению [7].

Исследования коммуникативного взаимодействия врача и пациента показали, что уважительное отношение медицинских специалистов к переживаниям и проблемам пациента, а также умение в доступной форме

донести до больного информацию значительно способствовали повышению приверженности к лечению [8]. Кроме того, формирование у врачей коммуникативных навыков позволяло повысить комплаентность, что, в свою очередь, положительно влияло на поддержание и улучшение здоровья пациентов [3].

В исследованиях влияния коммуникативной компетентности врача на психоэмоциональное состояние пациентов было показано, что снижение уровня тревоги больного связано в первую очередь с эмпатическим ответом врача на его эмоциональные реакции, а также с умением грамотно донести информацию о здоровом образе жизни [4]. Обзор 21 рандомизированного исследования по изучению коммуникативной компетентности врача показал влияние используемой модели общения на улучшение качества жизни и удовлетворенность пациента в отношении принятого решения о выбранном лечении [10–12]. Пациенты, которые положительно оценили отношение к ним лечащего врача, показали более высокий уровень психоэмоционального благополучия, предъявляли меньше жалоб, лучше воспринимали заболевание и были более самостоятельными в контроле состояния своего здоровья.

По данным настоящего исследования оказалось, что только в группе пациентов с патерналистской моделью коммуникации с лечащим врачом стационарного этапа послеоперационной реабилитации достоверно уменьшилось количество курящих пациентов.

Через полгода после КШ показатель ИМТ в группе с коллегиальной и патерналистской моделями общения с врачом был достоверно ниже в сравнении с группой с технической моделью.

Уровни ЛПНП и ОХ после КШ были достоверно более низкими в группе с коллегиальной моделью в сравнении с группой патерналистской коммуникативной модели взаимоотношения врача и пациента. Однако, как показали наши предыдущие работы, показатели липидного статуса не являются объективным критерием приверженности в силу недостаточной информированности пациентов о целевых уровнях липидного статуса, в отличие от уровней АД, необходимости контролировать свой вес, принимать медикаментозную терапию. Соответственно, эти уровни ОХ, ЛПНП не были целью лечения пациентов [13, 14].

Кроме того, в группе с патерналистской моделью большее количество пациентов принимали 3–4-х-компонентное лечение в сравнении с группами технической и коллегиальной коммуникативных моделей взаимоотношений.

При анализе связей между приверженностью к лечению и параметрами коммуникативных моделей были выявлены отрицательные ассоциации между величиной ИМТ и такими параметрами, как «доброжелательность», «поощрение инициативы», «активность» и «гибкость», между уровнем ОХ, ЛПНП и «гибкостью», между уровнем систолического АД и «доброжелательностью», «гибкостью» лечащего врача.

Таким образом, чем выше пациент оценивал коммуникативные параметры врача («доброжелательность», «поощрение инициативы», «открытость», «активность» и «гибкость»), что подходит под определение патерналистской модели, тем выше его приверженность к соблюдению рекомендаций по контролю модифицируемых кардиоваскулярных факторов риска и приему лекарственных препаратов в послеоперационном периоде КШ. И наоборот, пациенты, которые оценили параметры врача ближе к технической коммуникативной модели, т.е. слабо выраженные «открытость», «гибкость» и «заинтересованность» в общении, были наименее привержены к рекомендуемой терапии. Группа коллегиальной коммуникативной модели, т.е. при высоко выраженных «доброжелательности» и «гибкости», но при этом с низкой «заинтересованностью» и «активностью», занимала промежуточное значение по контролю модифицируемых кардиоваскулярных факторов риска и приему лекарственных препаратов.

Заключение

От того, как выстроятся межличностные отношения врача и пациента, будет в значительной мере зависеть приверженность лечению. В процессе решения возникающих проблем между врачом и пациентом формируется определенная связь, которая представляет собой системно организованную коммуникативную модель. От характера этой модели значительно зависит эффективность процесса, а соответственно, и результат лечения.

Наиболее значимыми факторами, формирующими положительное отношение пациента к лечащему врачу и в дальнейшем оказывающими влияние на приверженность к лечению, являются «доброжелательность», «открытость», «поощрение инициативы пациента», «активность» и «гибкость», которые подходят под определение патерналистской коммуникативной модели.

Таким образом, выбор коммуникативной модели должен учитываться при осуществлении медицинской деятельности для повышения приверженности к лечению.

Литература

1. Строкова Е.В., Наумова Е.А., Шварц Ю.Г. Ожидание от общения с лечащим врачом пациенток кардиологического профиля на стационарном и амбулаторном этапах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. № 11. С. 96.
2. Ледванова Т.Ю., Лим В.Г., Свистунов А.А., Витренко М.Ю., Коломейчук А.В. Коммуникативная компетентность врача как часть компетентностной модели подготовки специалиста // Менеджмент качества и инновации в образовании: региональный аспект : в 2 т. М. : Изд-во РГТЭУ, 2010. Т. 2. 376 с.
3. Ледванова Т.Ю., Коломейчук А.В. Формирование коммуникативной компетентности врача // БМИК. 2015. № 2. С. 115–121.
4. Солодухин А.В., Серый А.В., Яницкий М.С., Трубникова О.А. Возможности методов когнитивно-поведенческой психотерапии в изменении внутренней картины болезни

- у пациентов с ишемической болезнью сердца // *Фундаментальная и клиническая медицина*. 2017. № 1. С. 84–90.
5. Karademas E.C., Tsalikou C., Tallarou M.C. The impact of emotion regulation and illness-focused coping strategies on the relation of illness-related negative emotions to subjective health // *Journal of Health Psychology*. 2011. Vol. 16, is. 3. P. 510–519.
 6. Изуткин Д.А. Этика взаимодействия врача и пациента в различных моделях их отношений // *Медицинский альманах* 2012. № 5 (24). С. 214–216.
 7. Сурмач М.Ю., Тищенко Е.М. Коммуникационный процесс врач-пациент в современном здравоохранении // *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*. 2007. № 1 (17). С. 198–201.
 8. Строкова Е.В., Наумова Е.А., Шварц Ю.Г. Влияние внутренней картины болезни, копинг-стратегий и самоотношения пациенток, перенесших инфаркт миокарда, на регулярность и приверженность к длительной терапии ишемической болезни сердца // *Современные исследования социальных проблем*. 2012. № 1. С. 1169–1190.
 9. Мартынов А.А., Спиридонова Е.В., Бутарева М.М. Повышение приверженности пациентов стационаров и амбулаторно-поликлинических подразделений к лечебно-реабилитационным программам и факторы, оказывающие влияние на комплаентность // *Вестник дерматологии и венерологии*. 2012. № 1. С. 21–27.
 10. Сирота Н.А., Ялгонский В.М., Московченко Д.В. Роль эффективных коммуникаций врача и пациента как фактор успешного психологического преодоления болезни // *Ремедиум : журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике*. 2014. № 10. С. 6–8.
 11. Bardes C.L. Defining «Patient-Centered Medicine» // *N. Engl. J. Med*. 2012. Vol. 366. P. 782–783.
 12. Carter S. Taylor D., Levenson R. A question of choice – compliance in medicine taking, a preliminary review. London : University of London School of pharmacy, 2001. URL: www.medicinespartnership.org.
 13. Помешкина С.А., Боровик И.В., Крупянко Е.В., Завырылина И.Н., Барбараш О.Л. Приверженность к немедикаментозной терапии больных ишемической болезнью сердца, подвергшихся коронарному шунтированию // *Атеросклероз*. 2013. Т. 9, № 1. С. 29–35.
 14. Помешкина, С.А., Кондрикова Н.В., Барбараш О.Л. Оценка трудоспособности пациентов, подвергшихся коронарному шунтированию // *Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний*. 2014. № 1. С. 26–30. DOI:10.17802/2306-1278-2014-1-26-30.

Поступила в редакцию 15.08.2017 г.; принята 27.09.2017 г.

Сведения об авторах:

ПОМЕШКИНА Светлана Александровна, доктор медицинских наук, заведующая лабораторией реабилитации Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: swetlana.sap2@mail.ru

СОЛОДУХИН Антон Витальевич, лаборант-исследователь лаборатории нейрососудистой патологии Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия); аспирант социально-психологического института Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: mein11@mail.ru

БЕЗЗУБОВА Валентина Анатольевна, аспирант Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: perehodenkov@gmail.com

ЯНИЦКИЙ Михаил Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, директор социально-психологического института, заведующий кафедрой социальной психологии

и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: dekanspf@kemsu.ru

СЕРЫЙ Андрей Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: avgrey@yahoo.com

БАРБАРАШ Ольга Леонидовна, доктор медицинских наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (Кемерово, Россия). E-mail: olb61@mail.ru

INTERRELATION OF THE COMMUNICATIVE MODEL OF THE ATTENDING PHYSICIAN WITH ADHERENCE TO THERAPY OF PATIENTS UNDERGOING CORONARY BYPASS SURGERY

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 52–65. DOI: 10.17223/17267080/66/4

Pomeshkina Svetlana A. Federal State Budgetary Scientific Institution Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swetlana.sap2@mail.ru

Soloduhin Anton V. Federal State Budgetary Scientific Institution Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases; Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mein11@mail.ru

Bezzubova Valentina A. Federal State Budgetary Scientific Institution Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: perehodenkov@gmail.com

Yanitskiy Mihail S., Seryj Andrey V., Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dekanspf@kemsu.ru; avgrey@yahoo.com

Barbarash Olga L. Federal State Budgetary Scientific Institution Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: olb61@mail.ru

Keywords: communicative model; communication between doctor and patient; adherence to treatment; coronary heart disease; coronary artery bypass graft; compliance; postoperative rehabilitation; cardio-vascular factors.

The purpose of this work was to assess the relationship of the communicative models of attending physicians with the commitment to the prescribed treatment of patients undergoing coronary artery bypass grafting (CABG). The study included 366 patients, men, aged 41 to 77 years (mean age 59.9 ± 6.9) with a stable form of ischemic heart disease. We considered communicative competence of the doctor in the form of 3 models: technical, paternalistic and collegial. The technical communicative model was characterized by low rates of openness, flexibility and interest of the doctor in communicating with the patient. Expressive kindness, interest, initiative encouragement, openness, activity, flexibility and differentiation of the doctor in communicating with the patient were characteristic of the paternalistic communicative model. The collegial model included high rates of openness, flexibility and encouragement of the initiative, but with a weakly expressed interest and activity of the attending physician.

According to the present study, it turned out that only in a group of patients with a paternalistic model of communication with the attending physician of the stationary stage of postoperative rehabilitation the number of smokers was significantly reduced. Six months after CABG, the index of body mass index in a group with a collegiate and paternalistic model of communicating with a doctor was significantly lower in comparison with a group with a technical model. Levels of low-density lipoprotein and total cholesterol after CABG were significantly lower in the group with the collegial model in comparison with the group of paternalistic communication model of the relationship between the doctor and the patient. In addition,

in a group with a paternalistic model, a larger number of patients took 3-4-component treatment in comparison with the technical and collegial communicative model of relationships. In analyzing the relationship between adherence to treatment and the parameters of communicative models, negative associations between body mass index and such parameters as "benevolence", "initiative promotion", "activity" and "flexibility", between the levels of total cholesterol, low density lipoproteins were found.

Thus, the higher the patient assessed the communicative parameters of the physician "benevolence", "initiative promotion", "openness", "activity" and "flexibility", which fits the definition of the paternalistic model, the higher its commitment to follow the recommendations for monitoring cardiovascular, vascular risk factors and taking medications in the post-operative period of CABG. Conversely, patients who evaluated the doctor's parameters are closer to the technical communicative model, i.e. poorly expressed "openness", "flexibility" and "interest" in communication, and were the least committed to the recommended therapy. Group of the collegiate communicative model, i.e. with highly expressed "benevolence" and "flexibility", but with a low "interest" and "activity", took an intermediate role in controlling modifiable cardio-vascular risk factors and taking medications.

References

1. Strokova, E.V., Naumova, E.A. & Shvarts, Yu.G. (2011) Ozhidanie ot obshcheniya s lechashchim vrachom patsientok kardiologicheskogo profilya na statsionarnom i ambulatornom etapakh [Expectation from communication with the attending physician of cardiac patients at the inpatient and outpatient stages]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 11. pp. 96.
2. Ledvanova, T.Yu., Lim, V.G., Svistunov, A.A., Vitrenko, M.Yu. & Kolomeychuk, A.V. (2010) Kommunikativnaya kompetentnost' vracha kak chast' kompetitnostnoy modeli podgotovki spetsialista [Communicative competence of the doctor as part of the competence model of specialist training]. In: Baburina, S.N. & Kleshchevskogo, Yu.N. (ed.) *Menedzhment kachestva i innovatsii v obrazovanii: regional'nyy aspekt: v 2 t.* [Quality management and innovation in education: a regional aspect: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow Russian State University of Trade and Economics.
3. Ledvanova, T.Yu. & Kolomeychuk, A.V. (2015) Formirovanie kommunikativnoy kompetentnosti vracha [Formation of the doctor's communicative competence]. *BMIK*. 2. pp. 115–121.
4. Solodukhin, A.V., Seryy, A.V., Yanitskiy, M.S. & Trubnikova, O.A. (2017) Cognitive behavioural therapy: an option for changing internal picture of disease in patients with coronary artery disease. *Fundamental'naya i klinicheskaya meditsina – Fundamental and Clinical Medicine*. 1. pp. 84–90. (In Russian).
5. Karademas, E.C., Tsalikou, C. & Tallarou, M.C. (2011) The impact of emotion regulation and illness-focused coping strategies on the relation of illness-related negative emotions to subjective health. *Journal of Health Psychology*. 16(3). pp. 510–519. DOI: 10.1177/1359105310392093
6. Izutkin, D.A. (2012) The doctor-patient cooperation ethics in different models of their relations. *Meditsinskiy al'manakh – Medical Almanac*. 5(24). pp. 214–216. (In Russian).
7. Surmach, M.Yu. & Tishchenko, E.M. (2007) Kommunikatsionnyy protsess vrach-patsient v sovremenom zdravookhraneni [The doctor-patient communication process in modern public health]. *Zhurnal Grodnenskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta – Journal of the Grodno State Medical University*. 1(17). pp. 198–201.
8. Strokova, E.V., Naumova, E.A. & Shvarts, Yu.G. (2012) Vliyaniye vnutrenney kartiny bolezni, koping-strategiy i samootnosheniya patsientok, perenessikh infarkt miokarda, na

- regulyarnost' i priverzhennost' k dlitel'noy terapii ishemicheskoy bolezni serdtsa [Influence of the internal picture of the disease, coping strategies and self-attitude of patients who underwent myocardial infarction on the regularity and adherence to prolonged therapy of coronary heart disease]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Research of Social Problems*. 1. pp. 1169–1190.
9. Martynov, A.A., Spiridonova, E.V. & Butareva, M.M. (2012) Povyshenie priverzhennosti patsientov statsionarov i ambulatorno-poliklinicheskikh podrazdeleniy k lechebno-reabilitatsionnym programmam i faktory, okazyvayushchie vliyanie na komplaentnost' [Increased adherence of patients in hospitals and outpatient departments to treatment and rehabilitation programs and factors that affect compliance]. *Vestnik dermatologii i venerologii*. 1. pp. 21–27.
 10. Sirota, N.A., Yaltonskiy, V.M. & Moskovchenko, D.V. (2014) Rol' effektivnykh kommunikatsiy vracha i patsienta kak faktor uspehnogo psikhologicheskogo preodoleniya bolezni [The role of effective communications between the doctor and the patient as a factor of successful psychological overcoming of the disease]. *Remedium: zhurnal o rossiyskom rynke lekarstv i meditsinskoj tekhnike*. 10. pp. 6–8.
 11. Bardes, C.L. (2012) Defining “Patient-Centered Medicine”. *New England Journal of Medicine*. 366. pp. 782–783.
 12. Carter, S. Taylor, D. & Levenson, R. (2001) *A question of choice – compliance in medicine taking, a preliminary review*. London: University of London School of pharmacy. [Online] Available from: www.medicinespartnership.org.
 13. Pomeschkina, S.A., Borovik, I.V., Krupyanko, E.V., Zavyrylina, I.N. & Barbarash, O.L. (2013) Compliance to non-drug therapy in patients with coronary artery disease underwent coronary artery bypass grafting. *Ateroskleroz*. 9(1). pp. 29–35.
 14. Pomeschkina, S.A., Kondrikova, N.V. & Barbarash, O.L. (2014) Labour ability assessment of patients undergone coronary artery bypass grafting. *Kompleksnye problemy serdechno-sosudistykh zabolovaniy – Complex Issues of Cardiovascular Diseases*. 1. pp. 26–30. (In Russian). DOI: 10.17802/2306-1278-2014-1-26-30

Received 15.08.2017;

Accepted 27.09.2017

О.В. Волкова

Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России (Красноярск, Россия)

Уровень развития воли подростка как условие, определяющее степень выраженности выученной беспомощности взрослого

Описаны результаты исследования, являющегося частью комплексного изучения условий, способствующих формированию состояния выученной беспомощности в процессе онтогенетического развития. Ключевой целью исследования было обозначено выявление содержания мотивационной составляющей к получению второго высшего образования в форме вечернего обучения при наличии диплома о первом высшем профессиональном образовании, семьи, детей. Основными результатами исследования стали данные о том, что базовая мотивация получения второго высшего образования в таких условиях в своем содержании имеет маскированный механизм психологической защиты – эскапизм (избегание), доминирующий в системе взаимоотношений с ближайшим социальным окружением.

Ключевые слова: *выученная беспомощность; комплексная технология исследования; онтогенез; подростки; воля; мотивация; избегание; детско-родительские отношения.*

Постановка проблемы и актуальность исследования

Реалии современного мира способствуют тому, что проблема выученной беспомощности и факторов, благоприятствующих ее развитию в структуре личности, остается в числе актуальных. Все больше представителей современной молодежи и юношества могут быть охарактеризованы невысоким уровнем мотивации, отсутствием интереса к жизни, общим низким уровнем познавательной и жизненной активности, отсутствием интереса к жизни как процессу. Об это свидетельствует анализ основных тем, обсуждаемых в социальных сетях, на форумах, которые являются основной площадкой коммуникации в современном мире. Опасность такого положения вещей заключается в потенциальной возможности потери целого поколения людей как активных строителей будущего, личностей, способных взять ответственность за собственную жизнь, вносить в нее позитивные изменения, способствующие устойчивому психологическому и физическому благополучию как составляющим психологического здоровья человека.

Подобное положение поддерживается, в том числе, противоречием, которое на протяжении последних лет носит устойчивый характер: с одной стороны, стремительно развивающееся техногенное общество объявляет

одной из гарантий успешности и благополучия человека требование к его свободе, автономности, индивидуальности, уникальности и творчеству, способности созидать и видеть мир по-особому; с другой стороны, то же самое общество латентно движимо и другой своей извечной потребностью в человеке «удобном», несвободном, не изменяющем мир кардинально, предсказуемом. Термин «общество» в данном контексте употребляется не только в его глобальном значении, но и для обозначения любого объединения людей, будь то семья, трудовой или учебный коллектив, сообщество по интересам и т.д.

Институт семьи также может быть охарактеризован наличием описанного противоречия. С одной стороны, родители мечтают видеть своих детей покорителями мира, с другой – послушными чадами, вписывающимися в режим и законы семьи своих родителей. В условиях данного противоречия важным видится эквивалентность таких феноменов, как «свобода» = «самостоятельность», «покорность» = «беспомощность».

Говоря о феномене выученной беспомощности, важно внимательно всмотреться в его структуру и выявить те элементы, которые на разных этапах взросления человека могут быть «мишенями», попадая в которые токсичная система детско-родительских отношений способствует появлению беспомощной взрослой личности.

Выученная беспомощность – это состояние, возникающее в результате длительного по времени, неоднократно повторяющегося (реверсивного) воздействия (как позитивного, так и негативного), избегание которого является невозможным. Стресс, неудачи, низкая самооценка, основанная на оценке извне, и, как следствие, низкий уровень притязаний входят в число факторов, способствующих формированию выученной беспомощности. В качестве специфических характеристик выученной беспомощности описаны такие внешние ее проявления, как торможение поведения, ослабленная мотивация, нарушение познавательной активности и ее продуктивности, детерминация к появлению и укреплению психосоматических расстройств. Ряд исследований подтверждает, что пусковым механизмом формирования выученной беспомощности является негативный опыт осознания неподконтрольности событий в детстве и подростковом возрасте. В русле данной части исследования особый интерес для нас представляет подростковый период [1, 2].

Для подросткового возраста характерно господство детского сообщества над взрослым. Здесь складывается новая социальная ситуация развития: подросток–ровесник. Идеальная форма, т.е. то, что ребенок осваивает в этом возрасте, с чем он реально взаимодействует, – это область моральных норм, на основе которых строятся социальные взаимоотношения. В исследованиях выделен и описан своеобразный морально-этический кодекс, присущий этому возрасту. Он включает в себя уважение к личности, равенство в отношениях, помощь во всем, верность дружбе. Все эти нормы соответствуют чувству взрослости, возникающему у подростков [3, 4].

Общение со сверстниками – ведущий вид деятельности в этом возрасте. Именно так осваиваются нормы социального поведения, морали,

устанавливаются отношения равенства и уважения друг к другу. Если подросток в школе не может найти системы удовлетворяющего его общения, он часто «уходит» из школы, разумеется, чаще психологически, хотя не так уж редко и буквально [5].

Каждый этап онтогенетического развития человека имеет свою особую значимость, функцию и ценность. В случае если эти значимость, функция и ценность не были реализованы, были блокированы, последующие этапы развития личность проходит, не будучи оснащенной новыми способами освоения реальности жизни, без осознания себя и собственного потенциала, без свободы в процессе самоосуществления и самореализации, без представлений о возможных путях самоактуализации. В этом смысле подростковый период имеет особую значимость. Если до него ребенок рос и развивался в большей степени в количественном (условно) отношении, то спецификой становления личности подростка является именно качественное изменение биологической, психологической и социальной составляющих человека. Это период бурных качественных изменений гормонального фона организма, значительной реструктуризации в глубоких структурах головного мозга, освоения новых социальных контактов, поиска ответа на вопросы «Кто я?», «Каким могу быть?».

Традиционно в психолого-педагогических исследованиях подростковый возраст принято считать проблемным. Однако, опираясь на современные исследования, положения новой позитивной психологии, культурно-историческую концепцию и трансспективный анализ, подростковый возраст может быть обозначен как ключевой этап жизни человека, определяющий последующие способы взаимодействия с миром и осуществления себя как личности.

Сепарация – основная задача подросткового периода. До этого возраста ребенок впитывает традиции семьи: мораль, закон, порядок, характер отношений друг к другу и миру за пределами семьи, методы обеспечения жизни и способы ее поддержания, характер коммуникации, привычки и прочее. Став подростком, ребенок, по сути, должен в достаточной мере взять из семьи родителей то, что семья может дать. Соответственно, семья перестает быть основным источником жизни в физическом, социальном и информационном смыслах. Она должна быть понятна и одновременно «тесна» подростку. Выход в мир, в среду ровесников, представителей того же поколения – это естественный этап расширения возможностей познания себя. Уже не семья родителей, а мир вокруг и ровесники являются источниками информации, способов, условиями познания себя. Достижение этих новых способов и условий возможно лишь в случае осуществления процесса сепарации.

Говоря о сепарации, важно вновь вернуться к антиподу беспомощности – самостоятельности. Самостоятельность возможна в ситуации свободы и воли: свободы выбора, свободы мнения, свободы решения, свободы воли. В противном случае (без свободы выбора, свободы мнения, свободы решения, свободы воли) человек больше склонен к полюсу «беспомощность» на шкале «беспомощность–самостоятельность».

Процессу естественной сепарации подростка в значительной мере способствуют оптимальные детско-родительские отношения.

Большое количество психологических исследований свидетельствует в пользу высокой значимости в процессе становления личности человека детско-родительских отношений, в частности стилей материнского и отцовского отношения, материнской депривации и ее последствий для ребенка и подростка, влияния на ребенка взаимоотношений супругов, взаимосвязи личностных черт родителей и детей, социально-психолого-педагогической характеристики семьи и влияния традиций и обычаев семьи на характер взаимодействия родителей и детей [6–10].

Общий анализ современных исследований подтверждает существование целой системы взаимосвязанностей и динамики взаимодействия родителей и ребенка, находящейся в тесной связи с контекстом конкретной жизненной ситуации. Отношение родителей к детям постоянно меняется под влиянием тех или иных доминирующих факторов, приобретая черты то одного, то другого стиля родительского отношения.

В число факторов, оказывающих каталитическое воздействие на характер детско-родительских отношений, входит соматический статус ребенка. Клинические, клинико-психологические и педагогические исследования указывают на то, что соматическая болезнь является кризисной ситуацией для ребенка и его семьи. С появлением у ребенка соматической симптоматики начинается процесс взаимодействия семьи с этой проблемой, т.е. соматическое заболевание непосредственно влияет на развитие детско-родительских отношений. В ситуации болезни ребенок в значительной степени является зависимым от помощи взрослого, жизнь его носит ограничительный характер, тенденции к проявлению беспомощности, в том числе поддерживаемой отношением родителей к соматическому статусу ребенка и подростка, усиливаются [11–13].

Методологические основания исследования

Мартин Селигман – основатель позитивной психологии и теории выученной беспомощности – полагает, что оптимистичный или пессимистичный атрибутивный стиль восприятия реальности напрямую связан с восприятием родительских стилей, демонстрируемых ими в поведенческих моделях. Он подчеркивает, что атрибутивный стиль формируется под воздействием таких факторов, как критика, неприятие, ограничение свободы и воли со стороны родителей, учителей, а также других представителей взрослого окружения. Ситуация кризиса возраста (а подростковый период является таковым), психотравмирующие события, к которым относят смерть близких родственников, развод родителей, случаи насилия в семье, болезнь кого-либо из членов семьи или самого ребенка, способствуют формированию беспомощности. Случаи регулярного негативного опыта укрепляют пессимистический атрибутивный стиль восприятия жизни посредством явления генерализации. Опыт, получаемый ребенком в системе семейных отношений, впоследствии распространяется и на взаимоотношения с миром за пределами семьи [1, 2, 14, 15].

Близкие по содержанию идеи содержатся в концепции культурно-исторического развития, разработанной Л.С. Выготским. В данном исследовании наибольшую значимость имеет идея Л.С. Выготского о процессе интериоризации и роли взрослого как основания для особого самоотношения и самовосприятия ребенка.

Процесс интериоризации Л.С. Выготский описывал как трансформацию интерпсихических процессов в процессы интрапсихические. Прежде всего, в процессе развития личности ребенка именно взрослый представитель ближайшего социального окружения оказывает влияние на ребенка и его понимание себя и мира вокруг посредством слова как знака, инициирует действие и деятельность ребенка, влияя на его активность и инициативность. Впоследствии, присвоившись, интериоризировавшись, эти знаки становятся способами восприятия мира и себя уже в структуре личности ребенка. Так, с детства наблюдая отношение к себе как к беспомощному и неумелому, ребенок укрепляется в аналогичном самоотношении, воспринимая его как нечто объективное и естественное [16].

В разработке технологии комплексного исследования развития выученной беспомощности в процессе жизни человека одним из значимых средств выступает транспективный анализ, осуществляемый через анализ продуктов деятельности людей и открывающий исследователю пространство для реконструкции образа мира и образа жизни людей в исторической транспективе. Человек существует непрерывно во времени, поэтому и исследование личности и ее феноменов допустимо с учетом целостности человека. Изучение отдельно взятого явления в структуре личности в режиме только лишь настоящего момента времени не даст понимания о ключевых механизмах формирования исследуемого объекта. Прошлое и будущее объединены в момент настоящего времени, определяют его содержание, а значит, их исследование может предоставить доступ к его пониманию и коррекции посредством контекст-анализа [17–19].

Исследуя историю становления выученной беспомощности взрослого человека, решая одновременно диагностические и коррекционные задачи, важно опираться на субъективное восприятие событий собственной прошлой, настоящей и будущей жизни. Применение в диагностике факторов, детерминировавших становление выученной беспомощности, основных принципов транспективного анализа позволяет получить полноценную картину ситуации жизни участников исследования и огромный пласт материала для индивидуальной коррекционной работы [20–22].

Таким образом, разрабатывая технологию, позволяющую исследовать механизмы формирования выученной беспомощности в онтогенезе, мы учитывали структуру выученной беспомощности, компонентами которой являются мотивационная, эмоциональная, волевая и когнитивная составляющие [23–26].

Кроме того, технология разработана с учетом фактора социальных взаимоотношений, а именно качественного содержания семейных и детско-родительских взаимоотношений на каждом этапе взросления. В част-

ности, особую значимость имеют поведенческие паттерны, способы их поддержания, сочетание с особой психологической обстановкой в семье.

Как было обозначено выше, соматическое здоровье является фактором, способствующим акцентированию проблемных сторон взаимоотношений в семье, усиливая как сильные, так и слабые стороны семейного социума. Соответственно, фактор здоровья был учтен в процессе разработки диагностического инструмента.

Технология комплексного анализа развития выученной беспомощности была разработана с учетом принципов транспективного анализа В.Е. Ключко [27, 28].

Разрабатываемые культурно-историческая концепция генеза выученной беспомощности и комплексная модель исследования условий формирования выученной беспомощности, позволяющая применить транспективный анализ, в данной части исследования были применены на выборке, состоящей из взрослых людей, получающих второе высшее образование в возрасте от 27 до 50 лет.

В качестве основного предположения данного исследования выступила гипотеза о том, что низкий уровень развития воли, спровоцированный неадаптивными формами детско-родительских отношений в период подросткового возраста, способствует развитию выученной беспомощности взрослого человека.

Основной целью диагностики было обозначено выявление степени и содержания мотивационной составляющей к получению второго высшего образования в форме вечернего обучения (минимум три раза в неделю в антисоциальные часы) при наличии диплома о первом высшем профессиональном образовании, трудоустройства, семьи (официальный брак, гражданский брак), детей (минимум 1 ребенок в семье).

Методы и материалы исследования

В соответствии со структурой выученной беспомощности для выявления уровня развития и качественных характеристик мотивационной, волевой, эмоциональной и когнитивной составляющих выученной беспомощности на первом этапе 42 участника исследования прошли диагностику с применением следующих методик:

– мотивация – «Мотивация к успеху, к избеганию неудач и степень риска» (Т. Элсер);

– воля – «Исследование локуса контроля Дж. Роттера», тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А.В. Зверьков и Е.В. Эйдман), «Уровень субъективного контроля» (УСК);

– эмоции – «Определение общей эмоциональной направленности» (Б.И. Додонов), «Шкала тревоги Спилбергера–Ханина», «Самочувствие, активность, настроение» (САН);

– когнитивная сфера – «Методика определения типа мышления и уровня креативности» (по Дж. Брунеру (Jerome Bruner)), опросник «Цель–

Средство–Результат» (А.А. Карманов), «Методика исследования самоотношения МИС» (Р.С. Пантелеев).

Диагностика проходила в онлайн режиме с использованием ресурсов сайта psytests.org: психологические тесты онлайн [29].

Результаты исследования

Результаты диагностики обобщены в сводную таблицу данных, на основании которой была сформирована выборка для следующего этапа исследования.

Таблица 1
Результаты исследования признаков выученной беспомощности у студентов очно-заочной формы обучения

Параметры	Высокий уровень, %	Средний уровень, %	Низкий уровень, %
Мотивация	31	48	21
Воля	15	46	39
Эмоции*	12	37	51
Когнитивная сфера	32	68	–

* В процессе распределения процентного соотношения уровня развития каждого из показателей в отношении параметра «эмоции» было условно принято преобладание позитивных эмоций и оптимистичного отношения к жизни за высокий уровень, преобладание негативных эмоций и пессимизма – за низкий.

В дальнейшем из числа участников исследования была условно сформирована группа в соответствии со следующим принципом: минимум три параметра (структурные элементы выученной беспомощности) находятся в диапазоне средний–низкий уровень. Группу составили 29 человек.

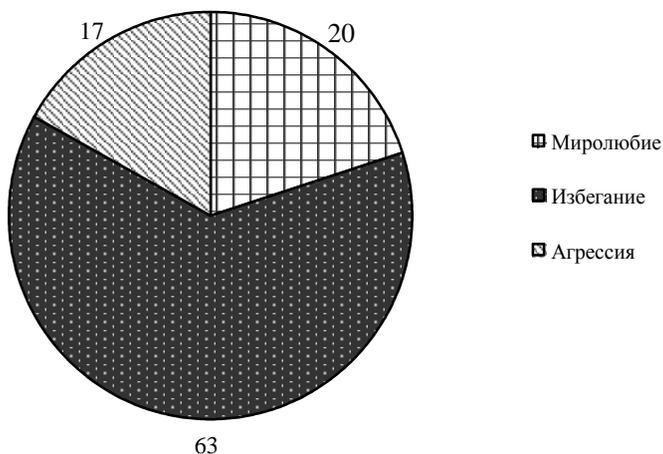

Рис. 1. Соотношение доминирующих стратегий психологической защиты в общении (по В.В. Бойко) в группе студентов очно-заочной формы обучения, имеющих выраженные признаки выученной беспомощности

С целью выявления преобладающей стратегии психологической защиты была применена «Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении» В.В. Бойко, результаты применения которой отражены в процентных долях на рис. 1.

Из рис. 1 видно, что преобладающей стратегией построения взаимоотношений с окружающим миром, организации стиля общения является стратегия «избегания».

Описание технологии исследования. С целью прояснения условий, детерминировавших формирование выученной беспомощности, и оснований для использования в жизни стратегии психологической защиты «избегание» участникам исследования было предложено открытое анкетирование с применением «Технологии комплексного анализа развития выученной беспомощности».

Применение «Технологии комплексного анализа развития выученной беспомощности» было организовано в форме открытого анкетирования и последующего качественного анализа полученного материала [30, 31].

Содержание технологии представлено в табл. 2. Инструкция для участников исследования сформулирована следующим образом: «В ходе заполнения анкеты необходимо кратко описать и оценить степень и характер выраженности перечисленных в таблице показателей в форме открытого ответа. Соотнесите, пожалуйста, каждый из возрастных этапов с состоянием собственного соматического здоровья / нездоровья. Прокомментируйте, какие факторы Вашей жизни могли оказать влияние на те или иные показатели. В последней части анкеты, касающейся периода Вашей будущей жизни, просьба попытаться спрогнозировать содержание и характеристики вышеуказанных параметров, представив, какими они будут в Вашем будущем, с указанием временного периода (через день, неделю, месяц, несколько месяцев, год, годы). Ответьте на вопрос “Каким я буду?”, укажите “Когда?”. Выбор временного промежутка на Ваше усмотрение».

Таблица 2

Содержание «Технологии комплексного анализа развития выученной беспомощности»

	Старший дошкольный возраст (5–7 лет)	Младший школьный возраст (7–11 лет)	Подростковый возраст (12–16 лет)	Юношество (16–19 лет)	Актуальное состояние на момент обследования	«Я буду... через ___»
Объективный соматический статус (как часто и чем болели)						
Субъективное восприятие соматического статуса (насколько здоровым себя ощущали)						

Окончание табл. 2

	Старший дошкольный возраст (5–7 лет)	Младший школьный возраст (7–11 лет)	Подростковый возраст (12–16 лет)	Юношество (16–19 лет)	Актуальное состояние на момент обследования	«Я буду... через ___»
Наиболее характерные эмоциональные переживания, соответствующие возрастному этапу						
Субъективная оценка мотивационной сферы (хотелось быть активным, хотелось чем-либо заниматься, был интерес к жизни)						
Субъективная оценка воли на данном возрастном этапе (могли ли преодолевать препятствия усилием воли, терпением, добивались ли желаемого)						
Субъективная оценка локуса контроля (кто управлял вашей жизнью и принимал решения: вы или окружающие)						
Субъективная оценка когнитивной сферы на данном возрастном этапе (были умным, способным)						
Детско-родительские отношения на данном возрастном этапе						
Взаимоотношения с социумом на данном возрастном этапе						
Комментарии						

Заполнение анкеты предполагает ответы в открытой форме, которые затем были подвергаются процедурам качественного и рефлексивного анализа.

Обсуждение результатов

Данные, полученные в процессе анализа анкет, свидетельствуют, что 90% участников исследования, продемонстрировавшие яркие признаки выученной беспомощности, а также использующие «избегание» в качестве основной стратегии в общении, рефлексивно отметили выраженную дефицитарность волевой сферы в период подросткового возраста, комбинируемую со специфической позицией родителей в системе семейного воспитания. В качестве иллюстрации приведем примеры открытых ответов: «Родители все решали за меня. Хотя у одноклассников было больше свободы...»; «Уже ничего не хотелось, все бросила, потому что родители все контролировали»; «С родителями в этом возрасте были отношения не очень, потому что я вообще ничего не решал в своей жизни». Описывая состояние волевой сферы в период актуального возраста, участники давали следующий отклик: «Теперь я решаю сама»; «Сейчас получаю то образование, которое интересно»; «Я мало что решаю в семье, но получение второго высшего образования дает возможность отвлечься»; «Может я и буду работать по специальности, но здесь полезно проводить время».

Подавляющее большинство ярких, эмоциональных откликов подобного содержания в разделе анкеты, посвященной подростковому возрасту, описанию состояния волевой и мотивационной сферы в этот период онтогенетического развития и в момент актуального времени, позволяют сделать следующие выводы.

Формирование выученной беспомощности взрослого человека во многом детерминировано сниженным уровнем волевого развития личности в период подросткового возраста, дефицитом самостоятельности, спровоцированными специфическим типом семейного воспитания и детско-родительских отношений, в которых преобладает контроль, ограничение свободы воли, гиперопека и, как следствие, невозможность проживания естественного процесса сепарации от семьи родителей.

Базовая мотивация получения второго высшего образования в таких условиях в своем содержании имеет маскированный механизм психологической защиты – эскапизм (избегание), доминирующий в системе взаимоотношений с миром. Проявлять способность к сепарации, выражающуюся в таких признаках, как свобода, воля, автономность во взаимодействии с ближайшим социальным окружением, способность брать ответственность за собственную жизнь, в силу выученной беспомощности становится неразрешимой задачей.

Заключение

Подводя итог, важно отметить следующее. Если в подростковый период в достаточной степени не сформировалась воля, не произошел процесс полноценного отделения подростка от семьи родителей, то во взрослом возрасте проблемы с активностью и управлением своей жизнью, возможностью взять ответственность, быть активным, успешным,

полноценным, самостоятельным человеком неизбежны. Именно в подростковый период волевые действия, качества, проявления становятся особо значимыми.

Патологические стили родительского отношения и пробелы в системе воспитания и образования лишают подростка активности, мотивируя это необходимостью уберечь ребенка от трудностей и ошибок. На самом деле высокая родительская тревога в сочетании с невротизацией, неготовностью разделять трудности вхождения во взрослую жизнь в период подросткового возраста – основа развития беспомощности, тотальной, осознанной, связывающей по рукам и ногам юношу, молодого человека, а затем зрелого, который впоследствии склонен в большей степени выбирать избегание как защиту от жизни и беспомощность как защиту от самоактуализации.

Внедрение представленной «Технологии комплексного анализа развития выученной беспомощности» позволит осуществить глубокий анализ не столько фактов биографии, повлиявших тем или иным образом на процесс генерализации беспомощности человека в ходе становления личности, сколько, что более значимо в русле современной позитивной психологии, выделить и обозначить для дальнейшей работы субъективно значимые факторы и механизмы, являющиеся ключевыми для самой личности, следовательно, дающими фактом своего раскрытия более ясные перспективы к ассимиляции нового опыта в контексте психологического консультирования и немедикаментозной терапии, направленной на поддержание процесса самоактуализации, развития личности, укрепления психологического благополучия и, как следствие, открытие новых жизненных ресурсов и потенциалов личности. Само по себе психологическое благополучие, как состояние осознанное, априори не может сопровождаться ощущением беспомощности, напротив, оно является ресурсным состоянием, базовым в процессе самоактуализации личности.

Результаты исследования позволяют обозначить важность разработки специальной программы по просвещению и поддержке родителей, испытывающих трудности в сопровождении естественного процесса развития и становления личности ребенка и подростка, а также коррекционной, терапевтической программы по снижению выученной беспомощности детей и подростков через вливание их в реальную активную жизнь, в которой они будут иметь шанс попробовать свои силы, укрепиться в уверенности в себе, научатся опираться на самого себя, овладеют разнообразными способами самоподдержки в трудных жизненных ситуациях, а также способами формулирования и достижения как небольших задач, так и глобальных целей в жизни.

Литература

1. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006. 368 с.
2. Seligman M.E.P. What You Can Change & What You Can't. New York : Knopf, 1993. 359 p.
3. Психологическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / под ред. И.В. Дубровиной. Екатеринбург, 2000. 176 с.

4. Kokova E.I., Kopylov Yu.A., Kudryavcev M.D., Volkova O.V., Kuz'min V.A. Formation of psychoemotional stability among students of higher educational institutions // *Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential : Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk, 2017. P. 248–258.
5. Смирнова Е.О., Холмогорова В.М. Соотношение непосредственных и опосредствованных побудителей нравственного поведения детей // *Вопросы психологии*. 2001. № 1. С. 26–37.
6. Столин В.В. Семья как объект психологической диагностики // *Семья и формирование личности*. М. : Моск. гос. ун-т, 1981. С. 26–38.
7. Варга А.Я. Роль родительского отношения в стабилизации детской невротической реакции // *Вестник Московского университета. Сер. Психология*. 1985. № 4. С. 32–37.
8. Волкова О.В. Интегративный подход к изучению выученной беспомощности детей // *Сибирский психологический журнал*. 2014. № 54. С. 126–145.
9. Волкова О.В. Методологические принципы медико-психолого-педагогической коррекции выученной беспомощности детей с ослабленным здоровьем // *Психология обучения*. 2015. № 7. С. 121–132.
10. Filippello P., Sorrenti L., Buzzai C., Costa S. Perceived parental psychological control and learned helplessness: the role of school self-efficacy // *School Mental Health*. 2015. Vol. 7 (4). P. 298–310. DOI: 10.1007/s12310-015-9151-2.
11. Волкова О.В. Теоретико-методологический анализ исследований выученной беспомощности: актуальность психосоматического подхода // *Сибирское медицинское обозрение*. 2013. С. № 4. С. 39–43. URL: http://smr.krasgmu.ru/journal/1395_43-47.pdf
12. Анохин П.К. Системогенез как общая закономерность эволюционного процесса // *Бюллетень экспериментальной биологии и медицины*. 1948. Т. 26, № 8. С. 81–99.
13. Taylor J.J., Neitzke D.J., Khouri G., Borckardt J.J., Acierno R., Tuerk P.W., George M.S. A pilot study to investigate the induction and manipulation of learned helplessness in healthy adults // *Psychiatry Research*. 2014. Vol. 219 (3). P. 631–637. DOI: 10.1016/j.psychres.2014.05.045.
14. Maier S.F., Seligman M.E.P. Learned helplessness at fifty: Insights from neuroscience // *Psychological Review*. 2016. Vol. 123 (4). P. 1–19. DOI: 10.1037/rev0000033.
15. Chambers S., Hammonds F. Vicariously learned helplessness: the role of perceived dominance and prestige of a model // *Journal of General Psychology*. 2014. Vol. 141 (3). P. 280–295. DOI: 10.1080/00221309.2014.913545.
16. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. 432 с.
17. Galazhinsky E.V., Klochko V.Y. System Anthropological Psychology: Methodological Foundations // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2012. № 5. P. 81–98.
18. Ключко В.Е. Смысловая теория мышления в трансперспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ // *Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология*. 2008. № 2. С. 87–101.
19. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2.
20. Volkova O.V. The connection of methodological ideas in Positive Psychology (the USA) and Cultural-historical approach (Russia) in studying the Learnt Helplessness of Children having weak health // *Proceedings of International Conference on Positive Psychology June 13-14, 2016 Philadelphia, Pennsylvania, the USA // Journal of Psychology & Psychotherapy*. 2016. Vol. 6 (3 Suppl.). 90 p.
21. Volkova O.V., Loginova I.O. Methodological bases of new technologies use in research of the learned helplessness by means of the transpective analysis // *Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential : Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk, 2017. P. 515–540.
22. Artykhov I.P., Loginova I.O., Volkova O.V. New glimpse on development of human resources from the position of system anthropological psychology // *Psychological Health*

- of the Person: Life Resource and Life Potential : Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, 2017. P. 46–58.
23. Циринг Д.А. Психология выученной беспомощности : учеб. пособие. М. : Академия, 2005. 120 с.
 24. Циринг Д.А. Структура личностной беспомощности: постановка проблемы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2005. № 15 (55). С. 176–180.
 25. Забелина Е.В. Коммуникативная активность и беспомощность подростков: результаты формирующего эксперимента // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 5. С. 28–25.
 26. Веденева Е.В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 186–189.
 27. Ключко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // Субъект и личность в психологии саморегуляции. М. –Ставрополь : Изд-во ПИРАО, Сев.-Кав. ГТУ, 2007. С. 103–120.
 28. Ключко В.Е. Самореализация личности в контексте ее миграционной готовности // Гуманитарные основания развития региона с высоким инновационным потенциалом. Томск : Том. гос. ун-т, 2007. С. 120–131.
 29. Психологические тесты. URL: <http://psyttests.org/test.html> (дата обращения: 17.05.2017).
 30. Волкова О.В. Развитие волевой регуляции личности как механизм коррекции выученной беспомощности // Психология обучения. 2014. № 6. С. 29–43.
 31. Волкова О.В. Перспективы применения комплексной модели исследования в разработке программы, направленной на диагностику, коррекцию и профилактику выученной беспомощности в онтогенезе // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С.47–63. DOI: 10.17223/17267080/61/4.

Поступила в редакцию 02.08.2017 г.; повторно 01.09.2017 г.; принята 19.09.2017 г.

Сведения об авторе:

ВОЛКОВА Олеся Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом ПО Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации (Красноярск, Россия). E-mail: olesyavl.volkova@mail.ru

THE LEVEL OF TEENAGERS' WILL-POWER DEVELOPMENT AS A CONDITION DETERMINING THE LEVEL OF ADULTS' LEARNED HELPLESSNESS MANIFESTATION

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 66–81. DOI: 10.17223/17267080/66/5

Volkova Olesya V. Krasnoyarsk State Medical University named after the academician V.F. Voyno-Yasenyetsky of Russian Federation Health Ministry (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: Olesyavl.volkova@mail.ru

Keywords: learnt helplessness; complex technology of research; ontogenesis; teenagers; will-power; motivation; escapism; child-parental relations.

The article presents the results of the research which is a part of complex studying of the conditions promoting learned helplessness formation in the course of ontogenetic development. Developing the technology allowing to investigate mechanisms of learned helplessness formation in ontogenesis we took into account the structure of the learned helplessness that consists of motivational, emotional, will-power and cognitive components.

Besides, the technology is developed taking into account the factor of social relationship, namely qualitative content of family and child – parental relationship at each stage of growing.

In particular, behavioral patterns, ways of their maintenance, and their combination with a special psychological situation in a family have the special importance.

Somatic health is the factor promoting highlighting the problem parties of relationship in family, strengthening both strong, and weaknesses of family society. Respectively, the factor of health has been considered in the course of the diagnostic tool development.

The technology of complex analysis of the learned helplessness development has been developed taking into account the principles of the transpective analysis.

The developed cultural and historical concepts of the learned helplessness genesis and the complex model of its formation conditions allow applying the transpective analysis. In this part of the research the transpective analysis was applied on the selection consisting of the adults having bright signs of the learned helplessness, getting second higher education at the age from 27 up to 50. The key research objective was to detect the motivational component of getting the second higher education in the form of evening training having already the diploma of higher education, family, and children. We found out that the basic motivation for getting second higher education in such conditions in its contents has the masked mechanism of psychological protection, the escapism (avoiding) dominating in the system of relationship with the immediate social environment. Besides, in 90 per cent of cases those participants of the research who had shown signs of learned helplessness in our specially developed open "Technology of the learned helplessness development complex analysis" (by O.C Volkova) noted expressed deficiency of the will-power sphere during the period of teenage age determined by a specific position of their parents in the system of family education.

References

1. Seligman, M. (2006) *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schast'e i smysl zhizni* [New positive psychology: A scientific view of happiness and meaning of life]. Translated from English. Moscow: Sofiya.
2. Seligman, M.E.P. (1993) *What You Can Change & What You Can't*. New York: Knopf.
3. Dubrovina, I.V. (ed.) (2000) *Psikhologicheskoe zdorov'e detey i podrostkov v kontekste psikhologicheskoy sluzhby* [Psychological health of children and adolescents in the context of psychological services]. Ekaterinburg: Delovaya kniga.
4. Kokova, E.I., Kopylov, Yu.A., Kudryavcev, M.D., Volkova, O.V. & Kuzmin, V.A. (2017) Formation of psychoemotional stability among students of higher educational institutions. *Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential*. Proc. of the Third International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk. pp. 248–258.
5. Smirnova, E.O. & Kholmogorova, V.M. (2001) Sootnoshenie neposredstvennykh i oposredstvovannykh pobuditel'nykh npravstvennogo povedeniya detey [The ratio of direct and mediated motivators of children's moral behaviour]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 26–37.
6. Stolin, V.V. (1981) Sem'ya kak ob"ekt psikhologicheskoy diagnostiki [Family as an object of psychological diagnosis]. In: Bodalev, A.A. (ed.) *Sem'ya i formirovanie lichnosti* [Family and the formation of personality]. Moscow: Moscow State University. pp. 26–38.
7. Varga, A.Ya. (1985) Rol' roditel'skogo otnosheniya v stabilizatsii detskoj nevroticheskoy reaktsii [The role of the parental relation in the stabilisation of the child's neurotic reaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Psikhologiya – Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 4. pp. 32–37.
8. Volkova, O.V. (2014) Integrative approach in studying the learnt helplessness problem of children. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 54. pp. 126–145. (In Russian).
9. Volkova, O.V. (2015) Metodologicheskie printsipy mediko-psikhologo-pedagogicheskoy korrektsii vyuchennoy bespomoshchnosti detey s oslablennym zdorov'em [Methodological principles of medical-psychological-pedagogical correction of the learned helplessness in children with weakened health]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 7. pp. 121–132.

10. Filippello, P., Sorrenti, L., Buzzai, C. & Costa, S. (2015) Perceived parental psychological control and learned helplessness: the role of school self-efficacy. *School Mental Health*. 7(4). pp. 298–310. DOI: 10.1007/s12310-015-9151-2
11. Volkova, O.V. (2013) Theoretical and methodological analysis of studies of learned helplessness: the relevance of psychosomatic approach. *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie – Siberian Medical Review*. 4. pp. 39–43. [Online] Available from: http://smr.krasgmu.ru/journal/1395_43-47.pdf. (In Russian).
12. Anokhin, P.K. (1948) Sistemogenez kak obshchaya zakonomernost' evolyutsionnogo protsessa [Systemogenesis as a general pattern of the evolutionary process]. *Byulleten' eksperimental'noy biologii i meditsiny*. 26(8). pp. 81–99.
13. Taylor, J.J., Neitzke, D.J., Khouri, G., Borckardt, J.J., Acierno, R., Tuerk, P.W., George, M.S. (2014) A pilot study to investigate the induction and manipulation of learned helplessness in healthy adults. *Psychiatry Research*. 219(3). pp. 631–637. DOI: 10.1016/j.psychres.2014.05.045.
14. Maier, S.F. & Seligman, M.E.P. (2016) Learned helplessness at fifty: Insights from neuroscience. *Psychological Review*. 123(4). pp. 1–19. DOI: 10.1037/rev0000033
15. Chambers, S. & Hammonds, F. (2014) Vicariously learned helplessness: the role of perceived dominance and prestige of a model. *Journal of General Psychology*. 141(3). pp. 280–295. DOI: 10.1080/00221309.2014.913545
16. Vygotskiy, L.S. (1984) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Vol. 4. Moscow: Pedagogika.
17. Galazhinsky, E.V., & Klochko, V.Y. (2012) System Anthropological Psychology: Methodological Foundations. *Psychology in Russia: State of the Art*. 5. pp. 81–98.
18. Klochko, V.E. (2008) Smyslovaya teoriya myshleniya v transspetivie stanovleniya psikhologicheskogo poznaniya: epistemologicheskii analiz [Semantic theory of thinking in the transpective of the emergence of psychological cognition: an epistemological analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14, Psikhologiya – Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 87–101.
19. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2
20. Volkova, O.V. (2016) The connection of methodological ideas in Positive Psychology (the USA) and Cultural-historical approach (Russia) in studying the Learnt Helplessness of Children having weak health. Proc. of International Conference on Positive Psychology June 13-14, 2016 Philadelphia, Pennsylvania, the USA. *Journal of Psychology & Psychotherapy*. 6(3 Suppl.).
21. Volkova, O.V. & Loginova, I.O. (2017) Methodological bases of new technologies use in research of the learned helplessness by means of the transspetivie analysis. *Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential*. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk. pp. 515–540.
22. Artykhov, I.P., Loginova, I.O. & Volkova, O.V. (2017) New glimpse on development of human re-sources from the position of system anthropological psychology. *Psychological Health of the Person: Life Resource and Life Potential*. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk. pp. 46–58.
23. Tsiring, D.A. (2005) *Psikhologiya vyuchennoy bespomoshchnosti* [Psychology of Learned Helplessness]. Moscow: Akademiya.
24. Tsiring, D.A. (2005) Struktura lichnostnoy bespomoshchnosti: postanovka problemy [the structure of personal helplessness: To the statement of the problem]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University*. 15(55). pp. 176–180.
25. Zabelina, E.V. (2008) Kommunikativnaya aktivnost' i bespomoshchnost' podrostkov: rezul'taty formiruyushchego eksperimenta [Communicative activity and helplessness

- of adolescents: the results of the forming experiment]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 5. pp. 28–25.
26. Vedeneeva, E.V. (2009) Vzaimosvyaz' motivatsionnogo komponenta lichnostnoy bespomoshchnosti i vedushchey deyatel'nosti na raznykh vozrastnykh etapakh [Interrelation of the motivational component of personal helplessness and leading activity at different age stages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 186–189.
 27. Klochko, V.E. (2007) Ot samoregulyatsii lichnosti k samoorganizatsii cheloveka: sistemye osnovaniya paradigmalnogo sdviga v nauchnoy psikhologii [From the self-regulation of the individual to the self-organisation of man: the systemic foundations of the paradigm shift in scientific psychology]. In: Morosanova, V.I. (ed.) *Sub"ekt i lichnost' v psikhologii samoregulyatsii* [Subject and personality in the psychology of self-regulation]. Moscow, Stavropol: PIRAO, North-Caucasian State Technical University. pp. 103–120.
 28. Klochko, V.E. (2007) Samorealizatsiya lichnosti v kontekste ee migratsionnoy gotovnosti [Self-realization of the individual in the context of its migration readiness]. In: Bogomaza, S.A. & Krasnoryadtseva, O.M. (eds) *Gumanitarnye osnovaniya razvitiya regiona s vysokim innovatsionnym potentsialom* [Humanitarian foundations for the development of the region with high innovative potential]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 120–131.
 29. Psytests.org. (n.d.) *Psikhologicheskie testy* [Psychological tests]. [Online] Available from: <http://psytests.org/test.html>. (Accessed: 17th May 2017).
 30. Volkova, O.V. (2014) Razvitie volevoy regulyatsii lichnosti kak mekhanizm korrektsii vyuchennoy bespomoshchnosti [The development of strong-willed regulation of the personality as a mechanism for correcting the learned helplessness]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 6. pp. 29–43.
 31. Volkova, O.V. (2016) Possibilities of cybernetic research model in the development of the program directed on diagnostics, correction, and prevention of “learned helplessness” in ontogenesis. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 61. pp. 47–63. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/61/4

Received 02.08.2017;

Revised 01.09.2017;

Accepted 19.09.2017

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.016.5

DOI: 10.17223/17267080/66/6

А.А. Барышев, О.В. Лукьянов

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аксиологический сдвиг в анализе предпринимательской идентичности и предпринимательского действия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-13-70006).

Представлен анализ тенденции актуализации интерпретативных подходов к пониманию динамики предпринимательской идентичности и предпринимательского действия. Рассмотрены проблемы структурной связанности и онтологического колебания акторов предпринимательства, а также их ценностного единства. Предлагается определить общий аксиологический порядок в современном предпринимательстве как вовлеченность, возникающую на основе когнитивной детерминации, и предположить, что причастность, полезность и вовлеченность являются социально-психологическими основаниями крупных аксиологических исторических целостностей с присущими им режимами предпринимательского действия, типами идентичностей и модусами ценности.

Ключевые слова: *ценность; предпринимательское действие; идентичность; габитус; роль; статус; субъективность; структурное связанность; онтологическое колебание; жизненный мир; предпринимательство; вовлеченность.*

Введение

Современная технологическая революция стимулирует разработку технологий многомерного анализа качеств и направленности человеческой активности. Важное место занимают проблемы анализа поведения, в частности социальной и политической активности, экономического поведения, предпринимательской активности. Для анализа доступных сегодня данных с необходимой степенью достоверности недостаточно учитывать факторы, акцентируемые функционалистскими (апеллирующими к естественным потребностям и причинной детерминации) моделями объяснения поведения людей. Сегодня необходимо учитывать процессы формирования идентичности основных участников социальной, культурной, экономической жизни, поскольку именно идентичности выступают основаниями устойчивости [1].

Современные тренды развития высоких и гуманитарных технологий обостряют вопрос об участии человека в создании и использовании технологий.

С одной стороны, «высота» технологий определяется отчужденностью человека – технология тем выше, чем меньше в ней участвует человек. С другой стороны, сами эти технологии рождаются из человеческой жизни, человеческой активности и человеческого взаимодействия. Направленность высоких и гуманитарных технологий связана, прежде всего, с радикальным изменением ценностной сферы людей, которые разрабатывают и применяют технологии, и людей, кому надлежит принять в свою жизнь плоды внедрения новых технологий. При этом предполагается, что большинство новых технологических плодов до момента их производства не представляли для потребителя никакой даже воображаемой ценности. Развитие деятельности и взаимодействия людей подразумевает высокую интенсивность изменений идентичности.

Анализируемые (генерируемые, контролируемые) механизмы формирования и развертывания идентичности должны включать наряду с функциональными элементами, обеспечивающими реализацию идентичности в заданных социально-исторических условиях, интерпретативные составляющие, отвечающие за наделение новых условий ясными смыслами, отождествление (идентификацию) индивидов с полученными смыслами и с производимыми на их основе продуктами.

В методологическом смысле эту задачу можно определить как решение апории: ценности формируют идентичности людей, а люди с определенными идентичностями наделяют производимые ими вещи ценностным содержанием. Что же в основании? В практическом отношении необходимо в самих условиях найти такое их качество, которое является фактором, детерминирующим характер идентичностей (ценностной определенности), и механизмом связи людей в процессе совместной деятельности. Методологически эта проблема сегодня решается вводом понятия и принципа системной детерминации [2], согласно которым в основе отношений лежат базовые соответствия – там, где есть соответствия, будут и отношения. Практически такая задача решается посредством построения пространственных моделей взаимодействия.

При всех надеждах на технологические решения, важным вопросом является понимание людей, олицетворяющих очередной технологический прорыв, их идентификация. Но, как мы уже указывали выше, идентифицировать этих акторов мы должны посредством понимания процессов, механизмов, характера формирования их идентичности, что требует учета исторических, социальных и психологических условий формирования сферы ценностных ориентаций и представлений людей о значимости для них производимых продуктов, отношений и сообществ.

Сегодня на наших глазах возникают новые модусы ценности. Их понимание и психологическое акцентирование играет решающее значение для интеграции разрозненных в настоящее время практик жизнеустройства в новый порядок социального взаимодействия людей. Однако такая интеграция предполагает наличие общего ценностного основания, выражающего культурно-историческую идентичность индивидов. В данной статье мы сосредоточимся на социально-психологическом аспекте экономического, предпринимательского поведения и соответствии стоимостных категорий экономики возникающим аксиологическим особенностям предпринимательской

идентичности постиндустриальных людей и формируемой ими новой реальности социальных сетей и цифровых технологий.

Структурная связанность: идентичность как автономия

Современные научные концепции выделяют принцип соответствия как специфическую характеристику и основание жизни (существование открытых, саморазвивающихся систем). Возможно, наиболее прямо принцип соответствия принимается за основу в системно-антропологической психологии и в общенаучном смысле в теории аутопоэзиса. Эти и комплементарные им концепции усматривают основу устойчивости жизни в постоянном обеспечении соответствия между внешним и внутренним, своим и чужим. В теории аутопоэзиса это определяется как структурная связанность (structural coupling) [3]. Жизнь с таких позиций представляет собой процесс поддержания идентичности [4] в условиях постоянных изменений во внешней и внутренней среде организма, который выступает одновременно и как процесс преобразования элементов внешней среды в собственное тело живого организма, и как познавательный процесс, поскольку организм постоянно сам «определяет», каким образом решать проблему структурной связанности в меняющихся условиях.

В свете организмической метафоры предпринимательство является когнитивным процессом, обеспечивающим «вдействие» (enactment) [5. С. 10–12] предпринимателя в рыночную среду путем создания им собственной экологической ниши в ней (1), структурно сцепленной с организацией элементов его внутренней среды (2). Поскольку пункты 1 и 2 находятся в постоянном изменении в условиях независимого поведения всех прочих предпринимателей, это структурное связывание реализуется через постоянный процесс активной переконфигурации (recoupling), в чем и проявляется когнитивная активность предпринимателя. Иначе говоря, предпринимательская организация «думает» посредством переконфигураций элементов своей внутренней среды, с помощью которых она практически «осознает» меняющуюся рыночную среду и собственную нишу в ней [6].

Следует признать, что метафорика аутопоэзиса, преодолевающая ограничения механистических метафор, нуждается в аутентификации путем обращения к социально-экологическим метафорам саморазвития. Поэтому более конкретные описания взаимной связанности действующего субъекта и среды его деятельности в конкретных социально-исторических условиях фреймируют эту связанность в новых метафорах уже социального порядка, таких как организационные популяции [7], организационные и социальные поля [8, 9], вводящих в анализ специфические опосредования процессов структурного сопряжения. Так, популяционно-селекционная модель Хэннана–Фримана, отвечая на вопрос: «Почему существует большое разнообразие организационных форм?», – вводит понятие организационной популяции и дифференцирует организации по степени использования ресурсов, которые организации-члены популяции сообща осваивают. Дифференцирующим фактором становится внутрипопуляционная конкуренция. Это дает основание

отнести данную концепцию к теориям, исходящим из допущения гомогенности ресурсов, характеризующихся в данном случае их объемом и степенью использования. Соответственно, внутривнутрипопуляционные идентичности организаций, а вслед за ними и внутривнутриролевые идентичности предпринимателей представляются полностью определяемыми по их отношению к используемому ресурсу. Однако поскольку в действительности предприниматель и его организация могут использовать ресурсы совершенно различной природы (или, по Бурдье, использовать и взаимно конвертировать различные капиталы) и взаимодействовать с различными субъектами, причем различными способами, то появляется необходимость теоретической автономизации субъективности предпринимателя, представления его идентичности в качестве аутопоэтического процесса, а не только внешне детерминированного атрибута.

С этих позиций неоинституционалистский подход к специфике организационных форм выглядит также ограниченным в качестве методологической рамки для определения предпринимательской идентичности, хотя и вводит в рассмотрение разнородные ресурсы специфической социальной природы. В рамках данного подхода ресурсы трактуются как определенные социальные силы, а сам феномен институционального изоморфизма – как идентичность (изоморфность) качеств организации (и вместе с тем предпринимателя) тем силам, в поле и с использованием которых осуществляется их деятельность.

П. Димаджио и У. Пауэлл зафиксировали механизмы коэрсивного (принудительного), нормативного и миметического изоморфизмов [8], связанных с воздействием на организацию факторов властно-административного давления, коллективной рациональности и условий неопределенности. Полученный язык описания адаптационных механизмов на определенных исторических этапах вполне применим и к исследованию идентичностей предпринимателей. Однако его применимость по-прежнему ограничена условиями определяющей роли среды по отношению к предпринимающим акторам, когда их идентичность служит персонификацией предприятия и тех сил, в поле которых оно действует. Современный запрос на описание предпринимателя как активного создателя новой когнитивной среды оказывается неудовлетворенным.

Концепция габитуса П. Бурдье также не способствует решению данной задачи, так как, будучи предназначенной для описания уже наличной социальной реальности, при попытке решения на ее основе проблемы творческой автономности предпринимающего актора упирается в своеобразный цикл автореференции: габитус выражает индивидуальные манеры акторов в присвоении и использовании капиталов, а капиталы, в свою очередь, являются воплощениями существующих конвенций акторов по поводу обращения с вещами, отношениями, знаками. Разрыв данной цикличности предполагает обращение к эволюционным основаниям таких конвенций, которые бы обеспечивали понимание как синхронии различных идентичностей предпринимающих акторов, так и их диахронных особенностей, характеризующих их как представителей крупных исторических целостностей с особыми

устройствами как полей, так и популяций, которые, например, применительно к современному инновационному бизнесу становятся все больше эконоценозами и социотехническими системами.

Итак, концепция структурной связанности применительно к предпринимательской идентичности нацеливает на исследование процесса самосозидания автономности предпринимающего актора и условий возможности снятия препятствий на пути ее осуществления; с точки зрения теории аутопозиса любая самоорганизующаяся целостность становится таковою в процессе отдаления от порождающей ее среды. Ее функционирование является процессом адаптации к среде, что и составляет суть структурного сопряжения на данном этапе. Для некоторых самоорганизующихся систем есть шанс стать саморазвивающимися. Для этого они должны превратить внешние условия своего существования в условия собственного развития.

На основе этих общих положений применительно к предпринимательской идентичности можно заключить, что структурное сопряжение как фундаментальная парадигма ее самореализации может функционировать в различных режимах, зависящих от степени автономности исследуемого феномена «от» и «в рамках» порождающей его среды. С учетом того, что аутопозис означает тождество жизни и познания, структурное связывание и его конкретные режимы как концепты, описывающие идентичность предпринимающего актора, следует «разгрузить», дополнив их такой составляющей идентичности, которая «отвечает» за когнитивное содержание процесса ее самоутверждения в среде. В качестве такой комплементарной всеобщей парадигмы – в нашем случае – предпринимательской идентичности мы определяем онтологическое колебание как способность когнитивного агента формировать и сопоставлять различные онтологии своего мира и тем самым решать задачу собственного самоопределения в нем.

Онтологическое колебание: идентичность как вовлеченность

Реальное предпринимательское действие, в отличие от элементарного процесса структурного связывания в органической природе, имеет особый интенциональный и интеллектуальный «орган» в виде предпринимателя (предпринимающего актора). Картина когнитивно-преобразовательного действия предпринимателя значительно усложняется, когда речь заходит не об абстрактном, а о конкретном предпринимателе. Это усложнение состоит в том, что предприниматель осуществляет свои действия, не просто создавая образы внешнего и внутреннего пространства предприятия (как, например, это происходит в проектной деятельности или «деловых играх»), но обрабатывает все пространства с помощью двух принципиально различных наборов интеллектуальных способностей.

Первый такой набор представляет функционалистский интеллект, являющийся практическим знанием целесообразного оперирования с наличными объектами и их известными функциями с помощью определенных инструментов. Среди этих объектов находятся и люди, включая самого предпринимателя,

с их заданными ролями и задачами. С помощью данного интеллекта строится картина функционирования организации «при прочих равных условиях» с одной привилегированной точки зрения. Второй интеллектуальный набор представляет собой интенциональное, оценивающее знание, заставляющее интерпретировать внутреннюю и внешнюю среду предприятия, во-первых, с разных точек зрения в рамках пространства предприятия и, во-вторых, с точки зрения разных временных перспектив [10], относящихся в том числе и к другим акторам, например потребителям [5. С. 15–21].

Постоянное перемещение предпринимательской субъективности [11, 12] в пространственно-временных координатах порождает различные интерпретации состояния дел и выступает источником постоянных корректировок той картины, которую дает функционалистский интеллект. Множественность линий напряжения между функционалистским и интерпретативным знанием выражает состояние реальной вовлеченности предпринимателя в его предприятие и его вдействованности в среду своего бизнеса. Эти вовлеченность и вдействованность проявляются в том, что на языке радикально-субъективистского течения в экономической теории обозначается как «перетасовывание» (*reshuffling*) гетерогенных ресурсов предприятия [13] (по смыслу это очень близко вышеупомянутому «*recoupling*»), а при подходе к предпринимательской организации с позиций акторно-сетевой теории выступает как «пересборка» (*reassembling*) предприятия [14]. Этот «*reshuffling*» как специфическое выражение процесса утверждения предпринимательской идентичности является результатом ее когнитивного онтологического колебания [15] между функционалистским и интерпретативным отношением к действительности.

В полученном двойственном бытии предприятия мир предпринимателя постигается в виде сопоставления предприятия как условия предпринимательской идентичности и как пункта ее осуществления, как элемента мира-для-себя и мира-для-других. Очевидно, приравнивания этих противоположностей могут быть разнонаправленными. Два полученных вектора сопоставления альтернативных образов предприятия и себя в нем задают два различных режима осуществления онтологического колебания как второй универсальной парадигмы предпринимательской идентичности.

Ценностное единство структурного связывания и онтологического колебания

Структурное связывание и онтологическое колебание являются универсальными парадигмами формирования предпринимательской идентичности, способами ее деятельного осуществления. При этом важно иметь в виду, во-первых, что в каждой паре противоположностей, связываемых этими процессами, в каждый данный момент времени одна из сторон является доминирующей и, во-вторых, что это доминирование рано или поздно переходит другой стороне. Рассматриваемая двойная рекурсивность между внешним и внутренним, с одной стороны, и между функционалистским и

интерпретативным, с другой стороны, объясняет многообразие теорий предпринимательства, история которых демонстрирует как соответствующее преувеличение тех или иных крайностей, так и последующее возвышение их противоположностей. Современный момент истории предпринимательства и его теоретического конструирования также должен быть связан с подобной сменой приоритетов внутри рассматриваемых фундаментальных процессов, т.е. режимов их осуществления.

Прежде чем приступить к освещению специфики предпринимательской идентичности, или, что то же самое, специфики рассмотренных парадигм предпринимательского действия в возникающем мире цифровых технологий и сетевых объектов социальной реальности, необходимо определить основу их единства применительно ко всем эпохам предпринимательства. Выявление этой основы, без которой генерация различных видений предпринимательства оказывается ничем не ограниченным процессом создания ментальных конструкторов *ad hoc*, позволяет перейти к его концептуализации путем обеспечения требуемой универсальности понятий за счет четкого *о-предел*-ения (буквально – полагания пределов) их собственного контекста [16. С. 316–321] или «области их действия» (применения) [17. С. 45–48]. Это означает, что чем строже установлены пределы предмета, тем более универсальным является формируемое на этой основе понятие. Оно будет истинным везде и всегда, где и когда обнаруживаются условия, соответствующие этим пределам. Для рассматриваемого нами предмета таким контекстом, пределом, подлежащим включению в само содержания понятий предпринимательского действия и предпринимательской идентичности, является ценность [18].

Ценность обеспечивает возможность осуществления парадигм идентичности и связывает их в процессе предпринимательского действия как реализации самоутверждающейся идентичности. С этой позиции всякая конкретно-историческая специфичность данных парадигм будет интегрироваться (обобщенно выражаться) в конкретных модусах ценности, которые обеспечивают предпринимательскую идентичность необходимой метрикой ее самореализации и задают критерии рациональности предпринимаемых в связи с этим действий. Ценность в виде ее конкретного модуса опосредует таким образом полюсы рассматриваемого тождества предпринимательского действия и реализующейся в нем идентичности предпринимателя.

В этой связи вновь обратимся к философии аутопойезиса, которая дает организмический (и одновременно всеобщий) прообраз социального феномена ценности в виде «субъективной» значимости (*significance*) или значения (*meaning*) элементов среды для всех живых существ с точки зрения принадлежности этих элементов их жизненному миру. В соответствии с этим видением все самоутверждающиеся идентичности обладают способностью улавливать знаки из окружающего мира [19] и извлекать смыслы (*meanings*) [4]. Для человека эти смыслы состоят в значимости элементов окружающей среды для поддержания его жизненного мира. С учетом того, что индивидуальные жизненные миры находятся в отношении взаимозависимости, их формирование становится кооперативным процессом, требующим

символизации индивидуальных смыслов для обеспечения коммуникации и обмена. Такая символизация делает индивидуально значимые элементы окружающего мира социально значимыми вещами индивидуальных жизненных миров, т.е. ценностями.

Ценность является символическим выражением единства жизненного мира. В зависимости от его социального устройства ценности могут быть безальтернативными, и тогда они характеризуются простой дихотомией «благо–не-благо», или альтернативными, что требует более сложных форм символизации в виде континуума ценности, позволяющего производить эквивалентные замены одних благ на другие или их комплексы. Последний случай является случаем рыночной ценности, формируемой на основе континуума полезностей товаров.

При всей распространенности и привычности рыночной ценности нет оснований полагать ее в качестве последнего и высшего модуса ценности, генерируемой предпринимательским действием. Однако для понимания специфичности рыночной, или экономической, ценности, которая в нашем случае опосредует связь определенного типа предпринимательских (и, как мы знаем, не только предпринимательских) идентичностей с производящим их действием, необходимо ввести ценность как экономическую категорию в проблемно-тематическое поле аксиологии, вернув тем самым стоимость в единый мир человеческих ценностей. Это позволит различить модусы экономической ценности (такие, как монопольные цена, государственно-регулируемые цены и т.д.) исторически обособить как специфические ценностные феномены в рамках общего аксиологического, а следовательно, и социально-психологического основания, которое делает возможными соответствующие предпринимательские идентичности и действия.

Гетерогенность аксиологических оснований исторических типов предпринимательских идентичностей и модусов ценности

Во всех обществах *societies* предпринимательство представляет собой институционализированный феномен. Поэтому институциональная теория является адекватной теоретической рамкой, позволяющей дифференцировать качественно разнородные состояния предпринимательского действия и его субъекта. Автор теории носителей и источников институтов У.Р. Скотт выделяет регулятивные, нормативные и когнитивные основания (источники) институтов [20. С. 268] и показывает их носителей в виде организационных структур, культур и рутин. Зная эти источники и носителей институтов, а также учитывая, что в реальности они сосуществуют одновременно, можно построить модель субъекта экономического действия вообще и предпринимательского в частности.

Так, регулятивное основание, представленное принудительными механизмами поддержания социальной и организационной жизни, такими как правила, законы и санкции, определяет статусные различия экономических акторов [8]. Поэтому применительно к предпринимательству статус является регулятивной социально-психологической характеристикой предпринимателя.

Нормативное основание порождает такую характеристику, как социальная роль. В отличие от статуса роль формируется социальными нормами и сама является сложной нормой человеческого существования. В условиях, когда конкретные параметры исполнения предпринимательской роли зависят от нормотворческой деятельности всех членов общества, предпринимателю требовались бы безграничные усилия для соответствия этим параметрам, если бы в конструкцию этой социальной роли не включались простые и понятные, хотя и достаточно динамические, нормы экономической природы, такие как цены, процентные ставки и прочие нормативные индикаторы рыночной конъюнктуры. Такая двойная нормативная конструкция предпринимательской роли делает, по Марксу, предпринимателя персонификацией его товаров, а сами товары с точки зрения их ценности – овеществлением его ролевой идентичности, формируемой всей совокупностью тех нормативных отношений, в которых он принимает участие.

В то же время, кроме статуса и роли, которые в некотором смысле порождаются внешними причинами и могут быть отчуждаемы, предприниматель обладает только ему присущей личностью. Предпринимательское «Я» (self) [11], или предпринимательская субъективность (subjectivity) [12], является живой личностью предпринимателя, которая как обеспечивает исполнение статусных требований и контролирует ролевое поведение, так и может быть автономной характеристикой предпринимательской идентичности при доминирующем значении когнитивных оснований социальности.

Итак, полученная модель представляет предпринимательскую идентичность в тройственном единстве ее основных составляющих – статуса, роли и субъективности [21]. Процесс создания ценности является результатом социального действия предпринимателя по убеждению потребителей (покупателей) в значимости для них тех или иных вещей, знаков или отношений. Специфика конкретного модуса этого убеждения и его результата определяется соотношением в предпринимательской идентичности ее статусных, ролевых и субъективных конститuent, от которого зависит как характер развертывания предпринимательского действия, так и воплощение последнего в определенном модусе ценности.

Так, предпринимательское действие, основанное на статусе, создает (точнее, воспроизводит) ценность, приписываемую вещи существующими структурами публичной власти, путем убеждения людей в том, что эта вещь соответствует тем регуляциям, которыми устанавливается то, чем приличествует пользоваться и владеть определенным людям в их конкретной сословной, кастовой, половозрастной определенности. Когда же имеет место доминирование нормативных источников институтов, предпринимательское действие, представляющее собой в данном случае процесс развертывание идентичности, конституируемой исполняемой ролью предпринимателя, создает ценность, известную как рыночная стоимость, или экономическая ценность, путем убеждения покупателей в полезности предлагаемых товаров. Предпринимательское действие, совершающееся в условиях доминирования

субъективности предпринимателя (его «Я») над его статусом и ролью, реализуется на основе когнитивного механизма социальности и, таким образом, создает абсолютно новый модус ценности. Поскольку в данном случае смысл предпринимательского действия формируется в рамках структуры, состоящей только из людей с их субъективностью и связей между ними, постольку такая структура представляет собой (по определению) сеть, которая противостоит как иерархии, которая соответствует регулятивному источнику¹ институтов [21. С. 51], так и рынку как апофеозу всеобщей нормативности.

Очевидно, что всеобщие парадигмы предпринимательской идентичности и действия по-разному реализуются на базе разных институциональных источников, представляющих собой тот фактор, который непосредственно связывает предметный и ценностный миры предпринимателей и через них – миры всех остальных людей. Эта связь состоит не в конкретном способе социально-экономической символизации (модусе) ценности, но в ее общей социально-психологической определенности как выражении характера ценностной ориентации в пределах действия того или иного источника институтов, или основания социальности. Таким образом, источники социальных выступают также и в качестве социально-психологических оснований крупных исторических аксиологических целостностей.

Так, доминирование регулятивных источников социальных институтов формируется на таком общем социально-психологическом основании ценностных ориентаций людей, которое наделяет *причастность* человека к той или иной социальной группе (сословию), его статусную идентичность высшим экзистенциальным смыслом.

Общая социально-психологическая определенность ценностного мира индивида на базе нормативного источника установления социальных связей выражается в абстрактной субъективной *полезности* вещи для индивида. «Абстрактной» – т.е. отвлеченной от происхождения, вероисповедания, имущественного положения и других характеристик предпринимателя, предлагающего данную вещь. Люди теперь соотносятся друг с другом как владельцы полезных для других вещей. В результате полезность становится социально-психологической основой существования специфического порядка жизненных миров людей. Теперь компоненты жизненных миров могут замещаться и комбинироваться независимо причастности людей к какой-либо общности при условии выполнения главного аксиологического императива, состоящего в сохранении общей суммарной полезности.

Если переход к эпохе утилитаризма (от сословных приличий к ничем не скованной полезности) оставил после себя массу научных и художественных описаний ценностных конфликтов и социального экспериментаторства [22], в результате которых и сформировалась современная цивилизация, то новая аксиологическая трансформация экономики и общества находится только в самой начальной стадии своего развертывания. Общий характер ценностных ориентаций в условиях доминирования (пока неустойчивого, фрагментарного, становящегося) когнитивных источников, которыми являются

¹ В оригинале: pillar – столп, основание.

индивидуальные вкусы, предпочтения, знания, представления, на данный момент проглядывается довольно смутно. Однако есть все основания полагать, что при отсутствии ролевых и статусных ограничений социально-психологической ориентацией воспроизводства идентичности становится конструирование индивидуальных жизненных миров людей. Предпринимательское действие теперь обращается непосредственно к человеческому индивидуальному, а не статусному или ролевому, «Я».

Если исходить из того, что предпринимательское действие, прежде всего, состоит в убеждении контрагента в ценности предлагаемого продукта [23], то при доминировании когнитивной основы человеческих взаимоотношений оно может быть метафорически представлено как перформативная риторика, т.е. такой способ убеждения в ценности, например, нового стиля жизни, который предполагает собственную вовлеченность предпринимателя в поддержание данного жизненного стиля как определенного аспекта жизненного мира людей [24]. Это означает, что данный жизненный стиль как сеть взаимодействий людей функционирует благодаря тому, что уникальная сеть предпринимательской команды «вдействована» (enacted)² в общую сеть создаваемого жизненного стиля на основе определенного «замыкающего элемента» [25. С. 25] («девайса», «платформы» или другого «решения» как, например, алгоритм PageRank в случае жизненного мира, конструированием и развитием которого занимается предпринимательская корпорация Google).

Однако не сам по себе «замыкающий элемент» наделяет ценностью порожденную предпринимателем сеть, в которую «впутан» новый стиль жизни. Суть заявленной выше перформативности в том, что эта ценность происходит от чего-то, что уже само по себе является ценностью *in potential*, как, например, рабочая сила в условиях классического капитализма. Искомой протоценностью для условий общества знания является изначальная сеть субъективностей (ментальных моделей создателей данных устройств и их последующих преемников), вызванная к жизни предпринимательским действием. Эта первичная сетевая ценность обладает потенциалом развертывания в реальную ценность для будущих адептов нового жизненного стиля и внешних бенефициаров поддерживающей его широкой социальной сети уже потому, что представляет собой ценность по крайней мере для самих создателей, поскольку формирует разделяемый ими жизненный мир [26].

Заключение

Сказанное позволяет определить общий аксиологический порядок, возникающий на основе когнитивной детерминации как *вовлеченность*. Соответственно, причастность, полезность и вовлеченность представляют собой искомые гетерогенные социально-психологические основания крупных аксиологических исторических целостностей с присущими им режимами предпринимательского действия, типами идентичностей и модусами ценности.

² Подробнее об основных понятиях энактивизма см.: Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М.; СПб., 2014.

На настоящий момент представление о конкретных способах символизации ценности, в основании которой лежит вовлеченность людей в создаваемые предпринимателями жизненные миры и перформативная в действованность самих предпринимателей в сеть функционирования этих миров, может быть обеспечена только на дотеоретическом (метафорическом) уровне [18]. Однако это не означает отсутствия социально-психологических признаков зарождения новых ценностных ориентаций, которые проявляются, прежде всего, в растущей напряженности функционирования предпринимательства на базе сложившихся на заре индустриального мира принципов и мотивов построения объектов социальной реальности и в появлении новых феноменов в предпринимательской активности, которые очевидным образом выходят за рамки отношений полезности.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, вып. 3. С. 120–140.
2. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. DOI 10.17223/17267080/56/2.
3. Maturana H.R. Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1, № 3. P. 93–95.
4. Varela F.J. Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. 1997. Vol. 34. P. 72–87.
5. Chiles T.H., Tuggle C.S., McMullen J.S., Bierman L., Greening D.W. Dynamic Creation: Extending the Radical Austrian Approach to Entrepreneurship // Organization Studies. 2010. Vol. 31 (1). P. 7–46.
6. Baryshev A.A., Barysheva G.A. Social Entrepreneurship: Metaphysics of Entrepreneurship in Practice // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 2016. Vol. 7: Lifelong Wellbeing in the World (WELLSO 2015). P. 352–365.
7. Хэннан М., Фримен Дж. Популяционная экология организаций // Экономическая социология. 2013 Т. 14, № 2. 42-72
8. Димаджио П.Дж., Пауэлл. У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010.Т. 11, № 1. С. 35–56.
9. Бурдые П. Физическое и социальное пространство // Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. пер. Н.А. Шматко. СПб. : Алетей, 2015. С. 49–63.
10. Лукьянов О.В Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59–66.
11. Berglund H. Toward a Theory of Entrepreneurial Action: Exploring Risk, Opportunity and Self in Technology Entrepreneurship : doctoral dissertation / Department of Technology Management and Economics, Chalmers University of Technology. Göteborg, 2005. P. 35–36.
12. Szeman I. Entrepreneurship as the New Common Sense // The South Atlantic Quarterly. 2015. Vol. 114 (3). P. 471–490.
13. Lachmann L. Capital and its structure. Kansas City : Sheed, Andrews & McMeel, 1956. P. 13.
14. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию / Нац исслед. ун-т «Высшая школа экономики. М., 2014.
15. Weick K.E. Sensemaking in organizations. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1995. 248 p.

16. Callon M. What does it mean to say that economics is performative? // *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics* / ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton : Princeton University Press, 2007. P. 311–357.
17. Дойч Д. Начало бесконечности: Объяснения, которые меняют мир. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 582 с.
18. Baryshev A.A. Entrepreneurial action as metaphorical process and its metaphoricity // *International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation*. 2017. Vol. 9 (1). P. 24–39/
19. Uexküll T. von. Introduction: The sign theory of Jakob von Uexküll // *Semiotica*. 1992. Vol. 89 (4). P. 279–315.
20. Скот В.Р. Современная институциональная теория // *Теория организации : хрестоматия / Высш. школа менеджмента СПбГУ*. СПб. : Высшая школа менеджмента, 2010. С. 266–303.
21. Scott W.R. *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. 3rd ed. Los Angeles, CA : Sage Publications, 2008. 267 p.
22. Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. № 3. С. 51–72. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6409> (дата обращения: 25.08.2017).
23. Барышев А.А. Метафорика ценностного подхода к предпринимательскому действию // *Вестник науки Сибири : электронный научный журнал*. 2016. № 1 (20). С. 111–132.
24. Melnik A.E., Baryshev A.A. Intellect-based enterprise: the entrepreneur's dilemma and its solution through the unleashing of entrepreneurial subjectivity and burgeoning of a new modus of value // *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, SGEM2017 Conference Proceedings*, 24–30 August, 2017. Book 5, vol. 45. P. 549–556.
25. Хархордин О.В. Предисловие редактора // *Латур Б. Нового времени не было : эссе по симметричной антропологии*. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петерб., 2006. С. 5–56.
26. Baryshev A.A. The genesis and generation of social value: the rise of entrepreneurial subjectivity and specifics of its value-creating action // *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, SGEM2017 Conference Proceedings*, 24–30 August, 2017. Book 1, vol 4. P. 815–822.

Поступила в редакцию 30.08.2017 г.; принята 11.10.2017 г.

Сведения об авторах:

БАРЫШЕВ Алексей Андреевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры социологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

ЛУКЬЯНОВ Олег Валерьевич, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lukyanov7@gmail.com.

AXIOLOGICAL SHIFT IN THE ANALYSIS OF ENTREPRENEURIAL IDENTITY AND ENTREPRENEURIAL ACTION

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 82–96. DOI: 10.17223/17267080/66/6

Baryshev Aleksey A., Lukyanov Oleg V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru, lukyanov7@gmail.com

Keywords: value, entrepreneurial action, identity, habit, role, status, subjectivity, structural cohesion, ontological fluctuation, lifeworld, entrepreneurship, involvement.

The article explores on the analysis of the lack of understanding of modern entrepreneurial identity and entrepreneurial action by using functionalist theories. The current situation with high

and humanitarian technologies changes the role structure of developers and consumers of new technologies, increasing the significance of interpretive phenomena. The analysis of entrepreneurial actions in the context of theories of autopoiesis and system anthropological psychology makes it possible to identify important characteristics of the psychological activity of participants in technological breakthroughs and the structure of the axiological shift in entrepreneurship.

In the study we revealed factors of basic compliances of entrepreneurial action: the value unity of structural binding and ontological fluctuation, heterogeneity of axiological fundamentals of historical types of entrepreneurial identities and modes of values.

The analysis allows to determine the general axiological order arising on the basis of cognitive determination such as involvement. Accordingly, engagement, effectiveness and involvement could be presented as actual heterogeneous socio-psychological fundamental for large axiological and historical entities with their inherent modes of entrepreneurial action, types of identities and modes of value.

The result of the analysis of theories shows that currently the idea of specific ways of symbolizing values based on people's involvement in life worlds created by entrepreneurs and the performative involvement of entrepreneurs themselves in the network of functioning of these worlds could be provided only at the pre-theoretical (metaphorical) level. However, this does not mean that there are no socio-psychological signs of the emergence of new value orientations. New value orientations are manifested in the emergence of aspects of entrepreneurial activity which go beyond relations of effectiveness.

Due to the tendency of dominance as a cognitive basis of the entrepreneurial action of human relationships, performative rhetoric becomes the mechanism of persuasion in the value of a product. The essence of performativity is that the value comes from something that is a value in itself. The proto-value for the conditions of the society is the original network of subjectivities (mental models of the creators of devices and their successors), brought about by entrepreneurial action. This primary network value has the potential to be expanded into the real value for future adherents of new life style and external beneficiaries of the broad social network that supports it, because it is valuable for the creators themselves, and it forms the life world they share.

References

1. Leontiev, D.A. (2010) Personality in an unpredictable world. *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 5(3). pp. 120–140. (In Russian).
2. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M., Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: Framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2.
3. Maturana, H.R. (2006) Self-consciousness: How? When? Where? *Constructivist Foundations*. 1(3). pp. 93–95.
4. Varela, F.J. (1997) Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition. *Brain and Cognition*. 34. pp. 72–87. DOI: 10.1006/brcg.1997.0907
5. Chiles, T.H., Tuggle, C.S., McMullen, J.S., Bierman, L. & Greening D.W. (2010) Dynamic Creation: Extending the Radical Austrian Approach to Entrepreneurship. *Organization Studies*. 31(1). pp. 7–46. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840609346923>
6. Baryshev, A.A. & Barysheva, G.A. (2016) Social Entrepreneurship: Metaphysics of Entrepreneurship in Practice. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 7: Lifelong Wellbeing in the World (WELLSO 2015)*. pp. 352–365. DOI: 10.15405/epsbs.2016.02.46
7. Hannan, M. & Freeman, J. (2013) The Population Ecology of Organizations. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 14(2). pp. 42–72. (In Russian).
8. DiMaggio, P. & Powell, W.W. (2010) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 11(1). pp. 35–56.
9. Bourdieu, P. (2015) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 49–63.

10. Lukyanov, O.V (2007) Printsip transtemporal'nosti v reshenii voprosa uspešnosti i aktual'nosti psikhologicheskoy praktiki [The principle of transtemporality in solving the question of the success and relevance of psychological practice]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 25. pp. 59–66.
11. Berglund, H. (2005) *Toward a Theory of Entrepreneurial Action: Exploring Risk, Opportunity and Self in Technological Entrepreneurship*. Dr. Diss. Gothenburg. pp. 35–36.
12. Szeman, I. (2015) Entrepreneurship as the New Common Sense. *The South Atlantic Quarterly*. 114(3). pp. 471–490. DOI: <https://doi.org/10.1215/00382876-3130701>
13. Lachmann, L. (1956) *Capital and its structure*. Kansas City: Sheed, Andrews & McMeel.
14. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [The reassembly of the social. Introduction to the actor-network theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: HSE.
15. Weick, K.E. (1995) *Sensemaking in organizations*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
16. Callon, M. (2007) What does it mean to say that economics is performative? In: MacKenzie, D., Muniesa, F. & Siu, L. (eds) *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press. pp. 311–357.
17. Deutsch, D. (2016) *Nachalo beskonechnosti: Ob'yasneniya, kotorye menyayut mir* [The Beginning of Infinity: Explanations that change the world]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
18. Baryshev, A.A. (2017) Entrepreneurial action as metaphorical process and its metaphors. *International Journal of Actor-Network Theory and Technological Innovation*. 9(1). pp. 24–39. DOI: 10.4018/IJANTTI.2017010103
19. Uexküll, T. von (1992) Introduction: The sign theory of Jakob von Uexküll. *Semiotica*. 89(4). pp. 279–315.
20. Scott, W.R. (2010) Sovremennaya institutsional'naya teoriya [Modern Institutional Theory]. In: Klyomina, T.N. (ed.) *Teoriya organizatsii* [Theory of Organization]. Translated from English by T.N. Klyomina. St. Petersburg: Vysshaya shkola menedzhmenta. pp. 266–303.
21. Scott, W.R. (2008) *Institutions and Organizations: Ideas and Interests*. 3rd ed. Los Angeles, CA: Sage Publications.
22. Brunner, K. (1993) Predstavlenie o cheloveke i kontseptsiya sotsiuma: dva podkhoda k ponimaniyu obshchestva [The concept of man and the concept of society: two approaches to understanding society]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system – THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. 3. pp. 51–72. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6409>. (Accessed: 25th August 2017).
23. Baryshev, A.A. (2016) Methaphorics of the value-based approach to an entrepreneurial action. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*. 1(20). pp. 111–132. (In Russian).
24. Melnik, A.E. & Baryshev, A.A. (2017) Intellect-based enterprise: the entrepreneur's dilemma and its solution through the unleashing of entrepreneurial subjectivity and burgeoning of a new modus of value. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. SGEM2017 Conference Proceedings*. August 24–30, 2017. 5(45). pp. 549–556. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/15/S05.069
25. Kharkhordin, O.V. (2006) Predislovie redaktora [Editorial]. In: Latour, B. *Novogo vremeni ne bylo: esse po simmeirichnoy antropologii* [There was no new time: an essay on symmeirichnoy anthropology]. Translated from French by D. Kalugin. St. Petersburg: St. Petersburg European University. pp. 5–56.
26. Baryshev, A.A. (2017) The genesis and generation of social value: the rise of entrepreneurial subjectivity and specifics of its value-creating action. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. SGEM2017 Conference Proceedings*. August 24–30, 2017. 1(4). pp. 815–822.

Received 30.08.2017;

Accepted 11.10.2017

УДК:316.62:159.944.4-057.36
DOI: 10.17223/17267080/66/7

Л.Н. Молчанова, А.И. Редькин

Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия)

Стилевые особенности саморегуляции поведения как ресурс преодоления состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов

Представлены результаты исследования стиливых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов как ресурса преодоления состояния психического выгорания с опорой на концепцию саморегуляции В.И. Моросановой и метасистемный подход А.В. Карпова. Так, гибкость регуляторики обеспечивает пластичность всех регуляторных процессов и позволяет при возникновении непредвиденных обстоятельств адекватно реагировать на быстрое изменение событий, успешно решать поставленную задачу в ситуации риска, что способствует преодолению состояния психического выгорания. Оптимизация выраженности стиливых особенностей саморегуляции поведения в пределах от среднего уровня до высокого способствует снижению выраженности состояния психического выгорания. Полученные результаты можно рассматривать в качестве оснований разработки программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов по преодолению у них состояния психического выгорания.

Ключевые слова: *стилевые особенности саморегуляции поведения; состояние психического выгорания; сотрудники правоохранительных органов.*

На современном этапе развития психологической науки проблема психического выгорания сотрудников правоохранительных органов не теряет своей актуальности. И это связано с рядом специфических условий, в которых реализуется их профессиональная деятельность: необходимостью выполнения служебных обязанностей в жестко ограниченные сроки, постоянным взаимодействием с асоциальным контингентом, травмированием или ранениями, принятием рискованных решений, несоответствием между готовностью к самостоятельности в реализации профессиональных задач и определением средств достижения целей деятельности и др. [1, 2]. Эти специфические условия как провоцируют возникновение психического выгорания [3–5], так и предъявляют повышенные требования к физическим и психическим ресурсам его преодоления [6, 7].

В современном научном понимании психическое выгорание представляет собой состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы и проникающее во все подструктуры личности (эмоциональную, мотивационную, когнитивную) и нарушающее их оптимальное функционирование [8–10].

В этой связи психологическая практика диктует необходимость как поиска эффективных способов преодоления психического выгорания, так и изучения его предельных характеристик, определяющих границы коррекционно-профилактических мероприятий.

Общий объем выборки участников исследования включал 100 сотрудников правоохранительных органов мужского пола в возрасте от 22 до 44 лет со стажем профессиональной деятельности от 2 до 18 лет.

В эмпирическом исследовании использовались следующие тестовые методики: опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [11], опросник на выгорание МВІ (С. Maslach, S.E. Jackson; в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [Там же]. В группу методов количественной и качественной оценки данных вошли методы описательный и сравнительный, а также метод структурно-психологического анализа А.В. Карпова [12].

Результаты ранее проведенных исследований указывают на то, что возникновение и развитие состояния психического выгорания связано с нарушениями психологических механизмов регуляции [13], в частности саморегуляции. В нашем исследовании в качестве методологических оснований принимаем концепцию саморегуляции В.И. Моросановой и метасистемный подход А.В. Карпова [12] к преодолению психического выгорания [13]. Согласно метасистемному подходу интегрирующим качеством профессиональной деятельности выступает такая метакогнитивная способность, как саморегуляция, затрагивающая различные системные уровни (профессиональный, личностный, социально-психологический) и коррелирующая с психическим выгоранием [13]. По мнению В.И. Моросановой [13], саморегуляция представляет собой внутреннюю целенаправленную активность, открытую информационную систему, реализуемую взаимодействием функциональных звеньев, основанием для выделения которых служат присущие им специфические регуляторные функции, системно взаимодействующие в общем процессе регуляции.

К основным звеньям саморегуляции относят планирование, программирование, моделирование, оценивание результатов, а к регуляторно-личностным, или инструментальным, свойствам личности – самостоятельность, надежность, гибкость и т.д. При этом сформированность целостной системы саморегуляции определяет успешность различных видов практической деятельности, в то время как недостаточная реализация какого-либо функционального компонента саморегуляции, неразвитость ее межфункциональных связей значительно ограничивают эффективность деятельности. Так, при относительно равной развитости всех компонентов саморегуляции регуляторный профиль является гармоничным, а при наличии выраженных различий в уровне сформированности компонентов – акцентуированным. В акцентуированных стилях саморегуляции специфика индивидуального профиля детерминирована развитостью регуляторно-личностных свойств, которые являются стилеобразующими. Гармоничные стили саморегуляции, включающие в свою структуру высокоразвитые и взаимосвязанные стилевые особенности регуляторики, являются существенной предпосылкой высоких

достижений в различных видах деятельности. Под стилевыми особенностями саморегуляции понимают такие особенности саморегуляции человека, которые устойчиво проявляются в различных видах произвольной активности, поведении и практической деятельности. Таким образом, стилевые особенности саморегуляции поведения мы рассматриваем как ресурс преодоления психического выгорания, предполагающий, что через их оптимизацию можно воздействовать и на состояние психического выгорания.

Цель исследования состоит в изучении взаимосвязи стилевых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов.

В нашем исследовании взаимосвязь стилевых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания рассматривается через взаимообусловленность этих психологических феноменов при их различной выраженности (низкой / средней / высокой).

Состояние психического выгорания сотрудников правоохранительных органов выступает в качестве объекта исследования.

Стилевые особенности саморегуляции поведения в преодолении состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов являются предметом исследования.

Общая гипотеза исследования состоит в существовании значимой взаимообусловленности стилевых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов.

Частные гипотезы исследования: существуют статистически значимые взаимосвязи стилевых особенностей саморегуляции и состояния психического выгорания; существуют статистически значимые различия в выраженности стилевых особенностей саморегуляции поведения при различной выраженности состояния психического выгорания; существуют статистически значимые различия в выраженности структурных элементов состояния психического выгорания при различной выраженности саморегуляции; существуют различия в структурной организации стилевых особенностей саморегуляции поведения при различной выраженности состояния психического выгорания.

Анализ средних значений показателей стилевых особенностей саморегуляции поведения, полученных с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения» (В.И. Моросанова) [11], свидетельствует о сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности сотрудников правоохранительных органов: все диагностируемые показатели имеют среднюю выраженность: «общий уровень саморегуляции» – $X_{cp} = 27,22 \pm 5,04$; «планирование» – $X_{cp} = 5,84 \pm 1,33$; «моделирование» – $X_{cp} = 4,44 \pm 2,12$; «программирование» – $X_{cp} = 5,52 \pm 1,55$; «оценивание результатов» – $X_{cp} = 4,01 \pm 1,74$; «гибкость» – $X_{cp} = 4,66 \pm 1,44$; «самостоятельность» – $X_{cp} = 4,36 \pm 2,08$.

Изучение средних значений показателей структурных элементов состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов

осуществлялось с использованием опросника на выгорание МВИ (С. Maslach, S.E. Jackson; в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [11] и засвидетельствовало среднюю выраженность элемента «эмоциональное истощение» ($X_{cp} = 19,68 \pm 5,38$), а также высокую – элементов «деперсонализация» ($X_{cp} = 19,22 \pm 1,49$) и «редукция персональных достижений» ($X_{cp} = 29,44 \pm 3,69$). Таким образом, сотрудники правоохранительных органов испытывают состояние психического выгорания, о чем также свидетельствует высокое значение индекса состояния психического выгорания $X_{cp} = 68,34 \pm 9,81$.

Средние значения показателей стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность состояния психического выгорания, указывают на одинаковую представленность таких регуляторных процессов, как «планирование» и «программирование», а также регуляторно-личностного свойства «гибкость» и общего уровня саморегуляции, находящихся в пределах средних значений (табл. 1).

Таблица 1

Значимость различий в выраженности стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность состояния психического выгорания (U -критерий Манна–Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп} \leq U_{кр}$)

Наименование показателя	Выраженность состояния психического выгорания						(1)–(2)		(2)–(3)	
	Низкая (1)		Средняя (2)		Высокая (3)		$U_{эмп}$	p	$U_{эмп}$	p
	$X_{cp} \pm \sigma_x$	Качественный	$X_{cp} \pm \sigma_x$	Качественный	$X_{cp} \pm \sigma_x$	Качественный				
Планирование	6,74 ± 0,98	Средний	5,96 ± 0,71	Средний	5,15 ± 1,46	Средний	159,00**	0,000	230,50*	0,011
Моделирование	4,41 ± 2,50	Средний	3,89 ± 2,17	Низкий	4,89 ± 1,89	Средний	326,00	0,498	260,50	0,069
Программирование	5,81 ± 1,30	Средний	5,37 ± 1,31	Средний	5,37 ± 1,88	Средний	307,00	0,304	359,50	0,929
Оценивание результатов	4,26 ± 1,87	Средний	3,67 ± 1,84	Низкий	3,93 ± 1,59	Низкий	302,50	0,274	320,50	0,438
Гибкость	5,74 ± 1,16	Средний	4,15 ± 1,10	Средний	4,33 ± 1,24	Средний	124,50**	0,000	323,50	0,464
Самостоятельность	5,81 ± 2,11	Средний	3,70 ± 1,30	Низкий	3,89 ± 2,08	Низкий	143,00	0,000	337,5	0,635
Общий уровень саморегуляции	28,63 ± 5,15	Средний	26,07 ± 4,19	Средний	27,15 ± 4,87	Средний	277,00	0,128	323,00	0,471

Примечание. * – статистическая значимость при $p \leq 0,05$; ** – статистическая значимость при $p \leq 0,01$.

У «невыгоревших» сотрудников правоохранительных органов все диагностируемые регуляторные процессы и регуляторно-личностные свойства соответствуют зоне средних значений, т.е. являются сформированными, и их индивидуальный регуляторный профиль является гармоничным (см. табл. 1). При этом статистические результаты сравнения выраженности стилиевых особенностей саморегуляции поведения при различной выраженности психического выгорания (низкой / средней / высокой) свидетельствуют о том, что у «невыгоревших» сотрудников правоохранительных органов и имеющих среднюю выраженность состояния психического выгорания в большей степени, нежели при высокой выраженности, сформирована потребность в осознанном планировании деятельности ($U_{\text{эмп}} = 159,0^{**}$ при $p = 0,000$; $U_{\text{эмп}} = 230,50^*$ при $p = 0,011$) (см. табл. 1) с присущими ему индивидуальными особенностями выдвижения и удержания целей. «Невыгоревшие» сотрудники правоохранительных органов, в сравнении с теми, кто подвержен его влиянию, обладают большей регуляторной гибкостью ($U_{\text{эмп}} = 124,5^{**}$ при $p = 0,000$) и регуляторной самостоятельностью ($U_{\text{эмп}} = 143,0^{**}$ при $p = 0,000$) (см. табл. 1), т.е. способностью самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности, а также перестраивать, вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий.

При средней и высокой выраженности состояния психического выгорания такой регуляторный процесс, как «оценивание результатов», а также регуляторно-личностное свойство «самостоятельность» являются несформированными (см. табл. 1). То есть сотрудники правоохранительных органов, испытывающие состояние психического выгорания, имеют несбалансированный или акцентуированный профиль регуляции.

Сравнительный анализ средних значений показателей состояния психического выгорания при различной выраженности общего уровня саморегуляции поведения засвидетельствовал статистическую достоверность различий при низком уровне саморегуляции (табл. 2).

Таким образом, акцентуированный профиль саморегуляции поведения детерминирует состояние психического выгорания.

Проведенный корреляционный анализ взаимосвязей между показателями стилиевых особенностей саморегуляции поведения и структурных элементов состояния психического выгорания подтвердил гипотезу об их наличии (табл. 3).

Значимые и высоко значимые корреляционные взаимосвязи отрицательной направленности слабой и умеренной степени выраженности выявлены между всеми показателями состояния психического выгорания и такими показателями стилиевых особенностей саморегуляции поведения, как «планирование», «гибкость» и «самостоятельность». Эмоциональное истощение, в отличие от элементов «деперсонализация», «редукция персональных достижений», отрицательно и слабо связано с показателями «гибкость» ($r = -0,22$) и «самостоятельность» ($r = -0,22$).

Таблица 2

Значимость различий в выраженности состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность общего уровня саморегуляции поведения (U -критерий Манна–Уитни, $p \leq 0,05$; $U^*_{эмп} \leq U_{кр}$)

Наименование показателя	Выраженность общего уровня саморегуляции						(1)–(2)		(2)–(3)	
	Низкая (1)		Средняя (2)		Высокая (3)		$U_{эмп}$	p	$U_{эмп}$	p
	$X_{ср} \pm \sigma_x$	Качественный	$X_{ср} \pm \sigma_x$	Качественный	$X_{ср} \pm \sigma_x$	Качественный				
Эмоциональное истощение	16,89 ± 1,74	Средний	21,67 ± 6,32	Средний	20,59 ± 5,85	Средний	192,00**	0,002	334,00	0,580
Деперсонализация	18,67 ± 1,52	Высокий	19,70 ± 1,41	Высокий	19,41 ± 1,45	Высокий	217,50**	0,005	315,50	0,359
Редукция персональных достижений	27,78 ± 2,53	Высокий	31,04 ± 4,11	Средний	30,22 ± 4,21	Высокий	202,50**	0,002	324,50	0,457
Индекс психического выгорания	63,33 ± 5,62	Высокий	72,41 ± 11,27	Высокий	70,22 ± 10,75	Высокий	196,00**	0,002	334,50	0,595

Примечание. * – статистическая значимость при $p \leq 0,05$; ** – статистическая значимость при $p \leq 0,01$.

Таблица 3

Значимые корреляции стилевых особенностей саморегуляции поведения и структурных элементов состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов

Наименование показателя	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция персональных достижений	Индекс психического выгорания
Планирование	-0,40**	-0,45**	-0,42**	-0,45**
Моделирование	0,10	0,03	0,07	0,09
Программирование	-0,03	-0,16	-0,18	-0,11
Оценивание результатов	-0,16	-0,14	-0,15	-0,17
Гибкость	-0,22*	-0,39**	-0,30**	-0,30**
Самостоятельность	-0,27**	-0,41**	-0,35**	-0,34**
Общий уровень саморегуляции	-0,10	-0,16	-0,15	-0,14

* – статистическая значимость при $p \leq 0,05$

** – статистическая значимость при $p \leq 0,01$

Отрицательные корреляционные взаимосвязи «индекса психического выгорания» с указанными стилевыми особенностями саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов позволяют прогнозировать снижение выраженности состояния психического выгорания при усилении процессов планирования, гибкости и самостоятельности. Таким образом, автономность сотрудников правоохранительных органов, их

способность самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности, а также способность вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий способствуют преодолению состояния психического выгорания (см. табл. 3).

Исследование стиливых особенностей саморегуляции поведения как ресурса преодоления психического выгорания осуществлялось с помощью метода структурно-психологического анализа А.В. Карпова [12] для разных групп сотрудников правоохранительных органов, характеризующихся значимо различающимся уровнем (низким / средним / высоким) как общей саморегуляции поведения, так и психического выгорания.

Метод структурно-психологического анализа предусматривал нахождение матриц интеркорреляций стиливых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания при различной выраженности этих психологических феноменов, а также расчета системы структурных индексов: индекса когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности (ИОС). Индекс когерентности структуры определялся как функция положительных значимых связей в структуре и меры их значимости; индекс дивергентности (дифференцированности) структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры, или эффективности ее функционирования, (ИОС) – как разница «весов» положительных и отрицательных связей. При этом связям, значимым при $p = 0,01$, приписывался весовой коэффициент 3 балла, при $p = 0,05$ – 2 балла, при $p = 0,10$ – 1 балл. Полученные по всей структуре «веса» интеркорреляционных связей стиливых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания суммировались, что определяло значения указанных индексов [12].

Гомогенность-гетерогенность структур стиливых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания в зависимости от выраженности этих психологических феноменов (низкая / средняя / высокая) сотрудников правоохранительных органов определялась с использованием метода экспресс- χ^2 [12], содержание которого сводилось к определению коэффициента ранговой корреляции между двумя ранговыми распределениями, представленными в последовательности структурных «весов». Наличие значимых положительных корреляционных взаимосвязей указывало на принципиальное подобие сравниваемых структур, незначимых корреляций – на их гетерогенность [12].

Матрицы интеркорреляций и, соответственно, структурная организация стиливых особенностей саморегуляции поведения определялись дифференцированно для разных групп испытуемых, характеризующихся различной выраженностью состояния психического выгорания (низкой / средней / высокой), и сформированных на основе метода полярных (контрастных) групп (Д. Фланаган).

Структурный анализ интеркорреляционных взаимосвязей показателей стиливых особенностей саморегуляции поведения сотрудников

правоохранительных органов с различной выраженностью состояния психического выгорания указал на общее и особенное (рис. 1):

– независимо от выраженности психического выгорания все статистически значимые (при $p < 0,05$) и высокосignимые (при $p < 0,01$) корреляционные взаимосвязи характеризуются положительной направленностью;

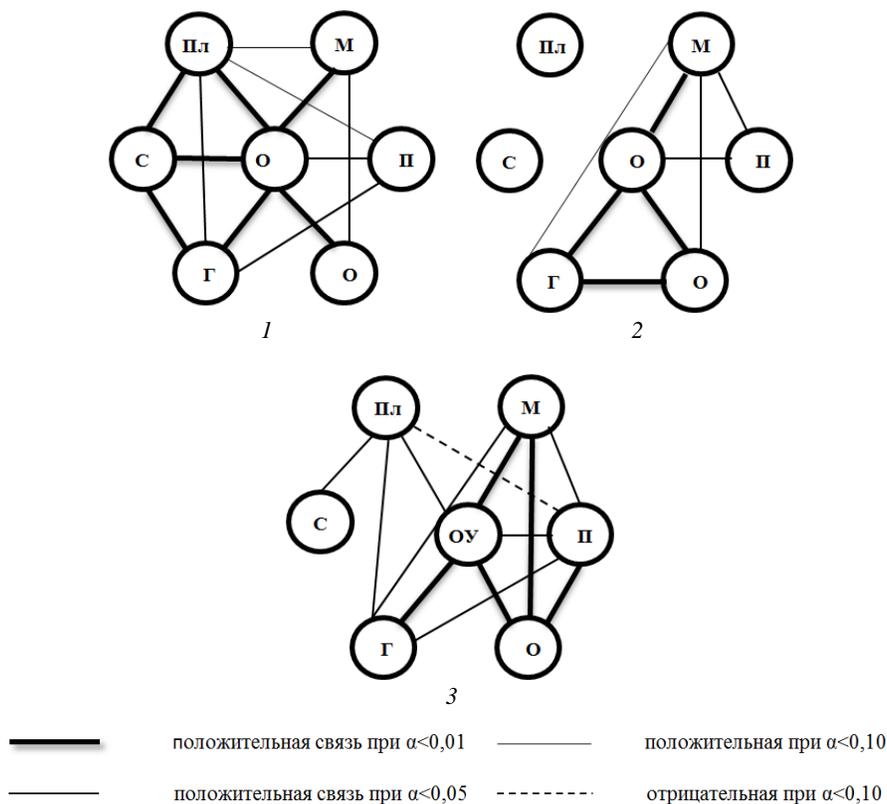

Рис. 1. Структурограмма стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов при различной выраженности психического выгорания: 1 – высокая; 2 – средняя; 3 – низкая. Пл – планирование; М – моделирование; С – самостоятельность; Г – гибкость; П – программирование; О – оценивание; Р – результат; ОУ – общий уровень

– при высокой выраженности психического выгорания высокосignимые (при $p < 0,01$) корреляционные взаимосвязи выявлены между такими стилевыми особенностями саморегуляции поведения, как: «общий уровень саморегуляции»–«моделирование» ($r = 0,50$); «общий уровень саморегуляции»–«планирование результатов» ($r = 0,48$); «общий уровень саморегуляции»–«гибкость» ($r = 0,66$); «общий уровень саморегуляции»–«оценивание результатов» ($r = 0,60$); «общий уровень саморегуляции»–«самостоятельность» ($r = 0,52$); при средней выраженности психического выгорания –

между стилевыми особенностями саморегуляции поведения: «общий уровень саморегуляции»–«моделирование» ($r = 0,66$); «общий уровень саморегуляции»–«гибкость» ($r = 0,65$); «общий уровень саморегуляции»–«оценивание результатов» ($r = 0,61$); при низкой выраженности психического выгорания – между стилевыми особенностями саморегуляции поведения: «общий уровень саморегуляции»–«моделирование» ($r = 0,73$); «общий уровень саморегуляции»–«гибкость» ($r = 0,60$); «общий уровень саморегуляции»–«оценивание результатов» ($r = 0,56$); «оценивание результатов»–«программирование» ($r = 0,51$); «оценивание результатов»–«моделирование» ($r = 0,78$);

– при высокой выраженности психического выгорания значимые (при $p < 0,05$) корреляционные взаимосвязи выявлены между стилевыми особенностями саморегуляции поведения: «общий уровень саморегуляции»–«программирование» ($r = 0,38$); «моделирование»–«оценивание результатов» ($r = 0,41$); «программирование»–«гибкость» ($r = 0,39$); «планирование»–«гибкость» ($r = 0,36$); при средней выраженности психического выгорания – между стилевыми особенностями саморегуляции поведения: «моделирование»–«оценивание результатов» ($r = 0,36$); «моделирование»–«программирование» ($r = 0,41$); «общий уровень саморегуляции»–«программирование» ($r = 0,41$); при низкой выраженности психического выгорания – между стилевыми особенностями саморегуляции поведения: «планирование»–«самостоятельность» ($r = 0,40$); «планирование»–«гибкость» ($r = 0,38$); «гибкость»–«моделирование» ($r = 0,42$); «общий уровень саморегуляции»–«программирование» ($r = 0,43$); «программирование»–«гибкость» ($r = 0,39$); «моделирование»–«программирование» ($r = 0,36$).

Общими по выраженности во всех системах регуляторных факторов психического выгорания, обеспечивающих как высокую, так и среднюю и низкую его выраженность, а значит, и преодоление его воздействия, оказались интеркорреляции общего уровня саморегуляции с гибкостью, оцениванием результатов, моделированием, программированием, а также между оцениванием результатов и моделированием.

Мера интегрированности структуры стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов в зависимости от выраженности состояния психического выгорания различна, является самой низкой при его среднем уровне (ИОС = 42) и самой высокой при высоком (ИОС = 62), представляя собой U-образную кривую (табл. 4).

Таблица 4

Мера интегрированности структуры стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов с различной выраженностью состояния психического выгорания

Мера интегрированности структуры стилевых особенностей саморегуляции поведения	Выраженность состояния психического выгорания		
	Низкая	Средняя	Высокая
ИКС	60	42	62
ИДС	2	0	0
ИОС	58	42	62

Таким образом, высокий уровень осознанной саморегуляции, наибольшая успешность овладения сотрудниками правоохранительных органов новыми видами деятельности диагностированы при высокой выраженности состояния психического выгорания, что, предположительно, обусловлено спецификой условий и содержания их профессиональной деятельности в его преодолении.

Общими базовыми качествами структур стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов как при низкой, так и при средней и высокой выраженности состояния психического выгорания выступают общий уровень саморегуляции и гибкость (табл. 5)

Таблица 5

Базовые качества структур стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность состояния психического выгорания

Наименование показателя	Высокая выраженность психического выгорания				Средняя выраженность психического выгорания				Низкая выраженность психического выгорания			
	E_+	E_-	E_0	ранг	E_+	E_-	E_0	ранг	E_+	E_-	E_0	ранг
Планирование	10	0	10	2,5	0	0	0	6,5	5	1	4	6
Моделирование	6	0	6	5	8	0	8	2,5	10	0	10	2
Программирование	5	0	5	6,5	4	0	4	5	9	1	8	5
Оценивание результатов	5	0	5	6,5	8	0	8	2,5	9	0	9	3,5
Гибкость	10	0	10	2,5	7	0	7	4	9	0	9	3,5
Самостоятельность	9	0	9	4	0	0	0	6,5	2	0	2	7
Общий уровень саморегуляции	17	0	17	1	11	0	11	1	12	0	12	1

Итак, способность осознанно инициировать и управлять произвольной активностью, перестраивать, вносить коррективы в систему саморегуляции при возникновении непредвиденных обстоятельств, быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий выступает ресурсом преодоления состояния психического выгорания.

Структуры стилевых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов при средней и высокой выраженности состояния психического выгорания являются разнородными (в связи с отсутствием статистической достоверности в корреляционных взаимосвязях между рангами структур: $R = 0,09$ при $p = 0,843$ и $R = 0,22$ при $p = 0,635$) и подобными – при низкой и средней выраженности психического выгорания ($R = 0,96^{**}$ при $p = 0,000$). Таким образом, состояние психического выгорания детерминирует стилевые особенности саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов.

Мера интегрированности структуры психического выгорания сотрудников правоохранительных органов в зависимости от выраженности

стилевых особенностей саморегуляции поведения различна, представляет собой инвертированную U-образную кривую, является самой высокой при средней ее выраженности (ИОС = 18) и низкой – при высокой (ИОС = 14) (табл. 6).

Таблица 6

Мера интегрированности структуры состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность стиливых особенностей саморегуляции поведения

Мера интегрированности структуры состояния психического выгорания	Выраженность общего уровня саморегуляции		
	Низкая	Средняя	Высокая
ИКС	14	16	14
ИДС	0	0	0
ИОС	14	18	14

Таким образом, оптимизация уровня саморегуляции поведения от среднего предела до высокого способствует снижению выраженности состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов.

Структурограммы состояния психического выгорания при различной выраженности стиливых особенностей саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов представлены на рис. 2, а базовые качества структур состояния психического выгорания отображены в табл. 7.

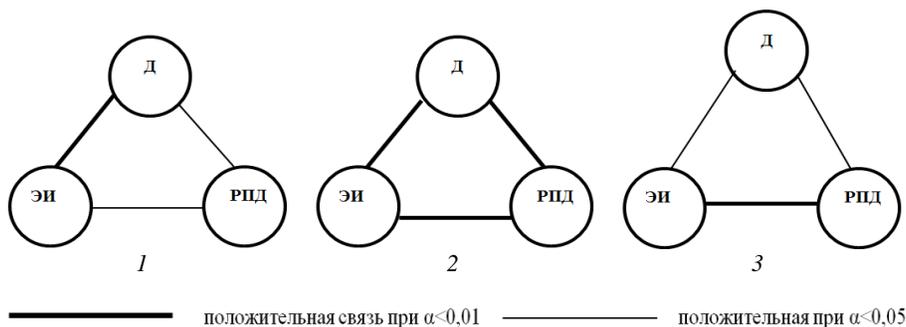

Рис. 2. Структурограмма состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов при различной выраженности стиливых особенностей саморегуляции поведения: 1 – низкая; 2 – средняя; 3 – высокая. ЭИ – эмоциональное истощение; Д – деперсонализация; РПД – редукция персональных достижений

Анализ структур состояния психического выгорания в зависимости от выраженности стиливых особенностей саморегуляции поведения (низкая / средняя / высокая) сотрудников правоохранительных органов с использованием метода χ^2 засвидетельствовал их разнородность в связи с отсутствием статистической достоверности в корреляционных взаимосвязях между рангами структур: $R = 0,50$ при $p = 0,67$. Таким образом, стиливые особенности саморегуляции поведения сотрудников правоохранительных органов выступают детерминантой состояния психического выгорания.

Базовые качества структур состояния психического выгорания сотрудников правоохранительных органов, имеющих различную выраженность стилевых особенностей саморегуляции поведения

Наименование показателя	Высокая выраженность стилевых особенностей саморегуляции поведения				Средняя выраженность стилевых особенностей саморегуляции поведения				Низкая выраженность стилевых особенностей саморегуляции поведения			
	E_+	E_-	E_0	ранг	E_+	E_-	E_0	ранг	E_+	E_-	E_0	ранг
Эмоциональное истощение	4	0	4	3	5	0	5	2,5	4	0	4	3
Деперсонализация	5	0	5	1,5	5	0	5	2,5	5	0	5	1,5
Редукция личных достижений	5	0	5	1,5	6	0	6	1	5	0	5	1,5

Результаты исследования взаимосвязи стилевых особенностей саморегуляции поведения и состояния психического выгорания подтвердили гипотезу о существовании значимой их взаимообусловленности у сотрудников правоохранительных органов, что позволило сформулировать следующие выводы: недостаточная сформированность осознанной саморегуляции структурно обуславливает состояние психического выгорания; выявленные с помощью метода структурно-психологического анализа А.В. Карпова пределы оптимизации выраженности стилевых особенностей саморегуляции поведения от среднего до высокого уровня, когда они являются эффективными в преодолении состояния психического выгорания, можно рассматривать в качестве оснований разработки программы психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов; гибкость регуляторики обеспечивает пластичность всех регуляторных процессов и позволяет при возникновении непредвиденных обстоятельств адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска, что способствует преодолению состояния психического выгорания.

Литература

1. Ахрямкина Т.А., Горохова М.Ю. Специфика феномена «эмоционального выгорания» у сотрудников правоохранительных органов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Психология. 2009. № 2 (6). С. 104–115.
2. Корехова М.В., Новикова И.А., Соловьев А.Г. Особенности проявлений психической дезадаптации у сотрудников правоохранительных органов с разным стажем работы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 2. С. 67–72.
3. Никишина В.Б., Молчанова Л.Н., Недурева Т.В. Состояние «выгорания»: детерминация, феноменология, генезис, измерение. Курск, 2007. 381 с.
4. Молчанова Л.Н., Редькин А.И. Жизнестойкость как детерминанта состояния психического выгорания у спасателей МЧС // Перспективы науки и образования. 2014. № 1 (7). С. 216–23.

5. Молчанова Л.Н. Закономерности трансформации состояния психического выгорания у представителей экстремальных профессий // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 161–171.
6. Молчанова Л.Н., Недуруева Т.В., Кузнецова А.А. Жизнестойкость как психологический ресурс регуляции состояния психического выгорания в условиях экстремальной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 2-1. С. 88–89.
7. Водопьянова Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб, 2014. 49 с.
8. Орёл В.Е. Синдром психического выгорания личности. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. 330 с.
9. Молчанова Л.Н. Внутрипрофессиональная дифференциация состояния выгорания в педагогической деятельности // Казанский педагогический журнал. 2009. № 9–10. С. 124–133.
10. Никишина В.Б., Молчанова Л.Н. Состояния выгорания медицинских работников в контексте внутрипрофессиональной дифференциации // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 986–993.
11. Никишина В.Б., Дроздов А.Г., Запесоцкая И.В., Молчанова Л.Н. Профессионально - личностные деформации врачей: феноменология, детерминация, измерение. М. : Союз, 2010. 688 с.
12. Карпов А.А. Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности / Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2014. 272 с.
13. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–127.

*Поступила в редакцию 14.09.2017 г.; повторно 25.10.2017 г.;
принята 31.10.2017 г.*

Сведения об авторах:

МОЛЧАНОВА Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета Минздрава России (Курск, Россия), E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru

РЕДЬКИН Алексей Игоревич, аспирант кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета Минздрава России (Курск, Россия) E-mail: alex-reds@list.ru

SELF-REGULATION STYLE FEATURES OF BEHAVIOR AS A RESOURCE TO OVERCOME MENTAL BURNOUT CONDITION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 97–111. DOI: 10.17223/17267080/66/7

Molchanova Lyudmila N., Redkin Aleksey Ig., Kursk state medical university (Kursk, Russian Federation).

E-mail: molchanowa.liuda@yandex.ru; alex-reds@list.ru

Keywords: self-regulation style features of behavior; mental burnout condition; law enforcement officers.

The problem of mental burnout among the employees of law enforcement officials is still relevant in psychological science. Its relevance can be explained by a number of specific

conditions in which these professional activities happen. These are the need to perform their duties in strictly limited time, constant interaction with the asocial contingent, injury, risk-taking, discrepancy between willingness to self-reliance and identifying the means of achieving the objectives of the activities, etc. These specific conditions provoke mental burnout, and make high demands on their physical and mental resources to overcome it. In modern scientific meaning mental burnout is a state of physical, emotional and mental exhaustion, manifested in the professions of social sphere and penetrating in all the structures of personality (emotional, motivational, cognitive) that violates their optimal functioning. Psychological practice dictates the need to find effective ways to overcome mental burnout, and study its limiting characteristics, defining the limits of the correctional and preventive measures in this regard.

The article presents the results of our research of self-regulation style features of the law enforcement officers behavior as a resource to overcome mental burnout condition. Flexibility of the regulations provides plasticity of all regulatory processes and allows responding adequately to fast changing events and successfully solve the tasks in situations of risk, thus helping to overcome mental burnout. Optimization of behavioral self-regulation style features ranging from medium to high reduces the severity of mental burnout condition. The obtained results can be considered as a base in developing programs of psychological support for law enforcement officers to overcome mental burnout condition.

References

1. Akhryamkina, T.A. & Gorokhova, M.Yu. (2009) Specificity of emotional burning out in law enforcement officers. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Ser. Psikhologiya – Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Psychology.* 2(6). pp. 104–115. (In Russian).
2. Korekhova, M.V., Novikova, I.A. & Soloviev, A.G. (2013) Osobennosti proyavleniy psikhicheskoy dezadaptatsii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov s raznym stazhem raboty [Specificity of mental disadaptation among law enforcement officers with different experience of work]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychaynykh situatsiyakh.* 2. pp. 67–72.
3. Nikishina, V.B., Molchanova, L.N. & Nedurueva, T.V. (2007) *Sostoyanie “vygoraniya”:* determinatsiya, fenomenologiya, genesis, izmerenie [The state of “burnout”: determinism, phenomenology, genesis, measurement]. Kursk: [s.n.].
4. Molchanova, L.N. & Redkin, A.I. (2014) Zhiznestoykost' kak determinanta sostoyaniya psikhicheskogo vygoraniya u spasateley MChS [Viability as a determinant of the state of mental burnout in rescuers of the Ministry of Emergency Situations]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya.* 1(7). pp. 216–23.
5. Molchanova, L.N. (2013) Zakonomernosti transformatsii sostoyaniya psikhicheskogo vygoraniya u predstaviteley ekstremal'nykh professiy [Regularities of the transformation of the state of mental burnout in representatives of extreme professions]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya.* 4. pp. 161–171.
6. Molchanova, L.N., Nedurueva, T.V. & Kuznetsova, A.A. (2015) Zhiznestoykost' kak psikhologicheskii resurs regulyatsii sostoyaniya psikhicheskogo vygoraniya v usloviyakh ekstremal'noy deyatel'nosti [Viability as a psychological resource of regulation of the state of mental burnout in the conditions of extreme activity]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya.* 2-1. pp. 88–89.
7. Vodopyanova, N.E. (2014) *Resursnoe obespechenie protivodeystviya professional'nomu vygoraniyu sub"ektov truda (na primere spetsialistov “sub”ekt-sub”ektnykh” professiy)* [Resource support of counteraction to professional exhaustion of subjects of work (a case study of experts of person-centered professions)]. Abstract of Psychology Dr. Diss. St. Petersburg.
8. Orel, V.E. (2005) *Sindrom psikhicheskogo vygoraniya lichnosti* [Mental burnout of personality]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.

9. Molchanova, L.N. (2009) Vnutriprofessional'naya differentsiatsiya sostoyaniya vygoraniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti [Intra-professional differentiation of burnout in pedagogical activity]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 9–10. pp. 124–133.

10. Nikishina, V.B. & Molchanova, L.N. (2011) Sostoyaniya vygoraniya meditsinskih rabotnikov v kontekste vnutriprofessional'noy differentsiatsii [Conditions of burnout of medical workers in the context of intra-professional differentiation]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. 24. pp. 986–993.

11. Nikishina, V.B., Drozdov, A.G., Zapesotskaya, I.V. & Molchanova, L.N. (2010) *Professional'no -lichnostnye deformatsii vrachey: fenomenologiya, determinatsiya, izmerenie* [Professional-personal deformities of physicians: phenomenology, determination, measurement]. Moscow: Soyuz.

12. Karpov, A.A. (2014) *Obshchie sposobnosti v strukture metakognitivnykh kachestv lichnosti* [General abilities in the structure of metacognitive qualities of personality]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical Institute.

13. Morosanova, V.I. & Kono, E.M. (2000) Stilevaya samoregulyatsiya povedeniya cheloveka [Style self-regulation of human behavior]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 118–127.

Received 14.09.2017;

Revised 25.10.2017

Accepted 31.10.2017

О.А. Сычев¹, О.А. Казанцева²

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия)

² Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Отношения супругов в браке и психологическое благополучие ребенка дошкольного возраста

Представлены результаты эмпирического исследования предикторов благополучия супружеских отношений, проявляющегося в удовлетворенности отношениями и конфликтности, и его последствий для психологического благополучия ребенка дошкольного возраста. Выборку составили 326 замужних женщин и их детей (3–6 лет). Анализ результатов показал, что выраженность эмоциональных и поведенческих проблем у ребенка слабо, но значимо связана с конфликтностью супружеской пары и удовлетворенностью отношениями. Структурная модель предикторов благополучия супружеских отношений и его последствий для ребенка демонстрирует существенный вклад как социально-демографических факторов (материального положения семьи, образования и занятости мужчин), так и психологических характеристик супругов (склонности к агрессивному поведению в конфликтной ситуации, субъективной контролируемости семейной жизни).

Ключевые слова: семья; конфликтность супругов; удовлетворенность браком; социально-демографические факторы; психологическое благополучие дошкольников.

Известно, что развод родителей повышает риск возникновения у ребенка целого ряда поведенческих и эмоциональных проблем [1]. В то же время результаты некоторых исследований свидетельствуют о том, что аналогичный риск проблем у детей наблюдается в конфликтных семьях с неблагополучными супружескими отношениями даже при отсутствии развода [2]. Неслучайно проблема влияния неблагополучных, конфликтных отношений в супружеской паре на психологическое благополучие ребенка привлекает к себе возрастающий интерес.

Для характеристики благополучия супружеских отношений в мировой психологии используются такие показатели, как конфликтность супругов, супружеская адаптация (*marital adjustment*), удовлетворенность браком и отношениями (*marital satisfaction*) и некоторые другие. Чаще всего они довольно тесно коррелируют друг с другом, что позволяет использовать только некоторые из них. В контексте проблемы детского благополучия основное внимание обычно уделяется конфликтности супругов, хотя удовлетворенность браком и отношениями также заслуживает внимания, так как является более общим показателем благополучия пары. Согласно

данным Дж. Готмана, менее удовлетворенные пары характеризуются большей конфликтностью и гневливостью, упрямством и нежеланием услышать партнера и в целом более склонны к разводу [3].

Среди факторов, оказывающих влияние на благополучие супружеских отношений, выявлен целый ряд социально-демографических характеристик супругов. Существенное позитивное влияние на удовлетворенность отношениями оказывает уровень религиозности супругов, причем данный факт наблюдается как в христианских, так и в мусульманских выборках [4, 5]. Удовлетворенность супругов браком также демонстрирует связь с удовлетворенностью их финансовой ситуацией [6] и уровнем дохода [7]. Неудивительно, что в целом менее благополучные по своим социально-демографическим характеристикам пары демонстрируют относительно низкую удовлетворенность отношениями.

Вместе с тем накапливается все больше данных о том, что неблагополучные отношения в супружеской паре сочетаются с повышенным риском различных психологических проблем у ребенка, таких как нарушения поведения, эмоциональные расстройства, трудности в социальной адаптации, снижение академической успеваемости [8]. Большинство исследований свидетельствует о наличии слабой, но устойчивой связи между конфликтностью в семье и эмоционально-поведенческими проблемами у детей [9].

К числу возможных объяснений этой связи относится негативное влияние на состояние и развитие ребенка стресса и эмоционального напряжения, вызванного родительскими конфликтами. На основе теории привязанности было выдвинуто предположение о том, что для эмоционального развития детей существенное значение имеет внутренняя репрезентация родительских отношений, связанная с чувством защищенности (*emotional security*) в семье, причем конфликтная семейная среда препятствует развитию этого чувства у ребенка [2].

Не исключено также, что связь родительских отношений и проблем ребенка может быть следствием более общих факторов, таких как агрессивность или наличие других негативных личностных особенностей у родителей. Известно, к примеру, что конфликтность родителей коррелирует с их агрессивностью по отношению к детям [10]. Конфликтность в супружеской паре также довольно тесно обратно связана с общим качеством реализации родительских обязанностей [11]. Подобные объяснения выглядят довольно правдоподобно с учетом того, что низкая удовлетворенность браком и отношениями, как уже говорилось выше, более характерна для неблагополучных в социальном плане семей (с невысоким уровнем доходов и образования супругов).

Существуют и другие возможные объяснения такой связи: проблемное поведение ребенка может провоцировать и усугублять конфликты родителей либо причиной может быть наличие общих для родителей и ребенка генетических факторов, однако такие гипотезы чаще всего не подтверждаются. В частности, влияние развода и длительных супружеских конфликтов на поведенческие проблемы у родных и усыновленных детей

примерно одинаково, что опровергает гипотезу о генетических факторах [8]. В лонгитюдном исследовании выраженность проблем у ребенка не предсказывала будущей частоты конфликтов родителей, так что нет оснований считать, что рост конфликтов является следствием детских проблем [Там же]. Таким образом, наиболее вероятно, что именно родительские конфликты и негативный психологический климат в семье прямо или косвенно вызывают эмоциональные и поведенческие проблемы детей.

Несмотря на тот факт, что связь неблагополучных отношений между родителями с психологическими проблемами у детей уже является установленной, остаются вопросы, требующие уточнения. Заслуживает специального внимания вопрос о том, насколько велика роль факторов социально-демографического плана, влияние которых может распространяться как на благополучие супружеских отношений, так и на благополучие детей. Неблагоприятные социально-демографические характеристики могут выступать общим фактором, объясняющим как низкое качество супружеских отношений, так и эмоционально-поведенческие проблемы ребенка. В этой связи существует необходимость анализа социально-демографических характеристик супругов, благополучия их отношений и психологического благополучия ребенка в единой системе отношений.

Целью нашего исследования стал анализ системы предикторов благополучия супружеских отношений и его последствий для психологического благополучия ребенка.

В основу исследования было положено предположение о том, что благополучие отношений супругов, связанное с их социально-демографическими и психологическими характеристиками, является важным фактором психологического благополучия ребенка дошкольного возраста.

Методы исследования

Показатели благополучия отношений супругов

Для диагностики конфликтности как *поведенческого* показателя низкого благополучия отношений супругов использовался ряд шкал, предложенных в исследовании А.И. Пишняк [12]. Для анализа внутрисемейных конфликтов ею был разработан составной индекс напряженности отношений в семье, включающий пять компонент (шкал). В нашем исследовании в качестве самостоятельных показателей использовались три из них: «разногласия между партнерами», «метод выяснения отношений с партнером» и «возможность контролировать семейную жизнь». Первая предполагает оценку частоты конфликтов по девяти различным поводам (например, деньги, отношения с родителями и пр.) по пятибалльной шкале Лайкерта (итоговый показатель вычислялся как среднее значение). Коэффициент надежности α -Кронбаха, по нашим данным, составил 0,75. Именно эта шкала использовалась в качестве основного показателя конфликтности в семье. Необходимо отметить, что аналогичные форме и содержанию шкалы конфликтности применяются и в зарубежных исследованиях (см., напр., [8]).

Второй компонент индекса напряженности А.И. Пишняк позволяет оценить склонность супружеской пары к использованию различных методов выяснения отношений и включает в себя четыре пункта. Первый из них, характеризующий реакцию бегства от конфликта, не показал статистической связи с последующими, поэтому в дальнейшем анализе использовалось только три утверждения, соответствующих спокойному или враждебно-агрессивному поведению в конфликтных ситуациях (α -Кронбаха 0,61).

Третий компонент, характеризующий субъективную контролируемость семейной жизни, измеряется одним заданием с оценкой по четырехбалльной шкале.

В шкалах А.И. Пишняк текст утверждений не связан с возложением ответственности за причины конфликта на одну или другую сторону. Вместо этого используются формулировки во множественном числе, например «ссоримся до крика» (шкала «метод выяснения отношений между партнерами»). Такая форма заданий позволяет избежать пристрастных мнений супругов и получить более объективные данные, однако результаты таких шкал следует рассматривать в качестве характеристик взаимодействия обоих супругов.

В качестве *субъективного* показателя благополучия отношений может рассматриваться удовлетворенность супругов отношениями друг с другом. Для ее диагностики обоим супругам предъявлялась «Шкала оценки отношений» С. Хендрик [13] в адаптации О.А. Сычева [14]. В основу этой шкалы было положено такое понимание удовлетворенности отношениями, которое акцентирует внимание на субъективном эмоциональном опыте взаимоотношений, отражающем общую удовлетворенность психологических потребностей партнеров. Методика представляет собой однофакторную шкалу из семи вопросов, на каждый из которых требуется дать ответ по шкале от 1 до 5 (текст вопросов см. на рис. 2). Данная методика характеризуется экономичностью, четкой факторной структурой и высокой внутренней согласованностью. Внешняя валидность этой шкалы была подтверждена ранее высокими корреляциями с общепринятыми методиками диагностики удовлетворенности браком [Там же]. Надежность шкалы в данном исследовании составила 0,90 (α -Кронбаха).

Показатели социально-демографических характеристик супругов

Для сбора данных о вероятных социально-демографических предикторах удовлетворенности супружескими отношениями была разработана закрытая анкета, направленная на оценку следующих характеристик: тип брака (официальный или фактический), стаж супружеских отношений, возраст вступления в брак, длительность предбрачных отношений, наличие опыта сожительства до брака (с текущим партнером или с другими), религиозность и при условии религиозности частота посещения храма, число детей, наличие детей от другого брака, уровень образования, занятость, затрачиваемое на работу время и субъективная оценка материального положения. Для оценки религиозности использовался вопрос из исследования «Глобальный индекс религиозности и атеизма» фонда «WIN / Gallup International» [15]. В бланках для женщин также присутствовали вопрос о том, состоял ли их

ребенок в возрасте до трех лет на учете у невропатолога, и методика «Шкалы оценки поведения дошкольников». В анкетах для мужчин также были дополнительные вопросы для уточнения показателей, дающих более объективную характеристику материального положения семьи: площадь жилья, приходящаяся на одного члена семьи, проживание в своем жилье или вместе с родственниками, наличие и величина выплат по кредитам, наличие поддержки со стороны родственников.

Показатели психологического благополучия ребенка

В диагностике психологического благополучия взрослых чаще всего применяются методики опросного типа, однако их применение для дошкольников затруднено ввиду недостаточной для работы с такими методиками рефлексии. По этой причине психологическое благополучие ребенка дошкольного возраста было операционализировано как отсутствие объективных признаков неблагополучия – эмоциональных и поведенческих проблем. Для диагностики таких проблем использовалась методика «Шкала оценки поведения дошкольников» [16], разработанная на основе опросника подведения дошкольников Л. Бехар [17, 18]. Методика включает в себя три шкалы. Первая направлена на оценку враждебно-агрессивного поведения ребенка. Высокие показатели по этой шкале говорят о таких поведенческих проблемах ребенка, как агрессивность, конфликтность, неумение ладить со сверстниками и недостаточное дружелюбие, недостаток уважения к взрослым. Вторая шкала предназначена для оценки тревожно-боязливое поведение. Высокие показатели по этой шкале свидетельствуют о наличии повышенной боязливости, тревожности, плаксивости, сниженном эмоциональном фоне. Третья шкала оценивает гиперактивное и импульсивное поведение. Высокие оценки по этой шкале отражают чрезмерную двигательную активность, импульсивность, трудности в поддержании внимания.

В ходе перевода и модификации методики из исходных 30 утверждений были отобраны 15, показывающих, по данным Л. Бехар, наибольшие факторные нагрузки и валидность по отношению к внешним критериям [17]. В полученной русскоязычной версии в каждую из шкал входит по 5 утверждений, кратко описывающих проявления соответствующих поведенческих проблем (подробнее см.: [16]). Воспитатель или родитель дает оценку частоты данного поведения, выбирая один из вариантов ответа: никогда (0 баллов), иногда (1 балл) или часто (2 балла). Трехфакторная структура данной методики хорошо подтверждается результатами конфирматорного факторного анализа (алгоритм WLSMV, $\chi^2 = 185,13$; $df = 87$; $p < 0,001$; CFI = 0,959; TLI = 0,951; RMSEA = 0,059; $N = 326$). О надежности шкал свидетельствуют как высокие значения коэффициентов α -Кронбаха (от 0,75 до 0,84 для разных шкал), так и значимые корреляции оценок, полученных от воспитателя и мамы ребенка (r от 0,37 до 0,48, все значимы при $p < 0,01$).

Методы анализа полученных данных

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью непараметрических критериев и корреляционного анализа в программе Statistica 10. Для выявления социально-демографических предикторов

удовлетворенности женщин супружескими отношениями использовался непараметрический критерий Краскела–Уоллиса. Данный критерий применялся ввиду того, что для многих переменных не выполнялось предположение о равенстве дисперсий, необходимое для проведения дисперсионного анализа в выборках неравного объема. Поскольку целью исследования стал анализ системы предикторов и последствий благополучия отношений супругов, также был использован метод структурного линейного моделирования с помощью программы Mplus 7.2. В ходе моделирования использовался алгоритм WLSMV, который позволяет работать с категориальными зависимыми переменными [19].

Процедура исследования

Для проведения опроса через воспитателей дошкольных образовательных учреждений родителям выдавали конверт с бланками для каждого супруга. После заполнения бланков родители возвращали запечатанный конверт воспитателю, который прикреплял к нему заполненный им бланк шкалы оценки поведения дошкольников и передавал материалы организаторам исследования. Процедура опроса предполагала полностью анонимное участие, фамилии родителей, детей и воспитателей нигде не указывались. Опрос проводился в трех ДООУ г. Барнаула, двенадцати ДООУ г. Бийска и восьми ДООУ Бийского и Зонального районов Алтайского края.

В ходе опроса раздавались анкеты, предназначенные как для женщин, так и для мужчин. В то же время организация опроса не позволяла убедиться в том, что анкеты были заполнены каждым супругом самостоятельно. С учетом того, что подавляющее большинство анкет было передано в семью через женщин и ими же было возвращено в ДООУ, мы рассматривали их как более заинтересованных участников исследования, результаты которых в большей мере заслуживают доверия.

Анализ коэффициентов корреляции между оценками мужчин и женщин по интересующим переменным показал наличие довольно тесных связей. В частности, коэффициент корреляции показателей мужчин и женщин по шкале оценки отношений составил 0,67 ($p < 0,001$; $N = 306$), по шкале конфликтности или частоты разногласий – 0,75 ($p < 0,001$; $N = 306$). Эти значения свидетельствуют о весьма тесной согласованности оценок конфликтности и удовлетворенности отношениями внутри супружеских пар, что также позволяет использовать оценки только одного из супругов или усредненный по супругам показатель. Более предпочтительным, по нашему мнению, является использование в качестве основных данных для анализа отношений в семье сведений, полученных из женских анкет. В пользу этого свидетельствует, во-первых, непосредственная включенность женщин в исследование и, следовательно, более высокая достоверность их данных. Во-вторых, результаты опроса женщин могут иметь большее значение в связи со значительной ролью женщин в жизни семьи и ребенка, а также их меньшей удовлетворенностью отношениями и личной жизнью [14, 20]. По этим причинам дальнейший статистический анализ проводился на данных

о конфликтности и удовлетворенности отношениями в семье, полученных из женских анкет. Дополнительные сведения, которые не были отражены в женских анкетах (например, об образовании или занятости мужчины), были выбраны из мужских анкет.

В исследовании приняли анонимное участие 326 семей, имеющих ребенка дошкольного возраста. Средний стаж семейной жизни в обследованных семьях составил 8,1 года ($SD = 4,13$), средний возраст женщин – 31,4 года ($SD = 4,38$), средний возраст мужчин – 33,2 ($SD = 5,37$). Другие наиболее существенные характеристики выборки (по результатам анализа анкет) приведены в табл. 1.

Таблица 1

Состав и характеристики обследованных семей

Фактор	Значение фактора	N	Доля (%)
<i>Характеристики семей в целом</i>			
Тип брака	Официальный брак	309	94,8%
	Фактический брак	17	5,2%
Место проживания	В городах края	231	70,9%
	В сельских населенных пунктах	95	29,1%
Число общих детей	1 ребенок	145	44,5%
	2 детей	162	49,7%
	3 детей	13	4,0%
	4 детей	2	,6%
	Ребенок/дети только из другого брака	4	1,2%
<i>Характеристики женщин</i>			
Первый / повторный брак	Первый брак	284	87,1%
	Повторный брак	42	12,9%
Образование	Начальное или среднее профессиональное	92	28,3%
	Неоконченное или полное высшее	233	71,7%
Занятость	Безработные	50	15,3%
	Работают временно или неофициально	18	5,5%
	Работают официально на постоянном месте работы	248	76,1%
	Занимаются личным или семейным бизнесом	10	3,1%
<i>Характеристики мужчин</i>			
Первый / повторный брак	Первый брак	278	85,3%
	Повторный брак	48	14,7%
Образование	Начальное или среднее профессиональное	167	51,4%
	Неоконченное или полное высшее	158	48,6%
Занятость	Безработные	11	3,4%
	Работают временно или неофициально	47	14,5%
	Работают официально на постоянном месте работы	223	68,6%
	Занимаются личным или семейным бизнесом	44	13,5%
<i>Характеристики детей</i>			
Пол	Женский	165	50,6%
	Мужской	161	49,4%
Возраст	3 года	58	17,8%
	4 года	82	25,2%
	5 лет	116	35,6%
	6 лет	70	21,5%

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство супружеских пар, принявших участие в исследовании, состоит в официальном браке и имеет 1–2 детей. Семьи с тремя и более детьми составляют менее 5% выборки. Более 85% супругов состоят в первом браке. Обращает на себя внимание неравное распределение супругов по уровню образования: среди женщин доля лиц с высшим образованием существенно выше, чем среди мужчин (различия значимы при $p < 0,001$). Некоторые различия в отношении занятости супругов являются ожидаемыми, однако в целом как для мужчин, так и для женщин типична официальная занятость на постоянном месте работы. В нашей выборке приблизительно в равной мере представлены семьи с детьми младшего и старшего дошкольного возраста.

Обсуждение результатов

Анализ социально-демографических факторов благополучия супружеских отношений

Результаты статистического анализа показали, что наиболее существенным предиктором конфликтности супружеских отношений является оценка женщиной материального положения семьи ($p < 0,01$), причем максимальная конфликтность отмечается в группе, где материальное положение оценивается как тяжелое (среднее значение $M = 2,10$), а минимальная – в группе с хорошим материальным положением ($M = 1,73$). Еще одним фактором, статистически значимо связанным с конфликтностью ($p < 0,05$), оказалось время, которое затрачивает мужчина на работу в среднем в неделю, причем наибольшая конфликтность наблюдается в семьях, где мужские затраты времени на работу минимальны ($M = 2,10$). Наименьшая конфликтность характерна для семей, где мужчина затрачивает на работу значительное, но не максимальное время – от 41 до 60 часов в неделю ($M = 1,79$). Другие социально-демографические факторы не показали связей с конфликтностью.

Больше статистически значимых связей с различными социально-демографическими факторами обнаружилось при анализе удовлетворенности отношениями. С удовлетворенностью женщин значимо связаны число детей в браке ($p < 0,01$), женская оценка материального положения семьи ($p < 0,001$), занятость мужчин ($p < 0,01$; группа семей, в которых мужчина является безработным, не учитывалась ввиду ее малочисленности) и время, которое мужчина затрачивает на работу в среднем в неделю ($p < 0,05$). В последнем случае зависимость имеет нелинейный характер, т.е. наибольшая удовлетворенность наблюдается при оптимальном уровне затрат времени (который оказался довольно высок), в то время как отклонение от него в меньшую и в большую сторону сопровождается снижением удовлетворенности (рис. 1).

Хотя уровень образования мужа показал связь с удовлетворенностью жены лишь на уровне тенденции ($p < 0,06$), можно предполагать, что имеет значение не только образование мужа, но и соотношение образования мужа и жены. В выборке опрошенных семей наиболее типичным является равный уровень образования супругов (в 64% семей). Вместе с тем в 26% семей более

высокий уровень образования демонстрирует жена и только в 6% семей – муж. Статистическое сравнение удовлетворенности в этих группах затруднительно ввиду небольшой численности групп с неравным образованием. Тем не менее можно отметить тенденцию к наибольшей удовлетворенности женщин, мужья которых имеют более высокий уровень образования, чем у жены ($M = 4,72$ в сравнении с $4,25$ в остальных семьях).

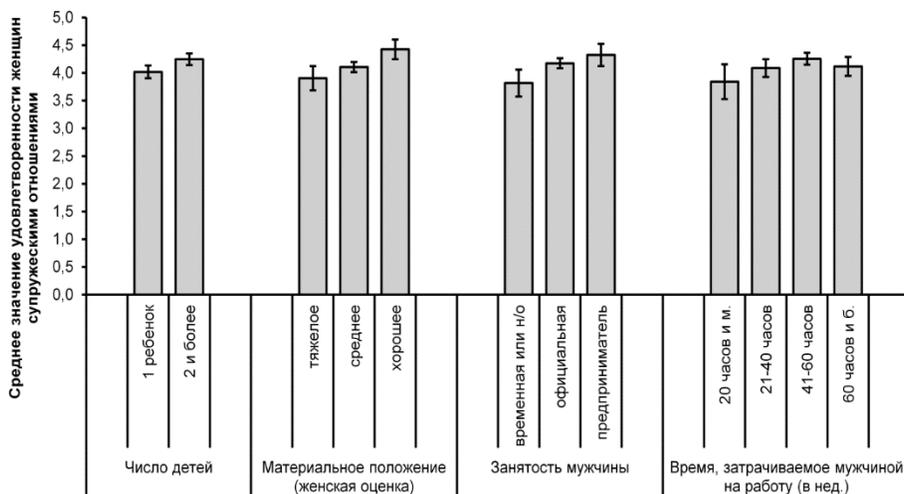

Рис. 1. Средние значения удовлетворенности женщин супружескими отношениями в зависимости от социально-демографических факторов. Приведены только статистически значимые факторы, отрезками отмечены границы 95%-ного доверительного интервала

Средняя удовлетворенность женщин, состоящих в фактическом браке, как видно из табл. 1, оказалась значительно ниже, чем у женщин, состоящих в официальном браке, однако ввиду малочисленности первой категории данные различия не являются статистически значимыми ($p = 0,086$). Интересно также, что, вопреки ожиданиям, не удалось обнаружить влияния на удовлетворенность отношениями религиозности супругов. Из зарубежных исследований известно, что, несмотря на связь различных показателей религиозности со стабильностью и благополучием брака, наибольшее значение имеет регулярное посещение храма [21]. Причиной этого, вероятно, является тот факт, что именно лица, регулярно посещающие храм, являются наиболее убежденными и последовательными носителями традиционных ценностей. В нашей выборке таких женщин оказалось сравнительно немного: хотя большинство определяют себя как религиозных (64,8%), о регулярном посещении храма не менее 1 раза в месяц сообщают лишь 9,5%. По всей видимости, именно этим объясняется отсутствие связи религиозности и удовлетворенности отношениями в нашей выборке.

Анализ связи конфликтности и удовлетворенности с количественными демографическими переменными, выполненный с использованием коэффициентов корреляции Пирсона, показал отсутствие значимой связи

с возрастом супругов, возрастом их вступления в брак, стажем семейной жизни и длительностью периода ухаживаний до вступления в брак.

Различные показатели благополучия отношений (удовлетворенность, конфликтность, способ поведения в конфликтных ситуациях) оказались довольно тесно связаны между собой. Наиболее тесная связь выявлена между удовлетворенностью отношениями и частотой конфликтов по разным поводам ($r = -0,58$; $p < 0,001$). Также весьма существенным является негативный вклад в удовлетворенность агрессивного поведения партнеров в конфликтных ситуациях ($r = -0,42$; $p < 0,001$). Интерес представляет тот факт, что наиболее тесную связь с удовлетворенностью показывают конфликты по поводу денег, частота которых является третьей по величине после конфликтов по поводу домашних обязанностей и воспитания детей.

Анализ факторов психологического благополучия ребенка

Результаты анализа связи социально-демографических факторов с показателями по шкалам опросника поведения дошкольников показали отсутствие статистически значимых эффектов. Это позволяет сделать вывод, что их непосредственное влияние на благополучие ребенка незначительно.

В то же время сопоставление оценок поведения ребенка с показателями конфликтности и удовлетворенности с помощью корреляционного анализа обнаружило наличие целого ряда небольших, но статистически значимых корреляций, как по данным воспитателя, так и по данным матери (табл. 2). Наиболее тесную связь с оценками проблем в поведении ребенка показала удовлетворенность отношениями, в то время как связь показателей конфликтности оказалась несколько слабее.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции проблем в поведении детей с конфликтностью в семье и удовлетворенностью женщин отношениями с супругом

	Частота конфликтов	Агрессивное поведение в конфликтных ситуациях	Удовлетворенность женщин отношениями
<i>Оценка проблем в поведении ребенка воспитателем</i>			
Враждебно-агрессивное поведение	0,13*	0,09	-0,13*
Тревожно-боязливое поведение	-0,04	0,09	-0,06
Гиперактивно-импульсивное поведение	0,08	0,15**	-0,20***
Суммарный показатель	0,08	0,15**	-0,18**
<i>Оценка проблем в поведении ребенка матерью</i>			
Враждебно-агрессивное поведение	0,14*	0,16**	-0,23***
Тревожно-боязливое поведение	0,16**	0,10	-0,17**
Гиперактивно-импульсивное поведение	0,08	0,14*	-0,20***
Суммарный показатель	0,10	0,14*	-0,19**

Примечание. Уровень значимости корреляций: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Из приведенных в табл. 2 результатов следует, что показатели благополучия супружеских отношений демонстрируют слабые, но статистически значимые связи с эмоционально-поведенческими проблемами детей. При этом удовлетворенность отношениями связана с детскими проблемами несколько теснее, чем показатели конфликтности.

Структурное моделирование связей между благополучием супружеских отношений, благополучием ребенка и их социально-демографическими предикторами

Для анализа системы предикторов благополучия супружеских отношений и его влияния на эмоциональные и поведенческие проблемы ребенка было выполнено структурное линейное моделирование. В ходе моделирования использовалась поисковая стратегия, в соответствии с которой на основе начальной модели, включающей выявленные в ходе предшествующего анализа значимые предикторы, осуществлялось ее последовательное уточнение с учетом индексов модификации. При оценке показателей согласованности модели использовались следующие критерии: значения сравнительного индекса согласия (CFI) и индекса согласия Такера–Льюиса (TLI) не менее 0,90 и значение среднеквадратической ошибки аппроксимации RMSEA менее 0,08 свидетельствуют о приемлемом соответствии модели, в то время как о хорошем соответствии говорят значения CFI и TLI от 0,95 и RMSEA менее 0,05 [22, 23].

Полученная в итоге модель, приведенная на рис. 2, показывает приемлемое соответствие эмпирическим данным: $\chi^2 = 935,95$; $df = 696$; $p < 0,001$; CFI = 0,925; TLI = 0,920; RMSEA = 0,033 (90%-ный доверительный интервал: 0,027; 0,038), все путевые коэффициенты статистически значимы при $p < 0,01$ ($N = 326$). Предикторами в этой модели объясняется 71% дисперсии конфликтности, 60,8% дисперсии удовлетворенности женщин супружескими отношениями и 4,4% дисперсии эмоциональных и поведенческих проблем ребенка.

Из представленной на рис. 2 модели следует, что основные показатели благополучия отношений супругов тесно связаны между собой. При этом конфликтность выступает в качестве предиктора удовлетворенности отношениями, объясняя более половины ее дисперсии. Наибольшую факторную нагрузку в факторе частоты конфликтов показывают конфликты по поводу денег (0,60), что отражает центральную роль материальных проблем в семейных конфликтах. О значении материального благополучия свидетельствует также и тот факт, что одним из существенных предикторов частоты конфликтов оказалась женская оценка материального положения, которая, в свою очередь, обратно зависит от уровня образования и занятости мужа.

Важное место среди предикторов конфликтности также принадлежит субъективной контролируемости семейной жизни. Возможность контролировать семейную жизнь, управлять ее по своему усмотрению, с одной стороны, отражает лидирующую позицию в супружеских отношениях. Вместе с тем субъективная контролируемость связана с переживаниями беспомощности или, напротив, самоэффективности в сфере семейной жизни.

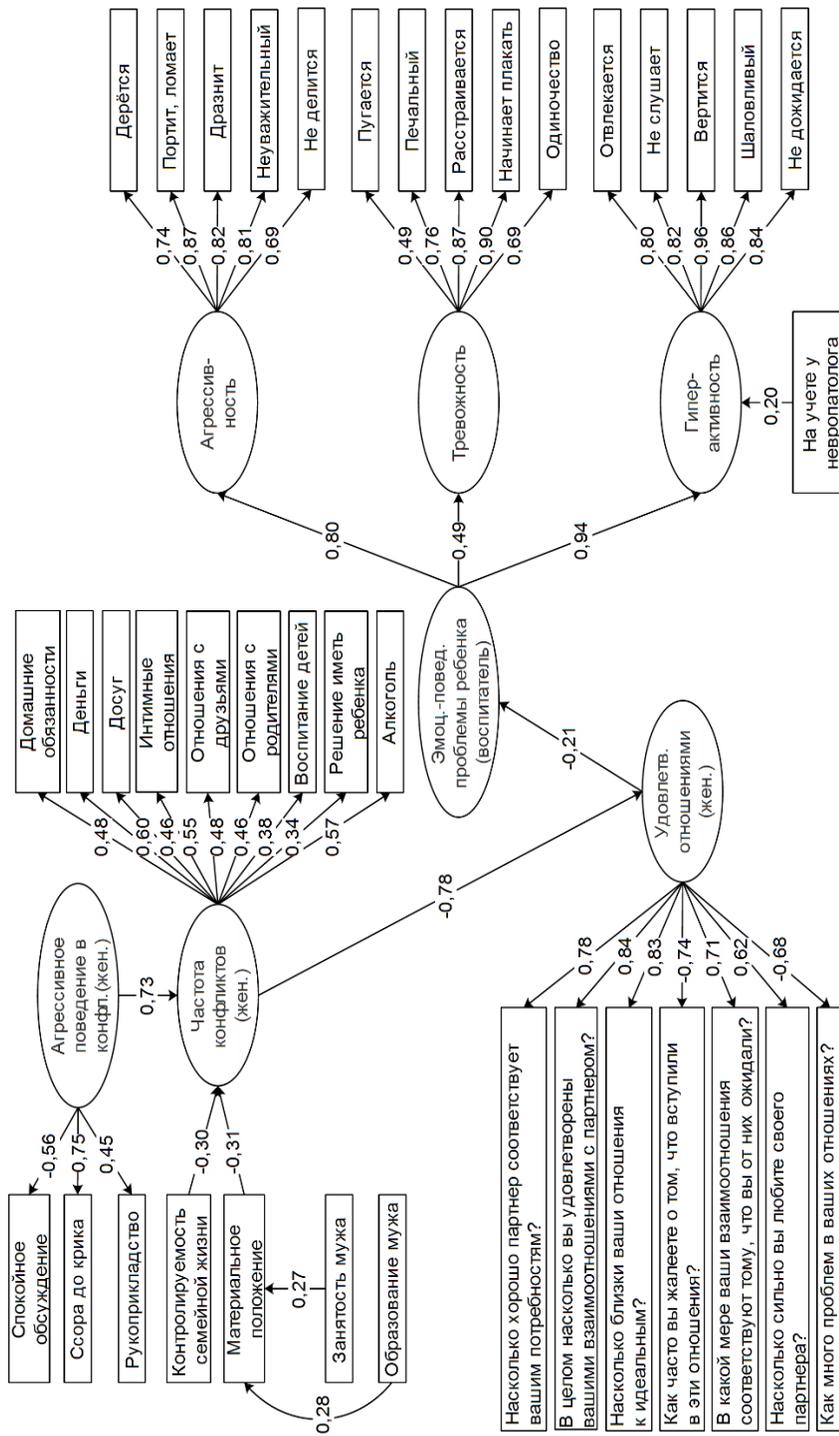

Рис. 2. Модель предикторов благополучия супружеских отношений и их влияния на эмоциональные и поведенческие проблемы ребенка. Остаточные члены (специфичности) опущены для упрощения рисунка. В наименованиях факторов в скобках указан источник сведений

Имеющиеся в психологической литературе данные убеждают в том, что снижение субъективного контроля, связанное с ощущением беспомощности, относится к числу важных факторов снижения благополучия и возникновения стресса и депрессии [24]. В нашем исследовании контролируемость оценивалась всего лишь одним вопросом, так что сложно сказать, какой именно аспект этого явления оказался более существенным. Вместе с тем вклад контролируемости в конфликтность и опосредованно в удовлетворенность отношениями является вполне ожидаемым.

Фактор агрессивного поведения в конфликтных ситуациях оказался тесно связан с фактором частоты конфликтов, через который он опосредованно оказывает влияние на удовлетворенность. Вероятно, в основе агрессивного способа поведения в конфликтных ситуациях лежит низкая компетентность в области конструктивного решения и предотвращения конфликтов. По этой причине супружеские пары с высокими оценками по данному фактору более склонны превращать в конфликт любое разногласие. В то же время использование агрессивных способов поведения в конфликтных ситуациях неизбежно приводит к накоплению обид и ухудшению взаимоотношений с партнером, что также способствует повышению частоты конфликтов в будущем. Подобная интерпретация данного фактора полностью оправдывает его включение в модель в качестве предиктора частоты конфликтов.

Интерес представляет тот факт, что статистически значимый эффект на общий фактор эмоционально-поведенческих проблем дошкольников показал фактор удовлетворенности отношениями, а не фактор конфликтности супругов. Согласно данной модели конфликтность оказывает опосредованное влияние на эмоциональные и поведенческие проблемы ребенка через снижение удовлетворенности отношениями. Величина путевого коэффициента от удовлетворенности к эмоциональным и поведенческим проблемам ребенка указывает на то, что этот эффект является довольно слабым. Относительно небольшая сила влияния семейных факторов на эмоционально-поведенческие проблемы ребенка объясняется, по всей видимости, наличием множества других существенных факторов, к числу которых в первую очередь относятся нарушения в развитии ЦНС ребенка. В качестве приблизительного индикатора наличия подобных нарушений рассматривалась дихотомическая переменная «состоял на учете у невропатолога в возрасте до 3 лет». Эта переменная показала небольшую, но статистически значимую связь только с фактором гиперактивности. Следует отметить, что оценка силы связи может оказаться неточной ввиду того, что услуги детского невропатолога малодоступны в сельских районах края и г. Бийске (что составляет 69% выборки).

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что благополучие супружеских отношений предсказывает эмоциональное и поведенческое благополучие детей дошкольного возраста. Конфликтность и низкая удовлетворенность супругов отношениями сочетается не только с повышенной агрессивностью ребенка, но и с тревожностью, сниженным настроением, а также с гиперактивно-импульсивным поведением. Этот

вывод хорошо согласуется с данными о том, что конфликтность и неблагополучие в родительских отношениях приводят к широкому спектру негативных эмоциональных и поведенческих последствий у детей [2, 8].

К числу наиболее важных предикторов благополучия супружеских отношений в соответствии с полученными результатами относится субъективная оценка женщиной материального благополучия семьи. Этот факт, по-видимому, отражает существенное значение материальных проблем в развитии отношений супругов. При этом необходимо отметить, что с благополучием отношений связана лишь субъективная оценка материального положения, в то время как более объективные показатели, собранные в ходе анкетирования (площадь жилья на одного члена семьи, наличие отдельного жилья, наличие и размер выплат по кредиту и др.) не показали подобной связи. Следовательно, именно субъективная удовлетворенность материальным положением семьи, основанная на индивидуальных стандартах благополучия, имеет существенное значение для благополучия супружеских отношений. Хотя значение материального положения семьи для благополучия отношений было продемонстрировано неоднократно [6, 7], интерес может представлять вывод о том, что субъективная оценка материального положения более важна, чем объективные показатели.

Влияние социально-демографических факторов, связанных с материальным благополучием семьи, на благополучие супружеских отношений и ребенка опосредовано вызванной ими повышенной конфликтностью супругов, которая зависит не только от социально-демографических факторов, но и от субъективной контролируемости семейной жизни, а также от склонности к агрессивному поведению в конфликтных ситуациях. Этот факт может послужить основой для разработки психопрофилактических мер, направленных на предотвращение семейных конфликтов путем повышения коммуникативной компетентности супругов, а также развития у них чувства контролируемости и самоэффективности в области семейной жизни.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в проведенном исследовании использовался корреляционный дизайн, поэтому его результаты не позволяют сделать уверенных выводов о причинно-следственном характере обнаруженных связей между социально-демографическими характеристиками семьи, качеством отношений в супружеской паре и психологическим благополучием ребенка. Выявленные факты могут получить иное объяснение в будущих исследованиях, учитывающих большее число существенных характеристик супругов и ребенка. Тем не менее, учитывая теоретическую обоснованность предположения о причинно-следственной зависимости между качеством отношений в супружеской паре и психологическим благополучием ребенка дошкольного возраста, мы склонны и интерпретировать полученные результаты как важный аргумент в пользу такого предположения.

Выводы

1. Удовлетворенность супружескими отношениями и конфликтность супругов представляют собой тесно взаимосвязанные показатели благополучия

отношений в семье, которые, по существу, могут рассматриваться как поведенческий и когнитивный показатели благополучия отношений в супружеской паре.

2. Благополучие взаимоотношений супругов зависит от их склонности к враждебно-агрессивному поведению в конфликтных ситуациях, субъективной контролируемости семейной жизни и социально-демографических факторов, влияющих на материальное благополучие семьи: занятости и образования мужчины. Материальные проблемы семьи занимают одно из центральных мест среди причин супружеских конфликтов.

3. Женская оценка благополучия супружеских отношений является слабым, но статистически значимым предиктором эмоциональных и поведенческих проблем ребенка дошкольного возраста. Этот факт может рассматриваться как важный аргумент в пользу предположения о влиянии качества супружеских отношений на психологическое благополучие ребенка дошкольного возраста.

Литература

1. Amato P.R. The consequences of divorce for adults and children // *Journal of marriage and family*. 2000. Т. 62, № 4. С. 1269–1287.
2. Davies P.T., Cummings E.M. Marital conflict and child adjustment: an emotional security hypothesis // *Psychological bulletin*. 1994. Vol. 116 (3). P. 387–411.
3. Gottman J.M., Levenson R.W. Marital processes predictive of later dissolution: behavior, physiology, and health. // *Journal of personality and social psychology*. 1992. Vol. 63 (2). P. 221–233. DOI: 10.1037/0022-3514.63.2.221.
4. Orathinkal J., Vansteenwegen A. Religiosity and Marital Satisfaction // *Contemporary Family Therapy*. 2006. Vol. 28 (4). P. 497–504. DOI: 10.1007/s10591-006-9020-0.
5. Fard M.K., Shahabi R., Zardkhaneh S.A. Religiosity and Marital Satisfaction // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 82. P. 307–311. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.266.
6. Archuleta K.L., Britt S.L., Tonn T.J., Grable J.E. Financial satisfaction and financial stressors in marital satisfaction // *Psychological reports*. 2011. Vol. 108 (2). P. 563–576.
7. Dakin J., Wampler R. Money Doesn't Buy Happiness, but It Helps: Marital Satisfaction, Psychological Distress, and Demographic Differences Between Low- and Middle-Income Clinic Couples // *The American Journal of Family Therapy*. 2008. Vol. 36 (4). P. 300–311. DOI: 10.1080/01926180701647512.
8. Amato P.R., Cheadle J.E. Parental divorce, marital conflict and children's behavior problems: A comparison of adopted and biological children // *Social Forces*. 2008. Vol. 86 (3). P. 1139–1161. DOI: 10.1353/sof.0.0025.
9. Fincham F.D., Osborne L.N. Marital conflict and children: retrospect and prospect // *Clinical Psychology Review*. 1993. Vol. 13 (1). P. 75–88. DOI: 10.1016/0272-7358(93)90009-B.
10. Jouriles E.N., Barling J., O'Leary K.D. Predicting child behavior problems in maritally violent families // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 1987. Vol. 15 (2). P. 165–173. DOI: 10.1007/BF00916346.
11. Krishnakumar A., Buehler C. Interparental conflict and parenting behaviors: a meta-analytic review // *Family relations*. 2000. Т. 49, № 1. С. 25–44. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2000.00025.x.
12. Пишняк А.И. Внутрисемейные конфликты: основания, концентрация, детерминанты // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Сиявской. М. : НИСП, 2009. С. 185–204.

13. Hendrick S.S., Dicke A., Hendrick C. The relationship assessment scale // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1998. Vol. 15 (1). P. 137–142. DOI: 10.1177/0265407598151009.
14. Сычев О.А. Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 2. С. 388–409.
15. Global Index of Religiosity and Atheism. Press Release. URL: <http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf> (access date: 15.02.2016).
16. Казанцева О.А., Сычев О.А., Тютерева Т.А. Русскоязычная версия методики «Опросник поведения дошкольников» // *Клиническая и специальная психология*. 2016. Т. 5, № 4. С. 128–142. DOI: 10.17759/cpse.2016050410.
17. Behar L.B. The preschool behavior questionnaire // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 1977. Vol. 5(3). P. 265–275. doi: 10.1007/BF00913697.
18. Behar L., Stringfield S. Manual for the Preschool Behavior Questionnaire. 1974. 16 p.
19. Wang J., Wang X. Structural equation modeling: Applications using Mplus. Structural equation modeling. Chichester : John Wiley & Sons, 2012. 453 p.
20. Черткова Ю.Д., Алексеева О.С., Фоминых А.Я. Взаимосвязь удовлетворенности жизнью, диспозиционных черт личности и Темной триады личностных свойств // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 45. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.04.2016).
21. Fergusson D.M., Horwood L.J., Shannon F.T. A Proportional Hazards Model of Family Breakdown // *Journal of Marriage and Family*. 1984. Vol. 46 (3). P. 539–549. DOI: 10.2307/352596.
22. Bentler P.M. Comparative fit indexes in structural models // *Psychological bulletin*. 1990. Vol. 107 (2). P. 238–246. DOI: 10.1037/0033-2909.107.2.238.
23. Browne M.W., Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit // *Testing structural equation models* / K.A. Bollen & J.S. Long (eds.). Beverly Hills, CA : Sage, 1993. P. 136–162.
24. Folkman S. Personal control and stress and coping processes: a theoretical analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Т. 46, № 4. С. 839–852. DOI: 10.1037/0022-3514.46.4.839.

Поступила в редакцию 28.09.2017 г.; принята 06.10.2017 г.

Сведения об авторах:

СЫЧЕВ Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (Бийск, Россия). E-mail: osn1@mail.ru

КАЗАНЦЕВА Ольга Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Института психологии и педагогики Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: deti@alregn.ru

THE INFLUENCE OF MARITAL RELATIONSHIPS ON PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF A PRESCHOOL CHILD

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 112–129. DOI: 10.17223/17267080/66/8

Sychev Oleg A., Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: osn1@mail.ru

Kazantseva Olga A., Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: deti@alregn.ru

Keywords: family; marital conflicts; marital satisfaction; social and demographic factors; psychological well-being of preschool children.

Previous studies demonstrated that divorce or even unsatisfactory marital relationships entailed higher risk of behavioral and emotional problems in preschool children. From previous

research we also know that some social and demographic characteristics predict low level of marital satisfaction. Unfavorable sociodemographic characteristics of spouses may be a general factor which explains both low quality of marital relationships and emotional or behavioral problems of a child. For this reason there is a need to analyze sociodemographic predictors of marital satisfaction and its influence on psychological well-being of a child in a joint structural model. We supposed that sociodemographic characteristics of spouses predicts high quality of marital relationships (manifested in marital satisfaction and low frequency of conflicts) contributing to psychological well-being of a preschool child. In empirical study of this problem we measured sociodemographic characteristics using constructed for this study questionnaire. To measure marital conflicts we used three scales by A.I. Pishnyak: disagreements between spouses, method of conflict resolution and controllability of marital life. Marital satisfaction was measured using Relationship assessment scale by S. Hendrick (RAS). Psychological well-being of children (operationalized as absence of emotional and behavioral problems) was measured using the revised version of the Preschool behavior questionnaire by L. Behar (PBQ). The sample comprised 326 married women and their children (at the age of 3 to 6). Estimations of children's behavior by PBQ were obtained from both mothers and kindergarten teachers. Correlations showed that level of emotional and behavioral problems in children weakly but significantly related with conflicts in spouses and their marital satisfaction. The structural equation modeling showed that marital satisfaction had weak but significant impact on psychological well-being of child while impact of conflicts was mediated by marital satisfaction. At the same time marital satisfaction showed significant dependence from sociodemographic characteristics (financial status, education and employment of men) and psychological characteristics of spouses (tendency to aggressive behavior in conflicts, controllability of marital life). Due to the fact that in this study the correlational research design was used, the obtained results couldn't be interpreted as the confirmation of cause-and-effect relations. Nevertheless these results provide additional argument for the hypothesis about influence of marital relationships on psychological well-being of a preschool child.

References

1. Amato, P.R. (2000) The consequences of divorce for adults and children. *Journal of Marriage and Family*. 62(4). pp. 1269–1287. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2000.01269.x
2. Davies, P.T. & Cummings, E.M. (1994) Marital conflict and child adjustment: an emotional security hypothesis. *Psychological Bulletin*. 116(3). pp. 387–411.
3. Gottman, J.M. & Levenson, R.W. (1992) Marital processes predictive of later dissolution: behavior, physiology, and health. *Journal of Personality and Social Psychology*. 63(2). pp. 221–233. DOI: 10.1037/0022-3514.63.2.221
4. Orathinkal, J. & Vansteenwegen, A. (2006) Religiosity and Marital Satisfaction. *Contemporary Family Therapy*. 28(4). pp. 497–504. DOI: 10.1007/s10591-006-9020-0
5. Fard, M.K., Shahabi, R. & Zardkhaneh, S.A. (2013) Religiosity and Marital Satisfaction. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 82. pp. 307–311. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.266
6. Archuleta, K.L., Britt, S.L., Tonn, T.J. & Grable, J.E. (2011) Financial satisfaction and financial stressors in marital satisfaction. *Psychological Reports*. 108(2). pp. 563–576.
7. Dakin, J. & Wampler, R. (2008) Money Doesn't Buy Happiness, but It Helps: Marital Satisfaction, Psychological Distress, and Demographic Differences Between Low- and Middle-Income Clinic Couples. *The American Journal of Family Therapy*. 36(4). pp. 300–311. DOI: 10.1080/01926180701647512.
8. Amato, P.R. & Cheadle, J.E. (2008) Parental divorce, marital conflict and children's behavior problems: A comparison of adopted and biological children. *Social Forces*. 86(3). pp. 1139–1161. DOI: 10.1353/sof.0.0025
9. Fincham, F.D. & Osborne, L.N. (1993) Marital conflict and children: retrospect and prospect. *Clinical Psychology Review*. 13(1). pp. 75–88. DOI: 10.1016/0272-7358(93)90009-B

10. Jouriles, E.N., Barling, J. & O'Leary, K.D. (1987) Predicting child behavior problems in maritally violent families. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 15(2). pp. 165–173. DOI: 10.1007/BF00916346.
11. Krishnakumar, A. & Buehler, C. (2000) Interparental conflict and parenting behaviors: A meta-analytic review. *Family Relations*. 49(1). pp. 25–44. DOI: 10.1111/j.1741-3729.2000.00025.x
12. Pishnyak, A.I. (2009) Vnutrisemeinye konflikty: osnovaniya, kontsentratsiya, determinant. [Conflicts in family: Basis, concentration, determinants]. In: Zakharov, S.V., Maleva, T.M. & Sinyavskaya, O.V. (eds) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society]. Moscow: NISP. pp. 185–204.
13. Hendrick, S.S., Dicke, A. & Hendrick, C. (1998) The relationship assessment scale. *Journal of Social and Personal Relationships*. 15(1). pp. 137–142. DOI: 10.1177/0265407598151009
14. Sychev, O.A. (2016) Russian Version of Relationship Assessment Scale. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 13(2). pp. 388–409. (In Russian).
15. WIN-Gallup International. (2012) *Global Index of Religiosity and Atheism. Press Release* [Online] Available from: <http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf>. (Accessed: 21st March 2016)
16. Kazantseva, O.A., Sychev, O.A. & Tyutereva, T.A. (2016) Approbation of Russian Version of the Preschool Behavior Questionnaire. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya – Clinical Psychology and Special Education*. 5(4). pp. 128–142. DOI: 10.17759/cpse.2016050410. (In Russian)
17. Behar, L.B. (1977) The preschool behavior questionnaire. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 5(3). pp. 265–275. DOI: 10.1007/BF00913697
18. Behar, L. & Stringfield, S. (1974) *Manual for the Preschool Behavior Questionnaire*. [s.l.; s.n.]
19. Wang, J. & Wang, X. (2012) *Structural equation modeling: Applications using Mplus. Structural equation modeling*. Chichester: John Wiley & Sons.
20. Chertkova, Yu.D., Alekseeva, O.S. & Fominykh, A.Ya. (2016) Vzaimosvyaz' udovletvorennosti zhizn'yu, dispozitsionnykh chert lichnosti i Temnoi triady lichnostnykh svoystv [Life satisfaction, personality traits and Dark triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya – Psychological Studies*. 9(45). pp. 8. [Online] Available from: <http://psystudy.ru>. (Accessed: 21st March 2016).
21. Fergusson, D.M., Horwood, L.J. & Shannon, F.T. (1984) A Proportional Hazards Model of Family Breakdown. *Journal of Marriage and Family*. 46(3). pp. 539–549. DOI: 10.2307/352596
22. Bentler, P.M. (1990) Comparative fit indexes in structural models. *Psychological Bulletin*. 107(2). pp. 238–246. DOI: 10.1037/0033-2909.107.2.238
23. Browne, M.W. & Cudeck, R. (1993) Alternative ways of assessing model fit. In: Bollen, K.A. & Long, J.S. (eds) *Testing structural equation models*. Beverly Hills, CA: Sage. pp. 136–162.
24. Folkman, S. (1984) Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 46(4). pp. 839–852. DOI: 10.1037/0022-3514.46.4.839.

Received 28.09.2017;

Accepted 06.10.2017

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ. АКМЕОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/66/9

М.О. Климова, Д.А. Циринг

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

Диагностика личностной беспомощности у подростков: разработка и апробация психодиагностического инструментария

Исследование выполнено при поддержке Фонда поддержки молодых ученых Челябинского государственного университета и РФФИ (проект № 17-36-01097)

Описана процедура разработки и апробации методики диагностики личностной беспомощности и самостоятельности у подростков. Приведены результаты анализа психометрических показателей опросника. Разработанная методика является первым самостоятельным инструментом диагностики личностной беспомощности, она позволяет не только упростить процедуру диагностики, но и получить представление об индивидуальных особенностях проявления отдельных структурных компонентов личностной беспомощности у испытуемых.

Ключевые слова: *психодиагностика; психометрия; конструирование тестов; личностная беспомощность; самостоятельность; подростковый возраст.*

Одной из существенных для любого научного психологического исследования является проблема диагностики изучаемых свойств и явлений. Особенно актуальным этот вопрос становится при исследовании малоизученных феноменов и психических особенностей, которые имеют системный характер и включают в себя ряд психологических характеристик. Одним из таких феноменов является личностная беспомощность.

Концепция личностной беспомощности (Д.А. Циринг, Е.В. Веденева, Ю.В. Яковлева, И.В. Пономарева и др.) базируется на понимании данного феномена как «качества субъекта, представляющего собой единство определенных личностных характеристик, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности» [1. С. 185–186].

Личностная беспомощность представляет собой системное свойство, включающее особенности функционирования различных сфер психики: мотивационной, волевой, эмоциональной, когнитивной. Она находит свое отражение в различных областях деятельности человека, сказываясь на ее успешности [1, 2]. При этом, согласно данным проведенных исследований, признаки личностной беспомощности обнаруживаются приблизительно у трети испытуемых [1]. Однако, несмотря на значимость данной проблемы, специального инструментария для диагностики личностной беспомощности до сих пор не существовало. Традиционно для ее выявления проводилась диагностика при помощи комплекса из четырех методик, что являлось очень трудоемким как для исследователя, так и для испытуемых. Кроме того, используемые методики не давали полной картины проявлений данного феномена у респондентов, поскольку не раскрывали содержания каждого из компонентов. В связи с этим крайне актуальным был вопрос разработки специализированной методики диагностики личностной беспомощности, которая позволила бы не только выявлять личностную беспомощность / самостоятельность средствами одного опросника, но и раскрывать ее внутренне содержание, анализируя проявления каждого из ее компонентов у испытуемых.

В настоящей работе представлен опыт авторов по разработке и апробации методики диагностики личностной беспомощности у подростков. С одной стороны, необходимость разработки данного опросника была продиктована все возрастающим интересом к проблеме с точки зрения научных исследований. В отечественной психологии изучаются структура и содержание феномена личностной беспомощности и самостоятельности, факторы их формирования (Д.А. Циринг, Ю.В. Яковлева), их взаимосвязь с успешностью деятельности на различных возрастных этапах (Е.В. Веденева, Е.В. Забелина, М.В. Овчинников, Е.А. Евстафеева и др.), исследуются психологические функции и типы личностной беспомощности (И.В. Пономарева), изучается связь личностной беспомощности с особенностями регуляции поведения субъекта (М.О. Климова, И.В. Пономарева, Е.А. Евстафеева, Я.Н. Сизова). Применение методики в данном случае необходимо для того, чтобы сформировать выборки испытуемых с личностной беспомощностью / самостоятельностью для решения дальнейших исследовательских задач. С другой стороны, наличие диагностического инструментария необходимо для решения прикладных задач, в частности психологической коррекции личностной беспомощности и ее профилактики. С этой точки зрения разработка методики для респондентов подросткового возраста представляется особенно важной, поскольку формирование личностной беспомощности начинается уже в детском возрасте, и к подростковому периоду она может быть уже достаточно выраженной у субъекта. Тем не менее личность на данном этапе еще находится в процессе активного развития, является гибкой и достаточно чувствительной к коррекционным воздействиям. Разработанная авторами методика представляет собой стандартизированный опросник, который может применяться как для индивидуального, так и для группового исследования, что отвечает потребностям в области как научного исследования, так и прикладного.

Анализ литературы по проблеме разработки психодиагностического инструментария [3–7] позволил нам выделить ряд ключевых этапов данного процесса, в соответствии с которыми была выстроена работа над методикой.

На первом этапе разработки психодиагностического опросника необходимы постановка цели и определение исходного теоретического концепта для будущей методики. Целью нашей работы была разработка методики диагностики личностной беспомощности и самостоятельности для респондентов подросткового возраста.

Теоретическим основанием разработанной методики выступает концепция личностной беспомощности Д.А. Циринг. Так как личностная беспомощность представляет собой системный феномен, интегрирующий в себе особенности функционирования когнитивной, мотивационной, эмоциональной и волевой сфер личности, в основу методики были заложены представления о структуре личностной беспомощности, включающей четыре компонента: мотивационный, когнитивный, эмоциональный и волевой [1, 8].

Мотивационный компонент личностной беспомощности характеризуют следующие особенности: экстернальный локус контроля, мотивация избегания неудач, низкая самооценка, низкий уровень притязаний, страх отвержения, недостаточная сформированность ценностных ориентаций, низкая способность к целеполаганию. Когнитивная составляющая характеризуется низкими показателями дивергентного мышления, ригидностью мышления, пессимистическим атрибутивным стилем. Эмоциональный компонент личностной беспомощности включает в себя такие характеристики, как замкнутость, равнодушие, неуверенность, склонность к чувству вины, ранимость, низкий самоконтроль, возбудимость, тревожность, депрессивность, фрустрированность. Волевой компонент включает следующие особенности: безынициативность, нерешительность, низкая сформированность таких качеств личности, как организованность, настойчивость, выдержка, моноотонность [8].

Следующий этап разработки психодиагностического инструмента – спецификация теста и разработка заданий. На данном этапе, опираясь на исследования, проведенные Д.А. Циринг [1], Е.В. Веденева [2], Ю.В. Яковлевой [9], И.В. Пономаревой [10], отбирались и фиксировались содержательные проявления каждого из компонентов. Таким образом был создан перечень свойств, отражающих психологическое содержание личностной беспомощности, исходя из которого разрабатывались вопросы для методики. В результате методика представляет собой набор утверждений, на которые испытуемому предлагается ответить «да» или «нет». Утверждения опросника создавались с учетом возрастных особенностей подростков и наиболее типичных для них жизненных ситуаций: обучение в школе, общение с друзьями, взаимодействие с родителями.

Опросник включает 98 утверждений, которые распределены по четырем шкалам в соответствии со структурой личностной беспомощности – шкалы «когнитивный компонент», «мотивационный компонент», «эмоциональный компонент» и «волевой компонент». Каждая из шкал, в свою

очередь, включает ряд показателей, конкретизирующих содержание компонента. Шкала «когнитивный компонент» включает такие показатели, как пессимистический атрибутивный стиль, ригидность мышления, малая продуктивность дивергентного мышления. Шкала «мотивационный компонент» включает следующие показатели: экстернальный локус контроля, низкий уровень притязаний, мотивация избегания неудач, низкая самооценка. Шкала «эмоциональный компонент» основана на таких характеристиках, как повышенная тревожность, эмоциональная неустойчивость, склонность к депрессии, астения. Шкала «волевой компонент» включает показатели несамостоятельности, низкой настойчивости, низкого самообладания, нерешительности, робости. Таким образом, опросник нацелен как на диагностику общего уровня личностной беспомощности, так и на выявление ее содержания покомпонентно.

После разработки заданий и создания пробной версии опросника необходимо проведение пилотажного исследования для эмпирической апробации методики, анализа пригодности разработанных пунктов, их отбора, проверки внутренней согласованности теста [4].

В эмпирической апробации методики диагностики личностной беспомощности приняли участие 296 подростков в возрасте от 13 до 16 лет.

Опросник проверен на внутреннюю согласованность. Для изучения внутренней согласованности было подсчитано значение коэффициента одномерной надежности α -Кронбаха. По результатам первичных подсчетов были выявлены и отсеяны пункты методики, снижающие ее надежность (исходная версия опросника включала 123 утверждения, значение коэффициента α -Кронбаха составило 0,639). Еще одной процедурой выявления неэффективных вопросов был частотный анализ ответов испытуемых. Он позволил выявить пункты, на которые большинство испытуемых дают одинаковые ответы. Эти вопросы были также исключены из методики и дальнейшего анализа. После этого коэффициент Кронбаха был вычислен повторно на оставшихся пунктах методики, в итоге его значение составило 0,918 (окончательная версия опросника включает 98 утверждений). Этот результат позволяет говорить о высоком уровне внутренней согласованности пунктов методики. Также проведена проверка на внутреннюю согласованность каждой из шкал опросника по отдельности. По шкале «мотивационный компонент» значение коэффициента α -Кронбаха составило 0,745; по шкале «когнитивный компонент» – 0,626; по шкале «эмоциональный компонент» – 0,866; по шкале «волевой компонент» – 0,804. Полученные данные позволяют судить о достаточном уровне внутренней согласованности шкал опросника.

На материале исследования был проведен факторный анализ показателей методики, чтобы проверить, действительно ли заложенные в методике шкалы могут быть выделены в отдельные факторы.

Критерий выборочной адекватности Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) свидетельствовал о приемлемой адекватности выборки для факторного анализа (0,883), критерий сферичности Бартлетта показал статистически достоверный результат ($p = 0,000$), что также говорит о пригодности данных для

факторного анализа. В ходе анализа было выделено 4 фактора. При такой факторной структуре доля объяснимой дисперсии составила 70,213%. Ниже представлена матрица факторных нагрузок после вращения, отражающая содержание каждого из факторов (табл. 1).

Таблица 1

Факторное распределение показателей методики диагностики личностной беспомощности для подростков

Показатель	Фактор			
	1	2	3	4
Астения	,797			
Депрессия	,787			
Эмоциональная неустойчивость	,730			
Тревожность	,724			
Низкое самообладание	,694			
Низкий уровень дивергентного мышления		,790		
Низкий уровень притязаний		,684		
Ригидность мышления		,611		
Экстернальный локус контроля			,709	
Избегание неудач			,574	
Нерешительность			,544	
Робость			,427	
Пессимистический атрибутивный стиль				,735
Несамостоятельность				,669
Низкая настойчивость				,562
Низкая самооценка			,451	
Доля объяснимой дисперсии, %	25,319	17,865	14,942	12,087

В первый фактор, доля объяснимой дисперсии которого составила 25,319%, вошли переменные «астения», «депрессия», «эмоциональная неустойчивость», «тревожность», «низкое самообладание». Психологическое содержание данного фактора, которое заключается в повышенной утомляемости, сниженном настроении, склонности к депрессии, эмоциональной лабильности, подверженности перепадам настроения, повышенной тревожности, сниженной способности «держаться в руках» и контролировать свое эмоциональное состояние, позволило назвать данный фактор «эмоциональная неустойчивость».

Во второй фактор с долей объяснимой дисперсии 17,865% вошли показатели «низкий уровень дивергентного мышления», «низкий уровень притязаний» и «ригидность мышления». Данный фактор был назван «когнитивная ригидность», его психологическое содержание заключается в низком уровне креативности, сниженной способности находить новые пути решения проблем, неготовности ставить перед собой сложные задачи, неуверенности в собственных силах, низком уровне гибкости мышления.

Третий фактор, доля объяснимой дисперсии которого 14,942%, объединил в себе показатели «экстернальный локус контроля», «мотивация избегания неудач», «нерешительность», «робость» и «низкая самооценка». Психологическое содержание данного фактора характеризуется преобладанием внешней мотивации, отношением к происходящим событиям как к не зависящим от

самого субъекта, стремлением избежать наказания при осуществлении деятельности, а не достичь высоких результатов, неготовностью принимать самостоятельные решения, робостью, неверием в собственные силы. Исходя из этого данный фактор был назван «экстратенсивная мотивация».

В четвертый фактор с долей объяснимой дисперсии 12,087% вошли показатели «пессимистический атрибутивный стиль», «несамостоятельность», «низкая настойчивость». Данный фактор был назван «низкая настойчивость на фоне пессимистических ожиданий», он характеризуется недостатком настойчивости в достижении целей, сниженной способностью принимать самостоятельные решения, ожиданием поддержки и контроля со стороны взрослых, склонностью к ожиданию неудач.

Анализируя содержание каждого из факторов, несложно проследить их сходство с компонентами личностной беспомощности, теоретические представления о которых стали базой для разработки описываемой методики. Фактор «эмоциональная неустойчивость», выявленный нами в ходе анализа, отражает показатели эмоционального компонента личностной беспомощности. Содержание фактора «когнитивная ригидность» согласуется с характеристиками когнитивного компонента личностной беспомощности. Фактор «экстратенсивная мотивация» можно интерпретировать как мотивационный компонент личностной беспомощности. Фактор «низкая настойчивость на фоне пессимистических ожиданий» схож по содержанию с волевым компонентом личностной беспомощности.

Тем не менее необходимо отметить, что имеются некоторые расхождения в полученной при помощи факторного анализа структуре с той, которая была заложена в методике изначально. При том что шкалы, описывающие компоненты личностной беспомощности, явно прослеживаются в полученных факторах, некоторые из показателей «перешли» из одной шкалы в другую. В частности, показатель «низкое самообладание» при разработке опросника был заложен в шкалу «волевой компонент», но в ходе факторного анализа был отнесен к фактору «эмоциональная неустойчивость». Однако подобное расхождение в теоретической и эмпирической моделях вполне объяснимо и лишь напоминает нам о том, что разделение психики на отдельные структуры всегда условно, поскольку все они функционируют в тесном взаимодействии и не могут быть строго отделены друг от друга. Очевидно, что самообладание связано как с возможностями волевого контроля поведения, так и с эмоциональными особенностями индивида. переменная «низкий уровень притязаний» в ходе факторного анализа была отнесена к фактору «когнитивная ригидность», в то время как на этапе разработки методики была заложена в качестве показателя мотивационного компонента. Такой «переход» также вполне объясним, так как уровень притязаний, выступая мотивирующим фактором, является, по сути, продуктом когнитивной оценки собственных возможностей, т.е. в равной степени связан как с мотивационной, так и с когнитивной сферой личности.

Итак, в ходе факторного анализа показателей методики подтверждена возможность выделения в разработанной методике нескольких отдельных

шкал, описывающих компоненты личностной беспомощности: эмоциональный, мотивационный, когнитивный, волевой.

Следующим этапом подготовки психодиагностического теста является анализ надежности.

Нами проведена проверка методики на надежность половинного расщепления. Расщепление опросника на две части было произведено случайным образом. В качестве показателя надежности использован коэффициент корреляции частей опросника (r -Пирсона). Показатель коэффициента корреляции половинного расщепления ($r = 0,856, p = 0,000$) свидетельствует о высоком уровне надежности методики. Также нами было проведено половинное расщепление опросника по отдельным шкалам. Каждая из шкал имеет высокий уровень надежности половинного расщепления: по шкале «когнитивный компонент» получено значение коэффициента корреляции $r = 0,406$ на уровне значимости $p = 0,000$; по шкале «мотивационный компонент» – $r = 0,490, p = 0,000$; по шкале «эмоциональный компонент» – $r = 0,790, p = 0,000$; по шкале «волевой компонент» – $r = 0,590, p = 0,000$. Полученные данные позволяют говорить о высоком уровне надежности методики.

Далее была произведена проверка методики на ретестовую надежность. Показатель ретестовой надежности является важным для определения пригодности диагностической методики, однако может использоваться только в случае исследования психических свойств, стабильных во времени. Поскольку личностная беспомощность является устойчивым личностным образованием, применение критерия ретестовой надежности для проверки методики ее диагностики является возможным и необходимым. Следует отметить, что при проведении ретеста существует вероятность того, что испытуемые могут воспроизводить в повторном обследовании предыдущую картину ответов. В связи с этим необходим достаточный интервал между первичным и повторным тестированием. В нашем исследовании временной интервал составил 16 недель (4 месяца). В качестве показателя ретестовой надежности также использовался коэффициент корреляции r -Пирсона. В данной процедуре приняли участие 86 испытуемых, значение коэффициента корреляции составило $r = 0,642$ при $p = 0,000$. Полученный показатель позволяет судить о высокой ретестовой надежности.

Следующий этап подготовки методики – проверка валидности. В данном исследовании использовался показатель конкурентной валидности. Конкурентная валидность оценивается по корреляции разработанного теста с другими, валидность которых относительно измеряемого параметра установлена. Как уже отмечалось ранее, единой методики для диагностики изучаемого параметра до сих пор не было разработано, однако личностную беспомощность можно выявлять с помощью батареи методик, направленных на выявление уровня тревожности, депрессивности, самооценки и атрибутивного стиля. В связи с этим мы предположили, что полученные результаты с помощью разработанного опросника должны коррелировать с показателями опросников, традиционно используемых для выявления личностной беспомощности и самостоятельности: «Методика определения самооценки»

С.А. Будасси; «Личностная шкала проявлений тревоги» в адаптации Т.А. Немчинова, В.Г. Норакидзе; «Шкала депрессии» в адаптации Т.И. Балашовой; «Опросник стиля атрибуции подростков ОСТАП» (адаптация Д.А. Циринг).

Для выявления корреляций между показателями по данным методикам и значениями, полученными по разработанной методике диагностики личностной беспомощности, использовался коэффициент корреляции r -Пирсона (выборка составила 103 испытуемых). Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели конкурентной валидности методики диагностики личностной беспомощности (соотношение с показателями других методик по коэффициенту корреляции Пирсона)

Методика	r -Пирсона	Уровень значимости (p)
«Опросник стиля атрибуции подростков ОСТАП» Д.А. Циринг	-0,571	0,000
«Шкала депрессии» в адаптации Т.И. Балашовой	0,689	0,000
«Личностная шкала проявлений тревоги» в адаптации Т.А. Немчинова, В.Г. Норакидзе	0,789	0,000
«Методика определения самооценки» С.А. Будасси	-0,086	0,208

Как показали результаты, значения, полученные по методике диагностики личностной беспомощности, коррелируют на высоком уровне значимости с характеристиками атрибутивного стиля, депрессии и тревожности. Следует отметить, что взаимосвязь с показателем атрибутивного стиля носит обратный характер, поскольку у испытуемых с высокими значениями личностной беспомощности обнаруживаются низкие значения по переменной «атрибутивный стиль», т.е. склонность к пессимистическому стилю атрибуции. Также необходимо отметить, что взаимосвязь с показателем самооценки не обнаружена. Это объясняется тем, что связь между личностной беспомощностью и уровнем самооценки носит нелинейный характер. У испытуемых с личностной беспомощностью может обнаруживаться как заниженная, так и завышенная самооценка. В то время как у «самостоятельных» испытуемых преобладает адекватная самооценка.

На следующем этапе исследования была проведена стандартизация разработанной методики, которая позволяет перевести «сырые» оценки испытуемых в стандартные тестовые показатели, что дает возможность сравнивать данные, полученные у различных испытуемых, и интерпретировать их.

При стандартизации использовались данные, полученные при опросе 296 человек. Для проверки нормальности распределения был использован критерий Колмогорова–Смирнова. Результаты анализа позволяют говорить о нормальном распределении признака в выборке испытуемых ($Z = 0,983$, $p = 0,288$). Поскольку распределение «сырых» оценок в группе испытуемых является нормальным, далее была проведена линейная стандартизация по традиционной методике [11], которая позволила перевести исходные данные в стандарты. Результаты представлены в табл. 3.

Тестовые нормы для опросника диагностики личностной беспомощности у подростков (перевод «сырых» баллов в стены)

Стены	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Исходные баллы	< 6	6–14	15–22	23–30	31–38	39–46	47–54	55–62	63–70	> 70

Таким образом, при интерпретации результатов методики диагностики личностной беспомощности у подростков и оценке выраженности данного свойства, следует руководствоваться следующими характеристиками:

- 1 стен – крайняя выраженность самостоятельности;
- 2–4 стена – самостоятельность;
- 5–6 стенов – промежуточные значения;
- 7–9 стенов – личностная беспомощность;
- 10 стенов – крайне выраженная личностная беспомощность.

Итак, в ходе апробации методики диагностики личностной беспомощности была проверена шкальная структура опросника при помощи факторного анализа, проведен анализ надежности, оценены ретестовая надежность и надежность половинного расщепления, проанализирована конкурентная валидность методики, проведена стандартизация. Полученные в ходе данных процедур результаты позволяют говорить о том, что методика соответствует предъявляемым требованиям и может быть использована в качестве инструмента диагностики личностной беспомощности и самостоятельности у подростков.

Следует отметить, что описанные этапы апробации методики являются необходимыми, но далеко не исчерпывают весь объем работы по разработке психодиагностической методики. Как отмечают Н.А. Батури и Н.Н. Мельникова [4], важными этапами являются также описание алгоритмов обработки данных и схем анализа результатов, рецензирование, сертификация методики, подготовка руководства для пользователя и издание методики, сопровождение использования теста. В этой связи авторами планируется дальнейшая работа над методикой, в частности расширение выборки стандартизации, проведение дополнительных исследований психометрических показателей методики, публикация текста опросника и руководства по его использованию.

Литература

1. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
2. Веденева Е.В. Мотивационный компонент личностной беспомощности на разных возрастных этапах : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2009. 177 с.
3. Анастази А. Психологическое тестирование / пер. с англ. и общ. ред. А.А. Алексева. 7-е междунар. изд. СПб. : Питер, 2001. 686 с.
4. Батури Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки тестов. Часть I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2009. Вып. 7, № 42 (175). С. 11–25.

5. Батурин Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки тестов. Часть II // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. 2009. Вып. 6, № 30 (163). С. 4–14.
6. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2006. 351 с.
7. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование. Киев : Изд-во ПАН Лтд, 1994. 688 с.
8. Циринг Д.А. Личностная беспомощность у детей: структурные компоненты и их взаимосвязи // Теоретико-методологические и психологические основы коррекционно-развивающей работы психологов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Шадринск : Изд-во ШГПИ, 2006. Ч. 1. С. 5–11.
9. Яковлева Ю.В. Самостоятельность в студенческом возрасте (аксиологический аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 153–156.
10. Пономарева И.В. Личностная беспомощность подростков из семей с нарушениями взаимоотношений : дис. ... канд. психол. наук / Ин-т психологии РАН. Челябинск, 2013. 164 с.
11. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие. СПб. : Речь, 2004. 392 с.

*Поступила в редакцию 11.04.2017 г.; повторно 07.10.2017 г.;
принята 10.10.2017 г.*

Сведения об авторах:

КЛИМОВА Марина Олеговна, старший преподаватель кафедры психологии Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: klimova.marina@list.ru
ЦИРИНГ Диана Александровна, ректор Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail l-di@yandex.ru

PERSONAL HELPLESSNESS OF ADOLESCENTS: DESIGN AND TESTING OF PSYCHODIAGNOSTICS TECHNIQUE

Siberian journal of psychology, 2017, 66, 130–140. DOI: 10.17223/17267080/66/9

Klimova Marina O., Tsiring Diana A., Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

E-mail: klimova.marina@list.ru, l-di@yandex.ru

Keywords: psychodiagnostics; psychometry; test design; personal helplessness; self-dependence; adolescence.

The article describes the process of creation and testing of an original questionnaire to diagnose personal helplessness in adolescents. Traditionally researchers use a complex of four techniques to diagnose personal helplessness, on the one hand it is time-consuming for a researcher and respondents, on the other hand, the results of such diagnostic allowed ascertaining the presence of personal helplessness or self-dependence, but they did not give any representation about the individual characteristics of structural components of personal helplessness.

The theoretical basis of the developed technique is the concept of personal helplessness (Tsiring, D.A.). The technique is based on the structure of personal helplessness, consisting of four components (motivational, cognitive, emotional and volitional). In accordance with that four scales were laid in the questionnaire. We have created the list of properties that reflect the psychological content of the personal helplessness phenomenon, and which is based on existing studies. The analysis of the internal consistency of method items demonstrated a high level of internal consistency of the whole technique (α -Cronbach = 0,918), and of each scale: the cognitive component; the motivational component; the emotional component; the volitional component.

During the empirical testing, we conducted a factor analysis of method indicators, that confirmed the factor structure inherent in the questionnaire. The analysis identified 4 factors, consistent with the scales of the questionnaire, the proportion of explainable variance was 70,213 per cent.

We tested the reliability of the technique by half-splitting and test-retest methods. The correlation coefficient of half-splitting indicates the high level of techniques reliability. The coefficient of correlation of primary and re-diagnostic results indicates the high test-retest reliability.

We also tested the method on the concurrent validity. We obtained significant correlations of the results of our questionnaire and the results of techniques which are traditionally used to diagnose personal helplessness, such as "Attribution style questionnaire for teenagers OSTAP" by D.A. Tsiring; "Scale of depression" adapted by T.I. Balashova; "Personal scale manifestations of anxiety" adapted by T.A. Nemchinov, V.G. Norakidze.

We conducted the procedure of standardization for the method.

The results of the analysis let us state that the questionnaire for personal helplessness diagnostics satisfies the requirements and can be used as a tool to diagnose personal helplessness and self-dependence of adolescents.

References

1. Tsiring, D.A. (2010) *Psikhologiya lichnostnoy bespomoshchnosti: issledovanie urovney sub"ektnosti* [Psychology of personal helplessness: the study of levels of subjectness]. Moscow: Akademiya.
2. Vedeneeva, E.V. (2009) *Motivatsionnyy komponent lichnostnoy bespomoshchnosti na raznykh vozrastnykh etapakh* [Motivational component of personal helplessness at different age stages]. Psychology Cand. Diss. Tomsk.
3. Anastazi, A. (2001) *Psikhologicheskoe testirovanie* [Psychological testing]. 7th ed. Translated from English by A.A. Alekseev. St. Petersburg: Piter.
4. Baturin, N.A. & Melnikova, N.N. (2009) *Tekhnologiya razrabotki testov. Chast' I* [Technology of test development. Part I]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – Bulletin of South Ural State University. Psychology.* 42(175). pp. 11–25.
5. Baturin, N.A. & Melnikova, N.N. (2009) *Tekhnologiya razrabotki testov. Chast' II* [Technology of test development. Part II]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – Bulletin of South Ural State University. Psychology.* 30(163). pp. 4–14.
6. Burlachuk, L.F. (2006) *Psikhodiagnostika* [Psychodiagnosics]. St. Petersburg: Piter.
7. Klayn, P. (1994) *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov: vvedenie v psikhometricheskoe proektirovanie* [Reference guide for test construction: An introduction to psychometric design]. Kyev: PAN Ltd.
8. Tsiring, D.A. (2006) [Personality helplessness in children: structural components and their interrelations]. *Teoretiko-metodologicheskie i psikhologicheskie osnovy korrrektsionno-razvivayushchey raboty psikhologov* [Theoretical, Methodological and Psychological Bases of Correctional and Developing Work of Psychologists]. Proc. of the International Conference. Shadrinsk. pp. 5–11. (In Russian).
9. Yakovleva, Yu.V. (2010) *Samostoyatel'nost' v studencheskom vozraste (aksiologicheskii aspekt)* [Independence in the student age (the axiological aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 333. pp. 153–156.
10. Ponomareva, I.V. (2013) *Lichnostnaya bespomoshchnost' podrostkov iz semey s narusheniyami vzaimootnosheniy* [Personal helplessness of adolescents from families with disabilities]. Psychology Cand. Diss. Chelyabinsk.
11. Nasledov, A.D. (2004) *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation]. St. Petersburg: Rech'.

Received 11.04.2017;

Revised 07.10.2017;

Accepted 10.10.2017